

Кубанский государственный университет

Научный журнал

ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Scientific Journal

SOUTH-RUSSIAN JOURNAL OF SOCIAL SCIENCES

Том 19 · 2018 · №3

Южно-российский журнал социальных наук

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. 20 марта 2018 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, территории распространения, переименованием учредителя, уточнением тематики — регистрационный номер ПИ № ФС77-72496 от 20 марта 2018 г.

Распространяется по подписке. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483. ISSN 2619-0567

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436 ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 406-н.
Тел.: (861) 219-96-27

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149. Кубанский
государственный университет

Главный редактор

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук, проф. (КубГУ, Россия)

Редакционная коллегия

Жаде З.А., д-р полит. наук, проф., Адыгейский ГУ, Россия; **Кольба А.И.**, д-р полит. наук, доц., КубГУ, Россия (*зам. гл. редактора*); **Мкртчян А.Е.**, д-р филос. наук, проф., Ереванский государственный университет, Армения; **Нарыков Н.В.**, д-р филос. наук, проф., Краснодарский университет МВД, Россия; **Насимова Г.О.**, д-р полит. наук, проф., Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан; **Оберемко О.А.**, канд. социол. наук, доц., НИУ ВШЭ, Россия; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия (*зам. гл. редактора*); **Подшивалкина В.И.**, д-р социол. наук, проф., Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина; **Поцелуев С.П.**, д-р полит. наук, проф., ЮФУ, Россия; **Рябкина З.И.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; **Рябченко Н.А.**, канд. полит. наук, КубГУ, Россия (*тех. директор*); **Фадеева Л.А.**, д-р ист. наук, проф., Пермский ГНИУ, Россия; **Хагуров Т.А.**, д-р социол. наук, КубГУ, Россия; **Янчук В.А.**, д-р психол. наук, проф., Белорусский государственный университет, Беларусь.

Редакционный совет

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф., МГИМО(У) МИД РФ, Россия; **Дёмин А.Н.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; **Дженкинс Р.**, д-р социологии, проф., Университет Шеффилда, Великобритания; **Дэшауэр К.**, проф., Свободный университет, Брюссель, Бельгия; **Журавлев А.Л.**, д-р психол. наук, проф., академик РАН, Институт психологии РАН, Россия; **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия; **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф., Институт психологии РАН, Россия; **Никовская Л.И.**, д-р социол. наук, проф., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия; **Оркени А.**, д-р социол. наук, проф., Университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия; **Романова А.П.**, д-р филос. наук, проф., Астраханский ГУ, Россия; **Рот С.**, PhD, проф., Бизнес-школа Ла Рошель, Франция; **Семененко И.С.**, д-р полит. наук, член-корр. РАН, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Россия; **Сморгунов Л.В.**, д-р филос. наук, проф., СПбГУ, Россия; **Шабров О.Ф.**, д-р полит. наук, проф., РАНХиГС, Россия.

Журнал включен в утвержденный ВАК Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени по следующим отраслям науки: политические науки – 23.00.02, 23.00.04, 23.00.05; социологические науки – 22.00.04; психологические науки – 19.00.01, 19.00.05, 19.00.13.

Эл. адрес:

journalsr@kubsu.ru

Сайт журнала:

<http://journalsr.kubsu.ru>

Формат 70x100 1/16. Печать цифровая. Гарнитура PT Serif. Макет подготовлен и сверстан в компьютерном центре редакции. Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра Кубанского государственного университета, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Цена свободная. Подписано в печать 27.09.2018.

Уч.-изд. л. 18,74. Усл. печ. л. 17,0. Тираж 1000 экз. Заказ №

ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Том 19 · 2018 · №3

Содержание

Вопросы социальной теории

- Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений
Е. С. Садовая 6

Социологические интерпретации

- Социальное благополучие: восприятие реалий
Н. В. Гоффе, Г. А. Монусова 21
- Состояние и перспективы занятости сельского населения Оренбургской области
как условие обеспечения продовольственной безопасности региона
З. Ю. Переселкова 37

Психология личности

- Проблема субъектности человека в пространстве социокультурных детерминант
И. А. Аполлонов, А. С. Берберян 47
- Самооценка и базисные убеждения личности: содержание взаимосвязи
и особенности исследования
Г. Ю. Фоменко, А. А. Фролов 58
- Семейные ценности студенческой молодежи как матрица построения будущего
Г. В. Вержибок 75

Политические институты и процессы

- Многосоставные общества между государственной и общественной нацией
С. П. Поцелуев, Дж. А. Тимчук 96
- Становление международно-политической акторности германских СМИ
И. М. Ерофеев 126

Публичная политика

- Политический контент социальных движений в online-пространстве современных
государств: методология анализа и исследовательская практика
Н. А. Рябченко, В. В. Катермина, А. А. Гнедаш, О. П. Малышева 139
- Роскомнадзор против. Стратегические и институциональные ограничения
качества публичного управления (на опыте блокировок онлайн-ресурсов в России)
А. С. Шерстобитов, К. А. Неверов, Е. А. Барина 163

Политическая регионалистика

- Опыт реформирования административно-территориального деления на
поселенческом уровне в современной России
А. С. Трудюлюбов, М. А. Экба 177
- К сведению авторов 197
- Порядок приёма и рецензирования рукописей 204

South-Russian Journal of Social Sciences

Published quarterly since March 1999. Registered under certificate ПИ № ФС77-72496 of March 20, 2018 issued by the Federal Service for Supervision of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) of the Ministry of Communications and Mass Media of the Russian Federation.

Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483. ISSN 2619-0567

The Editorial Board's opinion may differ from the authors' opinion.

Founding institution:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room 406N,
Krasnodar 350040, Russian Federation,
tel. +7 861 2199627

Founding institution's address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Editor-in-chief

Prof. Elena V. Morozova, Dr. Sci. (Philosophy), Kuban State University; Krasnodar, Russia

Editorial Board

Prof. **Zuriet A. Zhade**, Dr. Sci. (Political Science), Adyghe State University, Maikop, Russia; Assist. Prof. **Aleksey I. Kolba**, Dr. Sci. (Political Science), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Deputy editor-in-chief*); Prof. **Artur E. Mkrtichyan**, Dr. Sci. (Sociology), Yerevan State University, Yerevan, Armenia; Prof. **Nikolaj V. Narykov**, Dr. Sci. (Philosophy), Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia; Prof. **Gulnar O. Nassimova**, Dr. Sci. (Political Sciences), Al-Farabi Kazakh National University, Astana, Kazakhstan; **Oleg A. Oberemko**, Cand. Sci. (Sociology), Higher School of Economics National Research University, Moscow, Russia; Prof. **Liudmila N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Deputy editor-in-chief*); Prof. **Valentina I. Podshivalkina**, Dr. Sci. (Sociology), Odessa National University, Odessa, Ukraine; Prof. **Sergey P. Potseluyev**, Dr. Sci. (Political Sciences), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. **Zinaida I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; **Natalya A. Ryabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Technical Director*); Prof. **Liubov A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State Research University, Perm, Russia; **Temyr A. Khagurov**, Dr. Sci. (Sociology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Vladimir A. Yanchuk**, Dr. Sci. (Psychology), Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Editorial Council

Prof. **Tatyana A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO University, Moscow, Russia; Prof. **Andrey N. Diomin**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Kris Deschouwer**, Vrije Universiteit Brussel, Brussel, Belgium; Prof. **Richard Jenkins**, Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Sheffield, Great Britain; Prof. **Anatoly L. Zhuravlev**, Dr. Sci. (Psychology), Academician Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Yuri P. Zinchenko**, Dr. Sci. (Psychology), Moscow State University, Moscow, Russia; Prof. **Viktor V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Institute of Psychology, Moscow, Russia; Prof. **Larissa I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Antal Orkeny**, DsC, Rolando Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof. **Steffen Roth**, PhD, La Rochelle Business School, La Rochelle, France; **Irina S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Sciences), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Leonid V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Prof. **Oleg F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Sciences), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

The Journal is on the list of leading peer-reviewed scientific journals and periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. The Journal publishes articles on the following fields of science: political sciences - 23.00.02, 23.00.04, 23.00.05; sociological sciences-22.00.04; psychological sciences -19.00.01, 19.00.05, 19.00.13.

E-mail:

journalsr@kubsu.ru

Web-site:

<http://journalsr.kubsu.ru>

SOUTH-RUSSIAN JOURNAL OF SOCIAL SCIENCES

Vol. 19 · 2018 · Iss. 3

Issues of Social Theory

People in a Digital Society: Dynamics of Social and Labor Relations

by *E. S. Sadovaya* 6

Sociological Interpretation

Well-Being: Reality and Its Perception

by *N.V. Goffe, G.A. Monusova* 21

The State of Employment and Its Perspectives for the Rural Population in Orenburg
Region as Provision for Agrofood Security

by *Z.Yu. Pereselkova* 37

Psychology of Personality

The Problem of Personal Agency Within the Space of Socio-Cultural Dominants

by *I. A. Apollonov, A.S. Berberyan*. 47

Self-Assessment and Basic Personal Beliefs: Content of the Relationship and
Peculiarities of the Research

by *G.Yu. Fomenko, A.A. Frolov*. 58

Family Values of Student Youth as a Matrix for Building the Future

by *H. V. Verzhbok* 75

Political Institutes and Processes

Plural Societies between the State Nation and Consociational Nation

by *S.P. Potseluev, J.A. Timkuk* 96

Formation of International-Political Actorship in German Media

by *I. M. Erofeev* 126

Public Policy

Political Content of Social Movements in the Online Space of Modern States:

Methodology of the Analysis and Research Practices

by *N.A. Ryabchenko, V.V. Katermina, A.A. Gnedash, O.P. Malysheva*. 139

Roskomnadzor vs. Strategic and Institutional Limits of Good Public Governance (Case
of Blockage of Online-Resources in Russia)

by *A.S. Sherstobitov, K.A. Neverov, E.A. Barinova* 163

Regional and Local Policy

The Experience of Reforming the Administrative Division at the Localities' Level in
Modern Russia

by *A.S. Trudolyubov, M.A. Ekba*. 177

Information for Contributors. 203

Procedure for Receiving and Reviewing Manuscripts 204

ЧЕЛОВЕК В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е. С. Садовая

Садовая Елена Сергеевна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН,
Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Россия
E-mail: sadovaja.elena@yandex.ru · <https://orcid.org/0000-0002-0553-3047>

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотрения процесса трансформации современного общества в единстве технологической, экономической и социальной составляющих, его влияния на каждого отдельного человека. Автор показывает, что процесс этот обусловлен широким распространением цифровых технологий, развитие и внедрение которых ведет не только к смене технологического уклада и изменению механизмов экономического роста, но создает предпосылки для кардинальной смены парадигмы общественного устройства, меняет сознание людей, их мировосприятие. Целью исследования является разработка концептуальных подходов к исследованию социальных трансформаций в условиях цифровой экономики. Категорией научного анализа, позволяющей лучше понять суть происходящих трансформаций, а, главное — их социальные последствия, выбран «человек в его социальной ипостаси». При этом в качестве механизма, через которые названные трансформации реализуются, рассматривается занятость, в которой преломляются все названные выше процессы, заставляя складывающиеся здесь отношения эволюционировать от вынужденно солидарных отношений общественного производства индустриальной эпохи к полностью индивидуализированным, фрагментированным, неустойчивым, зачастую виртуальным в разных смыслах этого слова отношениям. Автор приходит к выводу, что это может вести к размыванию прежних ценностных оснований общества, сделать современное общество и человека более зависимыми и манипулируемыми. Именно поэтому сегодня появляется настоятельная необходимость в синтетической теории, позволяющей не только адекватно описать суть происходящих трансформаций, но имеющей прогностический потенциал для определения перспектив общества в пору его тотальной нестабильности.

Ключевые слова: общественные трансформации, цифровая экономика, цифровые платформы, занятость «по запросу», трудовые отношения, безлюдные технологии, информационное общество.

Диалектика взаимодействия технологий, общества и человека

Процесс трансформации общества ускоряется, стремительно обгоняя биологическое время, и именно поэтому человеческое сознание все в меньшей степени способно «переварить» происходящие изменения. Это оказывается серьезным вызовом, как для научного сообщества и политического класса, так и для каждого отдельного человека. Тем более, что происходящее все хуже поддается осмыслению в привычных рамках работавших ранее объясняющих концепций, вполне удачно справлявшихся с аналитическим структурированием социального пространства и дававших возможность строить долгосрочные прогнозы. Сама парадигма научного познания, сложившаяся в эпоху Модерна и разделяющая этот процесс на множество узких направлений, позволяет описать лишь отдельные части единого целого.

Такие описания, как любые модели, грешат односторонностью, схематичностью и не позволяют представить окружающую нас реальность как систему, как единый, работающий по понятным нам универсальным законам, механизм. Пока есть только попытки описания социальной реальности на языке системного ана-

лиза, который Ф. Кумбс уподоблял «мощному объективу, позволяющему увидеть исследуемый объект как единое целое» (Кумбс, 1970). Однако несмотря на то, что междисциплинарный синтез сегодня востребован, как никогда, не сложился даже междисциплинарный язык описания реальности, во всяком случае в гуманитарных науках.

Понимание происходящего осложняется тем, что различные процессы, протекающие в обществе — технологические, организационно-институциональные, социальные, трансформация сознания человека, наконец, — развиваются крайне неравномерно, что затрудняет вычленение основных тенденций. Так, технологическое развитие ускорилось в последние десятилетия весьма существенно. И если раньше смена технологических укладов происходила на протяжении жизни нескольких поколений, то сегодня в течение жизни одного поколения сменяется несколько технологических укладов¹. В его основе лежит ужесточение конкуренции по издержкам и экономическая глобализация.

Экономическая парадигма общества меняется медленнее, так как в ее основе лежат групповые интересы, подлежащие согласованию, и процесс этот идет небыстро. Политическое развитие еще более инерционно. И, наконец, скорость трансформации институтов и отношений в социальной сфере самая низкая, поскольку затрагивает интересы всех без исключения членов общества². В итоге разрушение социальных структур «уходящего» индустриального общества идет медленнее, чем формируются технологические основы общества, которое уже конвенционально признается информационным. При этом все эти процессы являются отражением единой социальной динамики, они взаимообусловлены и активно влияют и на общество, и на каждого отдельного человека. Именно таким образом они и должны рассматриваться.

Каковы могут быть категории научного анализа, связывающие воедино эту разорванную на отдельные отрасли знания единую социальную ткань современного общества? Нам представляется, что в этом качестве может выступать человек (индивид), которого «в контексте изучения современной социально-политической динамики... можно рассматривать как “базовую единицу” анализа социальных изменений» (Семененко, 2012), имея в виду необходимость осмысления вызовов, вставших перед человеком в новой технологической реальности, направления эволюции общества.

Материальной основой этого нового формирующегося общества становится цифровая экономика, представляющая собой не столько технико-технологические условия для использования «данных в цифровой форме» и новые модели бизнес-взаимодействий (Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России, 2017 [Экспертно-аналитический доклад ЦСР]; Кешелав, Буданов, Румянцев, 2017), сколько коренную трансформацию всей архитектуры современного рынка. Отдельные отрасли и сектора экономики преобразуются

¹ Это само по себе является социальной проблемой, что углубляет разрыв между поколениями.

² Здесь стоит отметить, что культура и человеческое сознание — очевидно еще более инерционные системы. Именно «универсалии культуры» (концепт, предложенный акад. В.С. Степиным), являющиеся своего рода надбиологическими программами, определяющими характер того или иного общества, обеспечивают устойчивость и преемственность человеческого сознания. Однако в данной статье мы основной упор делаем на анализ институциональных трансформаций.

в цифровые платформы, объединяющие (и даже смешивающие, сплавляющие между собой) на новой технологической основе самые различные виды деятельности, крупные и мелкие компании, потребителей и производителей. Меняя формы взаимодействия экономических субъектов, цифровизация экономики предопределяет и преобразование всего современного общественного ландшафта. В этом смысле прав М. Кастельс, называющий экономику не информационной, а информационной (Castells, 2010), подчеркивая, что завершение процесса трансформации общества «требуется глубоких социальных, культурных и институциональных перемен», а не только лишь преобразования его экономико-технологического базиса.

Механизмом, через который экономические новации меняют социальную реальность, человека и общество, становится занятость. Преобразование целых отраслей и сфер деятельности в цифровые платформы становится не только способом переформатирования старой экономической парадигмы, но и «точкой сборки» взаимоотношений отдельного человека, бизнеса и государства.

Эти преобразования идут под воздействием двух групп факторов — кардинального сокращения спроса на труд (экономический рост все меньше обусловлен ростом занятости, как это было в условиях индустриального производства) и изменения характера самого труда и занятости, а следовательно, и сущности социальных взаимодействий в трудовой сфере, а затем и в обществе в целом.

Переходя к изложению авторского видения процессов, происходящих в социальной и социально-трудовой сферах, представленному в виде аналитической гипотезы, отметим, что оно, несомненно, страдает определенной «односторонностью». В том смысле, что мы акцентируем свое внимание, прежде всего, на процессах, размывающих сложившуюся социальную систему, пристально рассматривая негативные социальные последствия происходящих трансформаций. Как и любая другая, наша попытка концептуализации, несомненно, грешит схематичностью, оставляя за рамками значительное число не только фактов, эмпирического материала, но и контртенденций, всегда присутствующих в любом общественном процессе. Это делает картину мира менее выпуклой, однако в условиях глубоких изменений системы такой подход оказывается во многом оправданным, в том числе и потому, что дает возможность рассмотреть наиболее сущностные ее черты и предпринять попытку прогнозирования дальнейшего развития событий, или, по крайней мере, инициировать научную дискуссию.

Потребность в ней особенно велика именно в период фазового перехода, когда человечество оказывается «на распутье» и перед ним открывается целый спектр возможных вариантов дальнейшей эволюции. В этих условиях особенно возрастает «потребность в осмыслении связей человека с институтами, претендующими на организацию управления многомерными общественными процессами» (Семенов, 2012). Следует подчеркнуть, что речь идет об институтах в самом широком смысле этого слова. Одним из важнейших оказывается именно занятость, понимаемая нами не столько, как «деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству и приносящая заработок», сколько, как система общественных отношений.

Именно под влиянием технологических изменений, оказывающих системное воздействие на различные аспекты общественной жизни, меняются и отношения в сфере труда, а сама она стремительно сокращается, формируя основы «посттру-

дового» общества (Srnicek, Williams, 2015). Основные его структурообразующие элементы, сформировавшиеся в условиях аналоговой реальности, размываются в условиях цифровой. Привычные категории научного анализа и обыденной жизни, такие как «собственность», «предпринимательство», «занятость», «труд», «профессиональная деятельность», «трудовые отношения», также меняют свое содержание.

Человеческое общество за рамками труда. Социально-философский аспект

До настоящего момента анализ процессов, происходящих в социально-трудовой сфере, редко выходил за достаточно узкие рамки социально-экономического подхода — структурные параметры занятости, количество безработных, проблемы разбалансировки спроса и предложения на рынке труда. Даже в условиях кризисов отклонения параметров функционирования рынка труда рассматривались, как иногда опасные с социально-политической точки зрения, но все же отдельные «сбои» в работе четко отлаженного механизма. И этот подход вполне адекватно отражал существовавшую реальность. В его рамках возникающие социальные дисбалансы ликвидировались мерами политики занятости и социальной политики, ставшими обыденными и достаточно эффективными механизмами легитимации власти.

Цифровая экономика очень быстро (практически одномоментно по историческим меркам) и кардинально преобразовала занятость, причем речь идет именно о качественных изменениях ее параметров и внутренних связей. Даже самый поверхностный взгляд свидетельствует, что глубина накопившихся в сфере труда структурных дисбалансов отражает системный характер происходящих перемен, имея в виду то, что Д. Хендрикс называл ситуацией фазового перехода, когда изменения приобретают самоусиливающийся характер и препятствуют возвращению системы в прежнее состояние (Hendricks, 2009).

Одним из проявлений этих перемен становится значительное сокращение спроса на труд любой квалификации, кроме самой высшей (IT, конвергентные профессии, шоу-бизнес), идет ли речь о реальном производстве или сфере обслуживания, или даже о вполне интеллектуальных видах деятельности. Особенно массовое сокращение спроса ожидается на труд средней квалификации, с которым успешно справляются компьютерные алгоритмы (Цифровые дивиденды, 2016 [Доклад Всемирного банка]).

Эксперты *PricewaterhouseCoopers* так оценивают доли находящихся под угрозой автоматизации рабочих мест к 2030 г. в разных странах: в США — 38%, в Германии — 35, в Великобритании — 30, Японии — 21% (Workforce of the Future. The Competing Forces Shaping 2030, PWC), а в докладе Всемирного банка говорится, что в развивающихся странах под угрозой автоматизации находятся до двух третей всех рабочих мест (Цифровые дивиденды, 2016 [Доклад Всемирного банка]).

Следствием происходящих процессов становится рост незанятости / некачественной занятости в современной экономике. Так, по данным компании *McKinsey*, безработными, неактивными или частично занятыми сегодня в мире являются от 30 до 45% населения трудоспособного возраста (A Labor Market that Works: Connecting Talent with Opportunity in the Digital Age, 2017 [McKinsey Global Institute Report]). Прогнозируется, что ситуация будет ухудшаться в са-

мое ближайшее время. По данным МОТ, в период с 2016 по 2019 г. число только официально зарегистрированных безработных в мире увеличится более чем на 11 млн. (New job, new life: Updates from Generation graduates around the world, 2016 [McKinsey Global Institute Report]).

При этом из занятости стремительно исчезает ее социальная составляющая с постоянным контрактом и страхованием рисков. Так, по оценкам компании *Deloitte*, только 42% опрошенных руководителей компаний в 2018 г. сказали, что в их организации в основном приняты классические трудовые отношения между работниками и работодателем. При этом в самые ближайшие годы они ожидают резкого увеличения количества срочных контрактов, внештатных, временных и других категорий работников, трудящихся в нестандартных условиях (The Workforce Ecosystem: Managing beyond the Enterprise, 2018 [Deloitte]).

Занятость все чаще приобретает виртуальный характер. Это означает не только то, что она реализуется посредством цифровых технологий, но и то, что она все в большей мере теряет свою реальную полезность для общества. Это касается определенных видов активности — достаточно ознакомиться с «трудовой деятельностью», осуществляемой на просторах Интернета.

В этом смысле интересна опубликованная еще в 1983 г. в журнале «The Futurist» статья «Больше технологии, меньше работы» канадского ученого М. Морфа. В качестве средства борьбы с ухудшением ситуации в социально-трудовой сфере вследствие развития безлюдных технологий в ней рассматривается такая мера, как широкое распространение различных форм непродуктивных, как он их называл, «призрачных» занятий (цит. по Араб-Оглы, 1986), становящихся все более бесполезными с точки зрения человека и общества.

Похоже, что сегодня мы вплотную подошли к реализации этой идеи. Какие же возможности профессиональной или скорее личностной реализации (если иметь в виду массовые занятия) есть на современном рынке труда? Существует достаточно много обзоров, посвященных наиболее востребованным профессиям недалекого будущего (21 профессия будущего — от дата-детектива до криптокоуча, 2017; Зырянова, 2017). Одним из наиболее распространенных видов деятельности уже сегодня становится манимейкинг — это может быть ведение блогов, добыча крипто-валюты, интернет-коучинг, проектирование путешествий в дополненной реальности, сбор средств на реализацию собственных проектов с помощью технологий краудфандинга. Можно назвать и другие формы интернет-активности, которыми люди занимаются в надежде на получение дохода.

Основной отличительной чертой такой «занятости» является то, что люди оказывают услуги, не имея институциональной связи с каким-либо предприятием, зачастую даже страной, не имея социальных гарантий. Приемлемого уровня персональной капитализации (количество «лайков» или подписчиков) добиваются при этом единицы, поскольку осуществляется она в условиях высокой конкуренции.

Цифровизация экономики и преобразование большинства видов деятельности в платформенные, трансформируют занятость в деятельность «по запросу», которую мы по инерции продолжаем называть профессиональной. Краудворкинг-платформы («биржи талантов»), приходящие на смену традиционным предприятиям и являющиеся по сути своей лишь агрегаторами (программным обеспечением), предоставляют человеку возможность быстро находить себе подработку, зачастую являющуюся единственной формой заработка. В итоге можно

представить себе ситуацию, когда вид деятельности меняется несколько раз в течение одного дня (доставка, переводы, консультации, транспортные, бытовые услуги). Чтобы его осуществлять, достаточно скачать себе мобильные приложения и начать предлагать свои услуги «по запросу», понимая, что такая деятельность в большинстве случаев носит одноразовый характер.

Поляризация занятых растет, поскольку сама занятость все чаще оказывается непостоянной, низкооплачиваемой, без присущих ей в индустриальной экономике социальных гарантий³, определяющим образом влияя на формирование новой социальной структуры «цифрового» общества. Прежде всего, исчезает средний класс, выполнявший, по образному выражению Г. Г. Дилигенского, определенную идеологическую функцию, заключающуюся в «символизации некоей идеологической альтернативы» раздираемому противоречиями антагонистическому обществу (Дилигенский, 2002), легитимации сложившегося политического устройства современного мира.

В этих условиях вторую жизнь обретает предложенное Э. Тоффлером понятие «протребители»⁴, на наш взгляд, скорее в художественной нежели научно-аналитической форме отражающее происходящие в сфере труда перемены, связанные с размытием прежних представлений о труде и профессиональной занятости (подробнее об идеологии «просьюмеризма» см.: Плотицкина, 2017). В целом в научном дискурсе не сложился пока устойчивый консенсус по поводу новой социальной структуры формирующегося общества. Но уже очевидно, что введенное в научный оборот Г. Стэндингом понятие прекариата, как нового, «опасного» класса современного общества (Стэндинг, 2014), оказывается более адекватным, близким к реальности, нежели те, которые создали Р. Инглхарт, Ч. Лэндри, а затем и Р. Флорида (Ingelhart, 1997; Landry, 2000; Florida, 2005), писавшие о креативной экономике. Рост незанятости или временной, неустойчивой занятости «белых воротничков» (до 60% этой группы), интеллектуализация того слоя, который Стэндинг назвал прекариатом, фиксируемые статистикой и отмечаемый экспертами — яркое тому подтверждение (Санкова, 2014).

Каковы же отличительные черты этого нового класса, названного Г. Стэндингом по аналогии с пролетариатом, но во многом являющегося его антиподом? В отличие от пролетариата, самой организационно-технологической парадигмой индустриального труда объединенного в мощные, хорошо организованные группы интересов, представители прекариата разобщены и фрагментированы. И если в конце прошлого века, согласно исследованиям известного американского социолога, З. Баумана, молодого американца, например, со средним уровнем образования, в течение его трудовой жизни ожидала смена, по меньшей мере, 11 видов профессиональной деятельности (Бауман, 2002), то сегодня люди иногда вынуждены менять сферу приложения своего труда несколько раз в день. Креа-

³ Исследования свидетельствуют, что заработки фрилансеров и тех, кто трудится в нестандартных условиях, оказываются крайне низкими (Bögenhold D., Klinglmair R., Kandutsch F. (2017) Solo Self-Employment, Human Capital and Hybrid Labour in the Gig Economy. Foresight and STI Governance, vol. 11, no 4, pp. 23–32. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.4.23.32).

⁴ «Протребление» определяется им как совокупность способов, «посредством которых люди могут производить прежде всего для себя, а не для продажи или обмена». Будущее труда. Интервью Элвина Тоффлера. 09.11.2006. <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/2502>.

тивность же труда для значительной части населения заключается в том, чтобы придумать возможные способы такого дискретного, нестабильного, низкооплачиваемого заработка.

Будет несправедливым сказать, что до самого последнего времени никто не задумывался над вопросами, связанными с резким сокращением спроса на труд в условиях высокотехнологичной экономики (Садовая, Сауткина, 2015). Однако проблема всеобщей, тотальной «незанятости» рассматривалась скорее как сугубо теоретическая, даже философская проблема. Новая цифровая экономика преобразует и человека, и общество в «общество за пределами труда». И существует опасность, что это будет означать не только отчуждение человека от достигнутого уровня технологического развития, как отмечали известный российский футуролог Э.А. Араб-Оглы (Араб-Оглы, 1986) или немецкий философ-экзистенциалист К. Ясперс (Ясперс, 2010), но и от социальной политики, и от возможности влияния на процесс принятия решений.

В большей мере это ощущает на себе молодежь, испытывающая сложности как с выходом на рынок труда, так и в процессе трудовой деятельности. Появился даже специальный термин — NEETs — обозначающий молодежь за рамками занятости и учебы. Таковых в Европе, например, по данным Евростата, около 10%. При этом подавляющая часть работающей молодежи (доходящая в некоторых странах до 70%) трудится в нестандартных условиях (временные контракты, частичная занятость), почти две трети из них делают это недобровольно (Eurostat, 2014). Эта тотальная нестабильность формирует и «человеческие качества» (А. Печчеи), личностные особенности поколений, которые принято называть поколением Z, миллениалами. Именно они составляют основу «посттрудового» общества, в котором человек может стать более зависимым, а потому — более манипулируемым.

Кто сформирует наше будущее?

Сегодня мы наблюдаем процесс размывания прежних основ солидарности общества. Индустриальная эпоха подарила нам крайнюю форму во многом вынужденной солидарности через занятость. Труд становился все более раздробленным функционально, но одновременно требующим взаимодействия значительного числа людей. Человек мог существовать, только вписываясь в цепочки создания стоимости, становящиеся все более «длинными» в условиях углубления разделения труда. Солидарность в этих условиях означала также совместную ответственность бизнеса, государства и самого работника за социальное благополучие последнего.

В условиях цифровизации экономики «кооперативных» рабочих мест становится все меньше, «раздробленность в рамках кооперации» все в большей степени передается на откуп роботам, автоматам и алгоритмам, людям остается самая настоящая раздробленность и полная индивидуализация (анонимность) общественных отношений в сфере труда (формируя, кстати, запрос на новую солидарность (Сауткина, 2017)).

Основоположники теории перехода к постиндустриальному обществу О. Тоффлер и Д. Белл демонстрировали оптимистический взгляд в будущее, связанный с ожиданием «освобождения труда» от тяжелой, физической, рутинной, неинтересной работы, которое должно было произойти по окончании эпохи индустриального «порабощения» человека специфическими способами орга-

низации производства, открыв простор для творчества, постоянного развития, самореализации. Однако вследствие исчерпанности возможностей экономического механизма индустриальной эпохи, обеспечивавшего поступательный рост благосостояния значительной части населения, этим проектам не суждено было реализоваться.

Казалось также, что формирующееся сетевое общество будет более «прозрачным» и людям легче будет влиять на принятие решений. Так, собственно, во многом и произошло. Механизм этого политического феномена хорошо объясняется введенным в научный оборот концептом «фронтирного пространства сетевого общества», в котором появляются «модульные сетевые управленческие структуры, способные чутко реагировать на требования снизу» (Морозова, Мирошниченко, Рябченко, 2016). В то же время формирующаяся виртуальная реальность несет в себе определенные угрозы свободе человека. Причем уже не на политическом, а на когнитивном уровне.

Технологии дополненной, смешанной, виртуальной реальности, затрудняя понимание реальных процессов, фрагментируя социальное пространство, облегчают манипулирование массовым сознанием⁵. При этом сами люди становятся подконтрольными, не понимая даже толком кому именно — компьютерные алгоритмы бескомпромиссны, но, при этом не застрахованы от ошибок или от бесконтрольного (для общества) вмешательства.

В таких условиях непропорционально увеличивается роль технократов, а технологические новшества позволяют сделать контроль поистине всеобъемлющим. Способы его весьма разнообразны. Он может варьировать от достаточно «простых» и незатейливых форм, пример которых демонстрирует компания *Amazon*, применяющая электронные браслеты для «оптимизации затрат труда» своих работников (*Faut-il s'inquiéter des bracelets électroniques développés par Amazon pour suivre ses salariés?*, 2018), до биометрии и профайлинга с использованием технологий *big data*. Их, кстати, называют «цифровой нефтью» современности⁶. От «интеллектуальных» камер видеонаблюдения до дронов, в память которых ученые пытаются заложить некий свод моральных норм и правил, позволяющих этим устройствам самим определять, кого и как наказывать за нарушение «общественного порядка».

Было бы несправедливым сказать, что эта «новая нормальность», эта полная прозрачность и подконтрольность жизни, считавшейся ранее приватной зоной человека, навязывается ему извне. Напротив, чаще всего она является результатом свободного выбора людей. Очень трудно отказаться от системы камер тотального слежения, распознающих малейшие нюансы эмоционального состояния человека в условиях, когда терроризм перешагнул любые государственные границы. Возможность предотвращения преступлений до их совершения — это ли не реализация тысячелетней мечты человечества.

⁵ Так, недавно выяснилось, что 48 млн «пользователей» Твиттера – боты, самостоятельно общающиеся между собой и формирующие контент. «Об информационных помойках» URL: <https://aftershock.news/?q=node/497310> (28.08.2018).

⁶ Не случайно на уровне национальных государств разворачивается такая нешуточная борьба с транснациональными гигантами за контроль над информацией о пользователях. Такая борьба идет, в частности, в Китае и в России, странах, имеющих потенциальные возможности обеспечить свой суверенитет в сегодняшнем нестабильном мире.

Тенденция сегодня, однако, состоит в движении от удобства и безопасности, приносимых в нашу жизнь цифровыми технологиями, к росту контроля над человеком — и это не чей-то злой умысел, но логика развития системы. Очень сложно провести эту тонкую грань между безопасностью и тотальным контролем над ставшим «прозрачным» человеком⁷. Ведь только специалисты могут оценить адекватность баланса между тем, что они называют «юзабилити», удобством для пользователей, стоимостью применяемого программного продукта и реальной безопасностью, которую оно обеспечивает и проконтролировать это крайне сложно.

Еще одним важнейшим обстоятельством, оказывающим серьезное влияние на направление общественных трансформаций, стало то, что люди сегодня оказались крайне зависимыми от социальной политики. В последнее столетие человек самой институционально-организационной логикой индустриальной экономики был «приручен» к тому, что то, что раньше было сферой его личной ответственности — здоровье, профессиональное становление, старость и нетрудоспособность — перешло в сферу общественной ответственности. С точки зрения биологического времени такое положение дел — это практически вечность, поэтому стало восприниматься как обыденное, «само собой разумеющееся». Об этом очень образно сказал Э. Геллер, подчеркивавший, что индустриальное общество — единственное общество, которое неспособно выдержать даже временное сокращение «фонда социального подкупа» и пережить «утрату законности», постигающую его в этом случае (Gellner, 1983).

Именно поэтому в условиях, когда «рог изобилия закрывается и поток иссякает» в силу резкого сокращения сферы индустриального (в широком смысле этого понятия) труда, к которой и была тесно «привязана» социальная политика, остро встает необходимость обретения новой легитимности, принципов построения системы социальной защиты. Отсюда — идея безусловного базового дохода, призванного заменить институт социальной политики индустриальной эпохи в условиях стремительного сокращения количества рабочих мест в глобальной экономике. О проблемах, связанных с этим масштабным социальным экспериментом последнего времени, мы уже писали ранее (Садовая, 2017), но сегодня очевидно, что в том виде, в котором он задумывался, он провалился, прежде всего, в силу экономических причин.

Однако эксперименты, потерпевшие неудачу в Европе и некоторых других странах, уже с опорой на широкое применение цифровых технологий, продолжились в Китае. Речь идет о применении Индексов лояльности, или социальных рейтингов, присваиваемых каждому гражданину страны на основе тотального наблюдения за его «поведением».

Имеется в виду отнюдь не только способность человека отдавать взятые кредиты или частота нарушения им правил общественного порядка. Речь идет о наблюдении за его поведением в офисе, в школе, на улице, осуществляемом с помощью камер видеонаблюдения, способных распознавать эмоции и настроение человека. Именно на основании этих рейтингов человек получает возможность доступа к тем или иным благам (Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга, 2016). В китайских школах, например, планируется установить камеры

⁷ Речь идет не только о личных данных человека, информации о его банковских счетах, но и, например, о данных о его здоровье, навредить которому теперь легко можно дистанционно.

с искусственным интеллектом, распознающие характер активности учеников. На эту страну, кстати, приходится почти половина (46%) мирового рынка систем видеонаблюдения, а к 2020 году будет установлено еще почти 500 млн. камер (Все мы немного киборги. Чем опасно слияние человека с машиной, 2018).

О необходимости внедрения единой системы рейтингов, позволяющих получать кредиты на лучших или, напротив, худших условиях, вслед за Китаем, заговорили и в России. Речь, правда, пока идет лишь о кредитных рейтингах, однако не случайно один из российских идеологов нового цифрового общества Г. Греф рассказал о возрастающей роли цифрового аватара личности, аккумулирующего в себе все доступные в Интернете данные о человеке, который, по его мнению, должен стать важнее самой реальной личности (Греф рассказал о возрастающей роли цифрового аватара личности, 2017).

Не сгущая краски и не утверждая, что мы «нащупали» основные направления развития современного общества, подчеркнем все же, что обозначенные нами ранее тенденции — рост уязвимости и манипулируемости современного человека — имеют под собой серьезную основу — новую парадигму занятости. Труд, занятость играют важнейшую роль в жизни человека и общества, не только давая необходимые средства для жизни, но и оказывая самое непосредственное влияние на общество и формирование личности человека. И происходящие перемены несут в себе серьезные политические риски того, что новое общество может оказаться не совсем таким, каким мы его хотели видеть. По крайней мере, менее демократическим и свободным.

Кстати, об опасности размывания демократических основ современного общества, связанного с его технологическими трансформациями, говорил еще основатель Римского клуба А. Печчеи (Печчеи, 1980), обуславливая его отсутствием Идеи (социального порядка в Веберовском понимании, при котором поведение человека «ориентируется на отчетливо определяемые максимы» (Вебер, 1990)), способной одухотворить человечество, помочь реализовать его потенциал самосовершенствования. Об этом же в своей книге «Третья промышленная революция» говорил и Джереми Рифкин (Rifkin, 2011). Последняя попытка конструирования такой Идеи (идея «глобальной человеческой империи») предпринималась, кстати, именно в работах Римского клуба и была и на концептуальном, и на практическом уровне поддержана ООН. Сегодня уже можно констатировать, что реализовать ее не удалось.

Однако в отсутствие такого положительного нарратива, вслед за эпохой «великих идеологий», говоря словами Бориса Межуева, может наступить эра «молчаливых революций» (Межуев, 2018), и система продолжит развиваться согласно своей внутренней логике. Общество может оказаться технократическим, а человек — полностью полагающимся на биологический и электронный контроль своего поведения. Однако будущее сегодня — все еще недописанная книга...

Библиографический список

- 21 профессия будущего — от дата-детектива до криптокоуча (2017, Ноябрь 25). *Forbes Kazakhstan*. Режим доступа https://forbes.kz/process/technologies/21_professiya_budushego_ot_data-detektiva_do_kriptokoucha
- Араб-Оглы, Э. А. (1986). *Обозримое будущее. Социальные последствия НТР. Год 2000*. М.: Мысль.
- Бауман, З. (2002). *Индивидуализированное общество*. М.: Логос.
- Вебер, М. (1990). *Избранные произведения*. М.: Прогресс.

- Все мы немного киборги. Чем опасно слияние человека с машиной (2018, Апрель 1). *Коммерсантъ*. Режим доступа <http://www.kommersant.ru/doc/3579697>
- Греф рассказал о возрастающей роли цифрового аватара личности (2017, Июль 23). *РИА Новости*. Режим доступа <https://ria.ru/economy/20170723/1499007433.html>
- Дилигенский, Г. Г. (2002). *Люди среднего класса*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Зырянова, А. (2017, Декабрь 19). Профессии будущего: чему учиться, чтобы преуспеть в конкуренции с роботами. *Русская служба Би-би-си*. Режим доступа <http://www.bbc.com/russian/features-42364741>.
- Кешелава, А. В., Буданов, В. Г., Румянцев, В. Ю. и др. (2017). На пороге «цифрового будущего». В А. В. Кешелава (ред.) *Введение в «Цифровую» экономику*. Москва: ВНИИГеосистем.
- Ковачич, Л. (2017, Июль 18). Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру. *Московский Центр Карнеги*. Режим доступа <http://carnegie.ru/commentary/71546>
- Кумбс, Ф. Г. (1970). *Кризис образования в современном мире*. М.: Прогресс.
- Межуев, Б. (2018, Январь 29). Демократия против Европы. Режим доступа <https://mezhuev.su/articles/11-analitika-i-prognozy/56978-demokratija-protiv-evropy>
- Морозова, Е. В., Мирошниченко, И. В., Рябченко, Н. А. (2016). Фронтир сетевого общества. *Мировая экономика и международные отношения*, 2, 83–97.
- Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад ЦСР* (2017). Москва: Центр стратегических разработок.
- Печчеи А. (1980). *Человеческие качества*. Издательство «Прогресс».
- Плотичкина, Н. В. Идентичность потребителя. В И. С. Семененко (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (с. 590–591). М.: Весь Мир.
- Садовая, Е. С. (2017). Системные сдвиги в социальной политике: готовы ли мы воспринять новую социальную реальность. В *Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г.* (с. 525–527). СПб.: СПбГУП.
- Садовая, Е. С., Сауткина, В. А. (2015). *Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект*. М.: ИМЭМО РАН.
- Санкова, Л. В. (2014). Прекаризация занятости в современной экономике: системный риск или «особая» форма флексибилизации. *Уровень жизни населения регионов России*, 4 (194), 44–53.
- Сауткина, В. А. (2017) Возрождение солидарной экономики: попытка реализации или реальная мотивация к развитию? *Мировая экономика и международные отношения*, 61 (1), 88–96. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-88-96
- Семененко, И. С. (2012). «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики. *Полит. Политические исследования*, 6, 10–11.
- Стэндинг, Г. (2014). *Прекариат — новый опасный класс*. М.: AdMarginem.
- Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга. (2016, Декабрь 11). *РБК*. Режим доступа <http://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7>
- Цифровые дивиденды. Доклад Всемирного банка*. Режим доступа <http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-OUO-9.pdf>
- Ясперс, К. (2010). *Современная техника*. Режим доступа <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6331>.
- A Labor Market that Works: Connecting Talent with Opportunity in the Digital Age. *McKinsey Global Institute Report*. Retrieved from <http://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/technology-jobs-and-the-future-of-work>
- Castells, M. (2010). *The Information Age. Economy, Society, and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society*. Oxford: Wiley-Blackwell.

- Eurostat regional yearbook 2014. Retrieved from <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/8222062/KS-HA-17-001-EN-N.pdf/eaeb7fa-0c80-45af-ab41-0f806c433763>
- Faut-il s'inquiéter des bracelets électroniques développés par Amazon pour suivre ses salariés? Retrieved from http://www.francetvinfo.fr/internet/amazon/faut-il-s-inquieter-des-bracelets-electroniques-developpes-par-amazon-pour-suivre-ses-salaries_2592472.html
- Florida, R. (2005). *The Flight of the Creative Class. The New Global Competition for Talent*. HarperCollins.
- Gellner, E. (1983). *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press.
- Hendricks, D. (2009). *Financial Reform Project. Briefing Paper # 1: Defining Systemic Risk*. Retrieved from <https://ru.scribd.com/document/19388590/Defining-Systemic-Risk-Pew-Financial-Reform-Project>
- Ingelhart, R. (1997). *Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. Paperback.
- Landry, C. (2000). *The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators*. London: Earthscan.
- New job, new life: Updates from Generation graduates around the world. *McKinsey Global Institute Report*. Retrieved from <http://www.mckinsey.com/about-us/new-at-mckinsey-blog/updates-from-generation-graduates-around-the-world>
- Rifkin, J. (2011). *The Third Industrial Revolution; How Lateral Power is Transforming Energy, the Economy, and the World*. Palgrave MacMillan.
- Srnicek, N., & Williams, A. *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. London: Verso.
- The Workforce Ecosystem: Managing beyond the Enterprise. Deloitte. *Global Human Capital Trends 2018*. Retrieved from <https://www2.deloitte.com/insights/us/en/focus/human-capital-trends/2018/contingent-workforce-management.html>
- Workforce of the Future. The Competing Forces Shaping 2030. Retrieved from <http://www.pwc.com/gx/en/services/people-organisation/workforce-of-the-future/workforce-of-the-future-the-competing-forces-shaping-2030-pwc.pdf>

Статья поступила в редакцию 03.08.2018

Статья принята к публикации 03.09.2018

Для цитирования: Садовая Е. С. Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений. — Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 3. С. 6-20.

PEOPLE IN A DIGITAL SOCIETY: DYNAMICS OF SOCIAL AND LABOR RELATIONS

E. S. Sadovaya

Elena S. Sadovaya, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Profsoyuznaya Str., 23, Moscow, 117997, Russia.
E-mail: sadovaja.elena@yandex.ru · <https://orcid.org/0000-0002-0553-3047>

Abstract. The paper considers the process of transformation of modern society in its unity of technological, economic and social components, as well as its influence on each individual. The author shows that this process conditioned by a widespread use of digital technologies. Their development and implementation lead not only to the change in technological order and to changes in the mechanisms of economic growth, but it creates prerequisites for a radical change in the paradigm of the social order, and changes people's minds and their worldview. The purpose of the research is to develop conceptual approaches to the study of social transformations in digital economy. The category of scientific analysis — that allows better understand the essence of the transformations that are taking place, and, most importantly, their social consequences, — is a “person in his social incarnation”. At the same time, employment is a mechanism through which these transformations are realized. It refracts all the above processes, forcing the relations that develop here to evolve from the compulsorily solidarity

relations of social production of the industrial era to a completely individualized, fragmented, unstable, virtual relationship in different senses of the word. The author concludes that this can lead to the erosion of the previous values of society, make modern society and man more dependent and manipulated. That is why today there is an urgent need for a synthetic theory that allows not only to adequately describe the essence of the transformations that is taking place, but which has a predictive potential for determining the prospects of the society at the time of its total instability.

Key words: social transformations, digital economy, digital platforms, employment on demand, labor relations, unmanned technologies, information society.

DOI: 10.31429/26190567-19-3-6-20

References

- 21 professija budushchego — ot data-detectiva do kriptokoucha. [21 Professions of the Future — From Data-detective to Cryptocouch] (2017, November 25) *Forbes Kazakhstan* [Forbes Kazakhstan]. Retrieved from https://forbes.kz/process/technologies/21_professiya_budushchego_ot_data-dektiva_do_kriptokoucha
- A Labor Market that Works: Connecting Talent with Opportunity in the Digital Age. *McKinsey Global Institute Report*. Retrieved from <https://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/technology-jobs-and-the-future-of-work>
- Arab-Ogly, E. A. *Obozrimoe budushcheje. Sotsial'nye posledstviya NTR. God 2000* [Near Future. Social Consequences of Scientific and Technological Revolution. Year 2000] M.: Mysl'.
- Bauman, Z. (2002). *Individualizirovannoye obschestvo* [Individualized Society] M.: Logos.
- Castells, M. (2010). *The Information Age. Economy, Society, and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Diligenskiy, G. G. (2002). *Luydi srednego klassa* [People of the Middle Class]. M.: Institut Fonda "Obschestvennoe mnenie" [Institute of "Public Opinion" Foundation].
- Eurostat regional yearbook 2014*. Retrieved from <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/8222062/KS-HA-17-001-EN-N.pdf/eaeb7fa-0c80-45af-ab41-0f806c433763>
- Faut-il s'inquiéter des bracelets électroniques développés par Amazon pour suivre ses salariés? Retrieved from https://www.francetvinfo.fr/internet/amazon/faut-il-s-inquieter-des-bracelets-electroniques-developpes-par-amazon-pour-suivre-ses-salaries_2592472.html
- Florida, R. (2005). *The Flight of the Creative Class. The New Global Competition for Talent*. HarperCollins.
- Gellner, E. (1983). *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press.
- Gref rasskazal o vozrastayushey roli tsifrovogo avatara lichnosti. [Gref Spoke about the Increasing Role of the Digital Avatar of the Person] (2017, July 23). *RIA Novosti* [RIA News]. Retrieved from <https://ria.ru/economy/20170723/1499007433.html>
- Hendricks, D. (2009). *Financial Reform Project. Briefing Paper # 1: Defining Systemic Risk*. Retrieved from <https://ru.scribd.com/document/19388590/Defining-Systemic-Risk-Pew-Financial-Reform-Project>
- Ingelhart, R. (1997). *Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. Paperback.
- Keshelava, A. V., Budanov, V. G., & Rumyantsev, V. U. (2017). Vvedenie v "Tsifrovuyu" ekonomiku [Introduction to "Digital" Economy]. In A. V. Keshelava *Na poroge "tsifrovogo budushchego"* [At the Threshold of "Digital Future"]. M.: VNIIGeosistem.
- Kovachich, L. (2017, July 18). Bolshoy brat 2.0 Kak Kitay stroit tsifrovuyu diktaturu [The Big Brother 2.0. How China Builds a Digital Dictatorship]. *Moskovskiy Centr Karnegi* [Carnegie Moscow Center]. Retrieved from <http://carnegie.ru/commentary/71546>
- Kumbs, F. G. (1970). *Krizis obrazovaniya v sovremennom mire* [The Crisis of Education in the Modern World]. M.: Progress.
- Landry, C. (2000). *The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators*. London: Earthscan.

- Mezhuev, B. (2018, January 29) *Demokratiya protiv Evropy* [Democracy vs. Europe]. Retrieved from <https://mezhuev.su/articles/11-analitika-i-prognozy/56978-demokratija-protiv-evropy>
- Morozova, E. V, Miroshnichenko I. V., Ryabchenko N. A. (2016). *Frontir setevogo obshchestva* [Network Society Frontier]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnie otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2, 83–97.
- New job, new life: Updates from Generation graduates around the world. *McKinsey Global Institute Report*. Retrieved from <https://www.mckinsey.com/about-us/new-at-mckinsey-blog/updates-from-generation-graduates-around-the-world>
- Novaya tehnologicheskaya revolyutsiya: vyzovy I vozmozhnosti dlya Rossii. *Ekspertno-analiticheskiy doklad TsSR* [A New Technological Revolution: Challenges and Opportunities for Russia. Expert-analytical Report of the CSR] (2017). Moscow: Center for Strategic Research.
- Peccei, A. (1980). *Chelovecheskie kachestva* [Human qualities]. Izdatel'stvo Progress.
- Plotichkina, N. V. Identichnost' potrebitelya. Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. *Entsiklopedicheskoye izdanie* [Identity of the Consumer]. In I. S. Semenenko (Ed.) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition] (pp. 590–591). M.: Ves' Mir.
- Rifkin, J. (2011). *The Third Industrial Revolution; How Lateral Power is Transforming Energy, the Economy, and the World*. Palgrave MacMillan.
- Sadovaya, E. S. (2017). Sistemniy sdvigi v sotsial'noy politike: gotovy li my vosprinyat' novuyu sotsial'nuyu real'nost' [Systemic shifts in social policy: are we ready to perceive new social reality]. In *Global'nyi mir: sistemnie sdvigi, vizivi I konturi buduschego: XVII Mezhdunarodnie Lihachevskie nauchnye chteniya* [Global world: Systemic Shifts, Challenges and Contours of the Future: XVII International Likhachev Scientific Readings] (pp. 525–527). SPb.: CPbGUP.
- Sadovaya, E. S., & Sautkina V. A. (2015). *Transformatsiya printsipov sovremennogo miroustroystva: sotsial'nyy aspekt* [Transformation of the Principles of Modern World order: the Social Aspect]. M.: IMEMO RAN.
- Sankova, L. V. (2014). Prekarizatsiya zanjatosti v sovremennoy ekonomike: sistemnyi risk ili "osobaya" forma fleksibilizatsii [Precarization of Employment in Modern Economy: Systemic Risk or a "Special" Form of Flexibilization]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [The Standard of Living of the Population of Russian Regions], 4 (194), 44–53.
- Sautkina, V. A. (2017). Vozrozhdeniye solidarnoy ekonomiki: popytka realizatsii ili real'naya motivatsiya k razvitiyu? [The Revival of Solidary Economy: an Attempt at Realization or a Real Motivation for Development?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 61 (1), 88–96. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-88-96
- Semenenko, I. S. (2012). "Chelovek politicheskiy" pered alternativami obshchestvennykh transformatsiy: opyt pereosmysleniya individual'nogo izmereniya politiki ["The Political Man" before the Alternatives of Social Transformations: the Experience of Rethinking the Individual Dimension of Politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political Studies], 6, 10–11.
- Srnicek, N., & Williams, A. *Inventing the Future: Postcapitalism and a World without Work*. London, Verso.
- Stending, G. (2014). *Prekariat — noviy opasnyy klass* [Precariat — a Dangerous New Class]. M.: AdMarginem.
- The Workforce Ecosystem: Managing beyond the Enterprise. *Deloitte. Global Human Capital Trends 2018*. Retrieved from <https://www2.deloitte.com/insights/us/en/focus/human-capital-trends/2018/contingent-workforce-management.html>
- Tsifrovaya diktatura: kak v Kitae vvodjat sistemu sotsial'nogo rejtinga [Digital Dictatorship: how China Introduces Social Rating System] (2016, December 11). *RBK* [RBK]. Retrieved from <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7>

- Tsifrovie dividendi. Doklad Vsemirnogo Banka* [The World Bank Report Digital Dividend] Retrieved from <http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-OUO-9.pdf>
- Vse mi nemnogo kiborgi. Chem opanso sliyanie cheloveka s mashinoy [All of Us are Little Cyborgs. How Dangerous is the Fusion of Man with a Machine] (2018, April 1). *Kommersant* [The Businessman]. Retrieved from <http://www.kommersant.ru/doc/3579697>
- Weber, M. (1990). *Izbrannie proizvedeniya* [Selected Works]. M.: Progress.
- Workforce of the Future. The Competing Forces Shaping 2030. Retrieved from <http://www.pwc.com/gx/en/services/people-organisation/workforce-of-the-future/workforce-of-the-future-the-competing-forces-shaping-2030-pwc.pdf>
- Yaspers, K. *Sovremennaya tekhnika* [Modern Technology]. Retrieved from <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6331>
- Ziryanova, A. (2017, December 19) *Professii budushchego: chemu uchitsya, chtoby preuspet' v konkurentsii s robotami* [Professions of the Future: What to Learn in Order to Succeed in Competing with Robots]. *Russkaya sluzhba Bi-bi-si* [Russian BBC Service]. Retrieved from <http://www.bbc.com/russian/features-42364741>.

Received 03.08.2018. Accepted 03.09.2018

For citation: Sadovaya E.S. People in a digital society: dynamics of social and labor relations. — *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2018. Vol. 19. No. 3. Pp. 6-20.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: ВОСПРИЯТИЕ РЕАЛИЙ

Н. В. Гоффе, Г. А. Монусова

Гоффе Нина Владимировна

E-mail: ninagoffe@yandex.ru · <https://orcid.org/0000-0001-6740-7954>

Монусова Галина Алексеевна

E-mail: g.monusova@gmail.com · <https://orcid.org/0000-0001-8266-5361>

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН,
ул. Профсоюзная, 23, Москва, 117997, Россия.

Аннотация. Данная работа исследует социальное благополучие в развитых странах через призму объективных и субъективных оценок. Авторы рассматривают эволюцию подходов к измерению благополучия и, используя данные различных международных эмпирических исследований, анализируют расхождения между субъективными представлениями индивидов о параметрах благополучия и его объективными статистическими оценками. На основе данных опросов, в частности, Международной исследовательской компании Ipsos Mori (Perils of Perception), Европейского социального обследования (ESS), Международной программы социальных обследований (ISSP) и т.п., а также обзора научной литературы показано, насколько неадекватно общественное мнение воспринимает реальность, что является новым подходом к изучению социального благополучия. Проведенный анализ свидетельствует, что индивиды видят различные аспекты социального благополучия иначе, чем их рисует объективная статистика. Негативным сторонам повседневной жизни, разнообразным угрозам и рискам практически во всех странах придается слишком большое значение, не соответствующее реальному положению вещей, тогда как позитивные моменты, напротив, недооцениваются. В статье рассматриваются причины и возможные последствия таких расхождений. Во многом они связаны с недостаточной информированностью индивидов, искаженными сведениями, получаемыми ими из прессы и других источников, которые манипулируют общественным мнением, играя на реальных и вымышленных проблемах и страхах. Наряду с этим, ошибки в оценках собственного благополучия также связаны с качеством институциональной среды, равенством возможностей, представлениями о справедливости и т.п. Авторы показывают, что переоценка негативных явлений и недооценка позитивных сторон снижают удовлетворенность жизнью, формируют соответствующие предпочтения, реакции, социально-экономическое и политическое поведение. Учитывая, что те или иные поступки людей в значительной степени определяются тем, как они воспринимают действительность, ее ошибочное видение может непреднамеренно спровоцировать действия индивида, которые приведут к ухудшению социального благополучия не только его собственного, но и общества в целом.

Ключевые слова: социальное благополучие, объективное благополучие, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, межстрановые сопоставления, представления о реальности, ошибки восприятия.

Благополучие (well-being) — одновременно очень простая и очень сложная категория. Простая, потому что интуитивно каждый из нас понимает, что за ней кроется. Сложная, поскольку ей крайне трудно дать универсальное определение. Каждая отрасль знания — экономика, социология, психология, культурология — наполняет ее своим содержанием. Социальное благополучие¹ в большинстве слу-

¹ Учитывая, что повседневная жизнь индивидов вплетена в социально-экономический контекст общества, понятия «благополучие», «социальное благополучие», «социально-экономическое благополучие» используются авторами как синонимы.

чаев рассматривается как интегральное понятие, в основе которого лежит система взаимосвязанных элементов, отражающих разные аспекты окружающей человека действительности (Донцов, Перелыгина, Ригель, 2016).

Реальная сложность видимого (казалось бы) простого усугубляет и без того не легкую проблему поисков адекватных инструментов для оценки благополучия. Многие явления в нашей жизни имеют двойное измерение. С одной стороны, они могут быть описаны с помощью статистических данных, с большей или меньшей степенью приближения дающих представление об *объективном состоянии* дел в экономике и обществе в целом (динамике доходов, уровнях неравенства или безработицы, количестве мигрантов, состоянии окружающей среды, протестной активности и т.д.). С другой стороны, отражаясь в сознании людей, окружающая действительность обретает иную, субъективную оценку. Возникающие в результате картины, как правило, заметно отличаются друг от друга. При этом вторая (субъективная) значит для социального благополучия индивидов, их удовлетворенности жизнью и поведения не меньше, если не больше, чем первая (объективная).

В связи с этим возникает ряд вопросов. Как измерить благополучие людей? Насколько велики расхождения между его реальным уровнем и субъективными оценками? Какими негативными последствиями может быть чревата недооценка этих расхождений при выработке и принятии экономических и политических решений как в рамках отдельных стран, так и на международном уровне. Поиску ответов на эти вопросы на примере развитых стран посвящена данная статья.

Эволюция подходов к измерению социального благополучия

Процессы, разворачивающиеся в современном мире, сопровождаются глубокими трансформациями в системе человеческих ценностей и мотиваций. Предложенная А. Маслоу в 1943 г. иерархия потребностей актуальна и сегодня. Но социально-экономический контекст начала XXI в. разительно отличается от времен Второй мировой войны. Глобализация, развитие инновационной экономики и новейших коммуникационных технологий превратились в мощный фактор, влияющий на формирование людских предпочтений, существенным образом изменив в них соотношение материальных и нематериальных компонентов. Информационные потоки, охватившие весь земной шар, способствовали распространению на планетарном уровне сведений не просто о высоких стандартах потребления и образе жизни, характерных для развитых стран, но, что более важно, о широком наборе существующих там жизненных возможностей. Одновременно технико-технологические новшества способствовали появлению средств, сделавших эти возможности достижимыми. Они кардинальным образом изменили труд в домашнем хозяйстве, освободив человека от рутинных занятий и позволив ему больше времени уделять развитию своего личностного потенциала.

Это не значит, что в глобальном мире изменения в области экономики и социальных отношений отдельных его частей совпадают по времени и направленности. Жители ряда регионов планеты, прежде всего Черной Африки и Южной Азии, зачастую не могут удовлетворить свои самые элементарные потребности².

---

² Достаточно сказать, что в середине текущего десятилетия каждый десятый житель планеты находился за гранью нищеты, существуя менее чем на 1.90 дол. в день, каждый третий не имел доступа к надлежащим средствам санитарии, более 1 млрд — к чистой питьевой воде.

В развитых странах ситуация складывается принципиально иным образом. Но даже в них тренды развития не являются ни однозначными, ни синхронными.

Прочно утвердившиеся в западном мире в период исключительно благоприятной конъюнктуры 1950–1960-х гг. идеалы общества потребления в последующие десятилетия постепенно подвергались эрозии. Одной из вех на этом пути стал 1968 г. Выступления студентов показали, что в развитых странах выросло поколение, которому тесно в старой системе ценностей. Становилось все более очевидным, что увеличивается зазор между экономическим ростом и тем, как его результаты применительно к своей жизни оценивают отдельные индивиды. Оказалось, что высокие потребительские стандарты сами по себе не вызывают у человека ни ощущения благополучия, ни чувства удовлетворенности жизнью. Одним из первых на эту кажущуюся парадоксальной особенность человеческого восприятия почти полвека назад обратил внимание американский экономист и демограф Р. Истерлин (1974).

Нематериальные аспекты жизни человека — удовлетворенность трудом, качеством образования, здравоохранения, досуга, окружающей среды, а также семейные отношения, психологический комфорт, политический климат и т.д. — стали привлекать все большее внимание ученых. Сначала — психологов и социологов, а затем экономистов. (Diener, Suh, Lucas, Smith, 1999), (Hamermesh, 2004), (Inglehart, 2018), (Хашченко, 2011), (Кислицына, 2016).

Для описания и изучения изменившейся парадигмы восприятия исследователи должны были обзавестись соответствующим понятийным аппаратом. В арсенал социальных наук были введены такие сложные трудноопределимые понятия, как «качество жизни» (в отличие от «уровня жизни» включающее в себя субъективные оценки людьми различных сторон своего бытия), а позднее — «удовлетворенность жизнью» и «субъективное благополучие».

На пересечении экономики, психологии, социологии, культурологии возникли новые направления научного анализа — «экономика счастья», «общество переживаний» и тесно связанная с ним «экономика впечатлений». Приверженцы первого (Stutzer, Frey, 2012), (Layard, 2011), основываясь на идеях английского социального философа эпохи Просвещения И. Бентама, полагают, что не создание богатства и максимизация прибыли должны являться главной мотивирующей целью развития народного хозяйства и общества в целом, а счастье его граждан. Два других, как следует из их названий, акцентируют внимание на эмоциональных аспектах развития современной экономики. Концепция общества переживаний, предложенная немецким социологом Г. Шульце (2000), состоит в том, что логика потребительского поведения основывается на переживаниях, которые человек получает от повседневного использования товаров и услуг. Экономика впечатлений (Pine, Gilmore, 2011) рассматривает их (впечатления) в качестве новой разновидности предложения на рынке. И ставит эффективность развития социума в зависимость от его способности превратить в источник экономического роста положительные воспоминания, остающиеся у людей после потребленных ими материальных и нематериальных благ.

В свою очередь, появление новых критериев оценки реальности сделало необходимым поиск инструментов их количественного анализа, отвечающих современным требованиям. Это вызвало активное обсуждение актуальности, надежности и адекватности тех социально-экономических показателей, используя которые правительства разных стран как минимум со времен Второй мировой войны принимают важные экономические и политические решения.

В ходе этих дискуссий основным объектом критики стал рассчитываемый по методике ООН и используемый всеми странами мира валовой внутренний продукт (ВВП)³. По этому поводу было сломано уже и предстоит сломать в будущем еще немало копий. Разработка и внедрение в жизнь новых индексов, пригодных для международных сопоставлений и позволяющих оценить не только состояние хозяйственного комплекса и разных сторон жизни социума той или иной страны, но и отражение их в сознании людей — задача особой сложности.

Начало формирования системы национальных счетов, которой мы пользуемся сегодня, пришлось на период между Великой депрессией и Второй мировой войной. Время тощих коров — низкие темпы роста, замороженное потребление, бюджетный дефицит — требовали и в Америке, и в Европе жесткого учета движения материальных благ. В начале 1930-х гг. К. Кларк в Великобритании, а затем С. Кузнец в США предложили задействовать в счетоводстве в качестве основного агрегированного показателя валовой национальный доход (ВНД⁴). Сам С. Кузнец одним из первых указал на ограниченность его применения.

Однако с тех пор динамика сначала ВНД, а затем ВВП (и производного от него показателя на душу населения) используется в качестве основополагающего критерия успешности/неуспешности текущего социально-экономического развития как на страновом, так и мировом уровнях. Считается, что рост указанных индексов обеспечивает способность экономической системы генерировать богатство, а значит и материальное благополучие граждан. Тем не менее уже достаточно давно для многих исследователей, экспертов международных организаций и ряда политиков эта связь не выглядит столь однозначной (Boarini, Johansson, d'Ercole, 2006).

Так, в 2009 г. свое видение проблемы представили два нобелевских лауреата Дж. Стиглиц и А. Сен и известный французский экономист Ж.-П. Фитусси (2010). Выразив сомнения в том, что ВВП является надежным индикатором экономического и социального прогресса, они предложили дополнить уже существующие показатели такими (требующими учета как объективных, так и субъективных оценок), как уровень бедности, состояние экологии, личная и экономическая безопасность, вовлеченность в политический процесс и др.

Претензии к ВВП не новы и хорошо известны. Они сводятся к тому, что этот показатель, даже будучи пересчитанным на душу населения, дает прежде всего количественную, а не качественную оценку состояния дел в экономике и обществе в целом. Это происходит потому, что в него заложены детерминанты, которые, способствуя росту его объемов, не улучшают, а порой даже ухудшают существование людей. В то же время многое из того, что имеет основополагающее значение для человеческого благополучия и удовлетворенности индивидов своей жизнью, нельзя измерить в денежном выражении и учесть при расчетах ВВП.

Приведем лишь несколько примеров. ВВП не чувствителен к существующему в любом обществе неравенству в распределении доходов и богатства. Вне его рамок остается способ формирования и использования человеческого капитала.

---

³ Он представляет собой исчисленную в рыночных ценах валовую стоимость, добавленную всеми производителями-резидентами (плюс любые налоги и минус любые субсидии, не включенные в стоимость продуктов).

⁴ Он превышает ВВП на величину, равную разнице между доходами, полученными резидентами из-за рубежа, и доходами, вывезенными из страны иностранцами.

ВВП не в состоянии адекватно оценить важные для качества жизни людей затраты, связанные с охраной окружающей среды.

В настоящее время критика ВВП усилилась в связи с тем, что он не в состоянии отразить то влияние, которое оказывают на качество жизни изменения потребительских свойств уже привычных товаров и услуг и появление новых высокотехнологичных продуктов (The Future of GDP, 2018). Кроме того, нам еще только предстоит понять, как скажутся на благополучии и субъективных ощущениях людей такие плоды научных и технических достижений, как роботизация, цифровизация, использование Интернета вещей и технологий, связанных с обработкой больших данных.

Тем не менее ВВП рано сбрасывать со счетов. Хотя линейная зависимость счастья, субъективного благополучия и экономического подъема многими исследователями, в том числе экономистами, подвергается сомнению, с повышением или понижением этого показателя в значительной степени связаны наши перспективы на достойную жизнь. Исследование, проведенное Институтом Гэллага совместно с Sharecare⁵ в 12 мегаполисах США в 2015–2016 гг., подтверждает эту мысль. Оно показало, что положительные эмоции (*daily positive emotions*), испытываемые индивидами, зависят от величины их дохода, но до определенного уровня, разного для отдельных штатов. Одновременно в ходе опросов были получены свидетельства того, что общая удовлетворенность (*overall life satisfaction*) позитивно коррелирует с дальнейшим ростом материального благосостояния (Witters, Liu, 2017).

Аналогичная зависимость, по-видимому, действует и на страновом уровне. Богатое государство обладает большими возможностями улучшить жизнь своих граждан, позволяя себе значительные расходы на развитие здравоохранения, образования, культуры, защиту окружающей среды и т.д.

Поэтому не нужно понимать выражение «альтернатива ВВП» слишком буквально. Речь, скорее, идет о наборе различных, в том числе немонетарных показателей, так или иначе влияющих на качество жизни и удовлетворенность ею. Их поиски ведутся уже несколько десятилетий и привели к появлению множества разнообразных индексов⁶. Остановимся на некоторых из них подробнее.

В 1990 г., группа экспертов ООН предложила новый стандартный инструмент для сравнения уровней жизни в различных странах. Речь идет о самой известной и наиболее широко признанной альтернативе ВВП — Индексе развития человеческого потенциала (с 2013 г. — Индекс человеческого развития — *Human Development Index*). Время его возникновения не было случайным. За годы, прошедшие после Второй мировой войны, мир сильно изменился. Несмотря на перемежающиеся периоды подъемов и спадов, на длинной дистанции в социально-экономическом развитии был совершен качественный скачок вперед. Важные подвижки произошли в международных отношениях: заметно снизилась степень конфронтации между Западом и Востоком. В этих условиях центр тяжести в оценках прогресса и благополучия стал смещаться от экономических параметров к показателям, характеризующим качество жизни индивидов. ИЧР, включающий помимо душевого ВВП ожидаемую продолжительность жизни и уровень грамотности населения,

⁵ Компания, работающая в сфере здравоохранения

⁶ Индекс человеческого развития (1990 г.), Глобальный индекс благополучия Gallup-Healthways (2005 г.), Всемирный индекс счастья (2006 г.), Индекс социального прогресса (2013 г.), Индекс инклюзивного развития (2017 г.) и др. (Кислицина, 2016).

вписывался в такой подход и внес весомый вклад в поиски оптимальных методов измерения благополучия людей.

Важной вехой на этом пути стал предложенный в 2006 г. британским исследовательским центром «Фонд новой политики» Всемирный индекс счастья (*Happy Planet Index*). Это — комбинированный показатель, созданный для оценки способности той или иной страны обеспечить своим жителям долгую, счастливую и стабильную жизнь. Основными элементами HPI являются удовлетворенность жизнью (оцененная с помощью опросов, проведенных Институтом Гэллапа), ожидаемая продолжительность жизни и так называемый экологический след, т.е. состояние окружающей среды.

В 2011 г. после многолетних исследований и, основываясь на рекомендациях Комиссии под руководством Дж. Стиглица и А. Сена (Stiglitz, et al.), ОЭСР дала свой ответ на вопрос, что является самым важным для благосостояния людей, предложив Индекс лучшей жизни (*OECD Better Life Index*). Он рассчитывается на основе 11 ключевых параметров, в число которых помимо традиционных (доходы, работа, здравоохранение или образование), входят новые показатели, характеризующие личную безопасность и удовлетворенность жизнью (OECD).

В 2013 г. Институт Гэллапа совместно с организацией *Healthways* предложили Глобальный индекс благополучия (*Gallup-Healthways Well-Being Index*). Он состоит из пяти компонентов: индивидуальные достижения, включая наличие работы (purpose); социальные связи и личная жизнь (social); доход, контроль над собственными финансами (financial); физическое здоровье и жизненная энергия (physical); наличие жилья в безопасном приятном окружении (community). Исследование основывается на национальных опросах, базовый набор вопросов в которых одинаков для всех стран.

Одна из последних попыток «выйти за пределы ВВП» — предложенный Всемирным экономическим форумом (WEF, 2017) Индекс инклюзивного развития (*Inclusive Development Index*). Он покоится на трех китах — рост и развитие, инклюзивность и межпоколенческая справедливость. Его авторы полагают, что он позволяет более полно отобразить реальное положение дел в социуме, поскольку помимо ВВП, включает еще 11 параметров. В том числе такие социальные индикаторы, как производительность труда, ожидаемая продолжительность здоровой жизни, занятость, коэффициенты расслоения по уровням доходов и демографической нагрузки на экономику, уровень бедности.

Каждый из перечисленных выше показателей имеет свои достоинства и недостатки, но их объединяет то, что ни один не может претендовать на стопроцентно достоверное отражение окружающей нас многомерной реальности. Возможность появления такого всеобъемлющего индекса выглядит утопично. Но попытки улучшить уже существующие и предложить новые продолжатся. При этом все большее внимание будет уделяться факторам, связанным с особенностями субъективного преломления действительности в сознании людей и его влияния на процессы, происходящие в обществе.

Представления о реальности: велики ли расхождения с действительностью?

Как уже было показано, изучение социально-экономического благополучия предполагает комплексный многомерный подход с учетом как объективных,

так и субъективных показателей, которые на макроуровне не всегда совпадают. Связь между величиной душевого ВВП и удовлетворенностью жизнью населения нелинейна, и их оценки могут сильно расходиться (Ortiz-Ospina, Max Roser, 2018), (Proto, Rustichini, 2014). И в богатых, и в бедных странах существуют экологические проблемы, бедность и неравенство, безработица и низкое качество рабочих мест, распространены наркомания и психические заболевания. Они влияют на наше субъективное самочувствие при любых уровнях душевого ВВП.

Если с макро- опуститься на микроуровень — «на землю», к конкретным людям, то мы можем видеть, что индивиды по-разному оценивают окружающую их действительность вне зависимости от того, как ее отражают «объективные», «бездушные и обезличенные» статистические индикаторы. Связь между «объективной реальностью» и ее отражением в сознании и представлениях людей оказывается еще менее линейной. Но если мы ожидаем, что окружающая среда влияет на поведение индивидов, то возникает вопрос о том, каким образом первое преломляется во второе и какова здесь роль субъективных представлений.

Международная исследовательская компания Ipsos Mori⁷ с 2013 г. ежегодно проводит обследование «Ошибки восприятия» (*Perils of Perception* (2014, 2016, 2017)), посвященное тому, насколько искаженно общественное мнение воспринимает реальность. Оно сравнивает оценки респондентами социально-экономических и политических фактов и событий в разных странах с реальными статистическими показателями⁸. Каждый год изучается определенный набор проблем, который затрагивает значимые аспекты нашей жизни и социального благополучия (*Perils of Perception* 2014, 2016). Здесь и государственное финансирование социальной политики, и рынок труда, и здоровье, и миграционная ситуация, и преступность, и неравенство и т.д.

Результаты *Perils of Perception* демонстрируют значительные расхождения между представлениями индивидов о тех или иных процессах и реальностью. Хотя сам факт таких расхождений нельзя назвать неожиданным открытием, масштаб этих расхождений и межстрановые сопоставления кажутся достаточно интересными.

Анализируя полученные данные, можно выделить явления, значения которых население во всех случаях воспринимает одинаково: или недооценивает по отношению к действительности, или, напротив, переоценивает реальность. Практически во всех обследованных странах существенно завышаются число находящихся в них иммигрантов и мусульман, количество преступников среди иммигрантов, переоценивается также рост тяжких преступлений, уровень безработицы (табл. 1). В то же время везде население с удивительным единством занижает долю людей, считающих себя счастливыми, здоровыми, имеющих собственное жилье и автомобили, голосующих на выборах (табл. 2).

Похожие результаты получены и в ходе других опросов. В частности, данные европейского социального обследования (2014) подтверждают расхождение между фактической ситуацией с присутствием мигрантов и тем, как её воспринимают люди. Такое расхождение характерно для всех стран в выборке ESS. А данные ESS (2016) свидетельствуют о тотальной переоценке населением доли безработных в европейских странах.

⁷ По состоянию на 2014 г. Ipsos имеет офисы в 88 странах, в которых работают более 16 тысяч человек (Ipsos Mori).

⁸ Последняя волна опросов была в 2017 г., в обследовании участвовало 38 стран.

Таблица 1. Завышенная оценка в представлениях людей некоторых аспектов общественной жизни (из субъективных оценок вычитаются объективные данные, процентные пункты), 2014, 2016–2017 гг.

Table 1. Overestimation of Social Environment (subjective estimates minus objective estimates, percentage points), 2014, 2016–2017

Страна	Доля мусульман в населении страны	Доля мигрантов среди всех осужденных	Доля мигрантов в населении страны	Уровень безработицы
Австралия	+10	–	+7	+17
Бельгия	+16	+9	+19	+23
Великобритания	+11	+23	+11	+17
Венгрия	+6	+11	+14	+28
Германия	+16	+14	+10	+14
Испания	+11	+12	+11	+21
Италия	+17	+14	+23	+37
Канада	–	–	+14	+16
Польша	+7	+11	+12	+25
США	+16	+27	+19	+26
Франция	+24	+28	+18	+20
Швеция	+13	+1	+7	+17
Южная Корея	–	–	+8	+28
Япония	–	–	+8	+15

Источник: (Perils of Perception 2014, 2016), (Perils of Perception 2017).

Source: (Perils of Perception 2014, 2016), (Perils of Perception 2017).

Ответы респондентов о различных аспектах жизни общества — уровнях безработицы и иммиграции, доли мусульман в населении страны, явке избирателей на выборах и т.п. — показывают, что индивиды склонны переоценивать то, что их беспокоит, и, наоборот, недооценивать то, что может обеспечить им комфорт.

Этот феномен достаточно широко известен. Б. Даффи, руководитель Института социальных исследований Ipsos Mori, отмечает: «Наш мозг по особому обрабатывает негативную информацию и хранит ее более доступным образом» (Duncan, Kommenda, 2017).

Согласно теории перспектив Д. Канемана и А. Тверски (1979), при принятии решения люди концентрируются на негативных ожиданиях, склонны завышать низкие вероятности возникновения позитивных альтернатив и занижать высокие вероятности. Авторы теории считают, что «реакция на потери сильнее, чем реакция на выигрыши. Это — неприятие потерь» (Kahneman, 2011).

На этот момент обращает внимание и Б. Каплан (2007), говоря о «пессимистичном предубеждении, то есть склонности переоценивать серьезность экономических проблем и недооценивать (недавние) прошлые, текущие и будущие результаты».

Представления людей заметно отличаются от окружающих нас объективных реалий, зачастую напоминая отражение в кривом зеркале. Это касается разных жизненных аспектов. Например, восприятие инфляции может отличаться от ре-

Таблица 2. Заниженная оценка в представлениях людей некоторых аспектов общественной жизни (из субъективных оценок вычитаются объективные данные, процентные пункты), 2014, 2017 гг.

Table 2. Underestimation of Social Environment (subjective estimates minus objective estimates, percentage points), 2014, 2017

Страна	Доля людей, считающих себя счастливыми или скорее счастливыми	Доля людей, владеющих собственным жильем	Доля людей, голосовавших на последних выборах
Австралия	-29	-21	-9
Бельгия	-	-13	-4
Великобритания	-45	-17	-17
Венгрия	-47	-	-17
Германия	-39	-17	-14
Испания	-45	-	-14
Италия	-	-13	-14
Канада	-27	-17	-10
Польша	-27	-17	-7
США	-41	-16	-1
Франция	-42	-14	-23
Швеция	-46	-22	-13
Южная Корея	-	-	-16
Япония	-44	-10	-16

Источник: (Perils of Perception 2014, 2016), (Perils of Perception 2017).

Source: (Perils of Perception 2014, 2016), (Perils of Perception 2017).

ального роста цен на рынке товаров, а потребительское поведение населения будет зависеть, скорее, от субъективных оценок, чем от объективной реальности. То же самое можно сказать о восприятии неравенства, которое часто расходится в оценках с фактическим неравенством, измеряемым коэффициентом Джини (Gimpelson, Triesman, 2015), и о неоднозначной связи между реальным уровнем безработицы и страхом потерять работу.

Исследователи обратили внимание, что индивиды неоднозначно воспринимают и оценивают не только общественные явления, о которых у них может не быть полной информации и присутствуют пессимистические предубеждения, но и личные ситуации.

М. Джекман и Р. Джекман (1973) показали, что объективные и субъективные статусы не совпадают полностью в сознании индивида и люди могут не идентифицировать себя с той социальной группой, к которой они принадлежат. Р. Ходж и Р. Трейман (1968), Б. Ван Прааг (2011), в свою очередь, обратили внимание на то, что восприятие собственного социально-экономического статуса зачастую ориентируется на социальное положение коллег и знакомых и не всегда отражает фактические статусные позиции. Возможно, именно поэтому индивиды не всегда и не везде воспринимают объективную мобильность адекватно: зачастую

фиксируются случаи, когда восходящая объективная мобильность оценивается как нисходящая и наоборот. Причем эти расхождения существенно различаются между странами. Они могут вытекать из неполной информированности индивидов об истинной стратификации общества и их (индивидов) месте на социальной лестнице. Наряду с этим, ошибки в оценках собственного статуса во многом связаны с качеством институциональной среды, ее прозрачностью, с равенством возможностей, с доступными механизмами продвижения в обществе, с представлениями о справедливости и т.п. (Alesina, Stantcheva, Teso, 2017).

Значимую роль в формировании представлений играют средства массовой информации. Люди часто ошибаются именно в вопросах, которые широко обсуждаются в СМИ и рассматриваются как проблемы, стоящие перед обществом, в частности, это касается безработицы, иммиграции, неравенства в доходах и т.д.

К примеру, СМИ показывают жизнь сверхсостоятельных граждан и крайнюю нищету, зачастую сталкивая одних с другими. Подобные «картинки» снижают терпимость к доходам окружающих людей, подогревают призывы к «большему равенству через перераспределение», что чревато агрессивными всплесками и социально-политическими волнениями. Таким образом, СМИ в определенной степени формируют общественное мнение о высоком неравенстве.

Другой яркий пример связан с иммиграционной ситуацией. Восприятие местным населением выходцев из других стран во многом формируется собственным опытом общения с ними, опытом друзей или знакомых, но в значительной степени с помощью телевидения и периодических изданий. Последние нередко усугубляют ситуацию с антиимигрантскими настроениями, акцентируя внимание на негативных сторонах миграции. Исследования особо подчеркивают роль СМИ в формировании образа мигранта как «чужака с недобрыми намерениями, представляющего угрозу». В частности, в Великобритании, Португалии проводились специальные опросы населения по поводу того, какие термины используют медиа в отношении мигрантов. Результаты показывают, что их очень часто представляют как «других», «чужих», «преступные группы», «нежелательных гостей», «правонарушителей» и т.п., что не способствует позитивному восприятию переселенцев из других стран (Beutin, Canoy, Horvath, Hubert, Lerais, Sochacki 2007), (OECD, 2010).

То же самое относится и к криминальной ситуации. Средства массовой информации зачастую акцентируют внимание на уголовной хронике, детально разбирая отдельные случаи. Это создает ощущение, что вокруг нас совершается достаточно много преступлений. Эксперты особо подчеркивают воздействие медиа на завышенную оценку индивидами тех явлений и событий, которые освещаются наиболее часто, и информация при этом подается ярко и угрожающе (Duncan et al., 2017).

Согласно данным обследования «Ошибки восприятия» (2017), значительная часть респондентов выборки уверены, что преступность растет, хотя в подавляющем числе обследованных стран доля тяжких преступлений снижается (за базу взят 2000 г.).

Для многих индивидов большая часть того, что известно о государственной политике и общественных явлениях, основывается не только (и не столько) на собственном опыте, но и (сколько) на сообщениях и суждениях сторонних источников, таких как средства массовой информации, оценки экспертов или просто точка зрения известных лиц. Ряд исследователей полагают, что в сознании людей происходит «заимствование мнений» (Understanding society, 2015), т.е. мы выстраиваем наше видение политических и общественных проблем с учетом высказываний лю-

дей (политиков, журналистов), которые, как мы надеемся, более осведомлены, чем мы сами. В таком «заимствовании» есть как преимущества, так и свои ловушки.

С одной стороны, нам помогают расширить границы нашего понимания общественных процессов, с другой — мы принимаем на веру чужие оценки, переводя их в разряд собственных, т.е. невольно поддаемся манипулированию нашим восприятием тех или иных событий (Understanding society, 2015).

При этом если личный опыт дает нам более-менее реалистическую картину процессов, то «заимствованное мнение» вынуждает нас додумывать и достраивать действительность, зачастую уводя нас в сторону от истинного положения дел.

Таким образом, природа расхождений представлений о реальности и объективной действительности может быть разной. Здесь и неполная информация об общественных явлениях, и предубеждения, и идеология, и институциональная среда, и средства массовой информации, и т.п. Все эти причины тесно переплетены и могут вытекать друг из друга.

Ловушки искаженного восприятия

К чему приводят ошибки восприятия реальности? Переоценка негативных явлений и недооценка позитивных сторон сказываются прежде всего в снижении удовлетворенности жизнью и формируют соответствующие предпочтения, реакции, социально-экономическое и политическое поведение.

Исследователи и эксперты обращают внимание на то, как общественные заблуждения влияют на благополучие. Необоснованные страхи, к примеру, растущей преступности или безработицы могут напрямую воздействовать на качество жизни и заставлять излишне фокусироваться на этих вопросах, тратя дополнительное время и ресурсы. Завышение местным населением, к примеру, доли мигрантов и мусульман в стране ведет к требованиям ограничить их въезд.

Недооценка ценности важных жизненных событий (таких, как поступление в университет, выход на пенсию и т.п.) имеет последствия для сферы финансовых услуг, социальной политики и в итоге — для благосостояния населения в целом.

Результаты обследований фиксируют несоответствие между общественным восприятием рисков для здоровья и безопасности и реальными угрозами. В большинстве стран общественность систематически переоценивает опасность, создаваемую внешними обстоятельствами, такими как эпидемии заразных болезней и насильственных преступлений, при этом часто недооценивает риски, порождаемые невниманием к собственному здоровью (например, игнорируются болезни, вызванные плохим питанием или вредными привычками), что не способствует здоровому образу и качеству жизни (Understanding society, 2015).

Следует иметь в виду, что поведение людей во многом определяется именно субъективными представлениями. Соответственно, восприятие реальности, нередко ошибочное, вынуждает делать тот или иной выбор, в том числе и политический. Таким образом, возникает проблема политического невежества (Understanding society, 2015).

Р. Инглхард (2018) отмечает, что снижение экзистенциальной безопасности приводит к росту ксенофобских настроений, что открывает путь к поддержке популистских авторитарных режимов. Выход Великобритании из Европейского союза, возвышение Национального фронта во Франции, появление на политической арене Д. Трампа, результаты последних выборов в Италии свидетельству-

ют о том, что население развитых стран ощущает нарастающее беспокойство и тревогу, ухудшение субъективного благополучия. Реальные проблемы, которые требуют конкретного решения, надстраиваются придуманными процессами, что нагнетает напряжение и усугубляет ситуацию.

К сожалению, многие избиратели, особенно с низким уровнем образования, не прилагают особых усилий для оценки «лидеров общественного мнения» каким-либо объективным способом, а вместо этого устремляются к тем, кто наиболее привлекателен и с легкостью раздает ожидаемые большинством населения обещания.

Один из самых ярких примеров такого рода — электоральное поведение итальянцев. На парламентских выборах в марте 2018 г. они отдали голоса правым и популистским партиям. И это не случайно. Согласно *Perils of perception* (2017), Италия входит в группу стран, чье население имеет наименее точные представления о реальном положении дел по таким вопросам, как уровень смертности, число жертв террористических атак, количество преступлений, совершенных иностранцами и др.

Обследование 2016 г. показало, что жители Апеннинского полуострова более чем в три раза завышают общую численность находящихся там мигрантов и на порядок — мусульман (*Perils of perception* 2016).

Умелая игра на реальных и вымышленных проблемах и страхах вместе с критикой политики, проводимой ЕС, обещаниями немедленно выслать всех нежелательных иностранцев и закрыть границы обеспечили победу евроскептикам и силам, последовательно занимающим антимигрантские позиции.

Таким образом, сознание людей преломляет объективную реальность, а средства массовой информации вместе с «лидерами общественного мнения» усиливают ее искажение. В итоге индивид совершает некие действия, опираясь на оценки, сформировавшиеся под воздействием извне, а потому избранный им способ поведения не всегда адекватен действительности.

* * *

Результаты исследований показывают, что индивиды часто ошибаются в своих представлениях различных аспектов социального благополучия. Причем негативные стороны, несущие угрозы, практически во всех странах переоцениваются по отношению к действительности, а позитивные моменты, свидетельствующие о качественной жизни, недооцениваются. Расхождения вызываются разными причинами. Во многом они связаны с неполной объективной информацией, попадающей в поле зрения индивидов, а также с влиянием средств массовой информации, которые на фоне неполной информации акцентируют внимание на острых проблемах общества.

Поведение индивидов ориентируется на представления, которые зачастую не отражают реальность, и ошибки восприятия могут непреднамеренно спровоцировать действия индивида, ведущие к ухудшению социального благополучия не только его собственного, но и общества в целом. При этом надо иметь в виду, что признание факта систематических предубеждений в общественном мнении имеет этические нюансы и несет определенную опасность. У политической элиты может появиться соблазн усиливать авторитарную составляющую в принятии решений, считая население недостаточно компетентным и информированным актором и переоценивая свое понимание действительности. Крайне важно изучать причины расхождения между представлениями о тех или иных явлениях

и фактической ситуацией, искать возможности сокращения этих расхождений, а также снижения уровня непредсказуемости их последствий.

Библиографический список

- Донцов, А. И., Перельгина, Е. Б., Ригель, А. М. (2016, Сентябрь/Октябрь). Объективное и субъективное благополучие: два подхода к исследуемой теме. *Вопросы психологии*, 5, 3–14.
- Кислицына, О. А. (2016) *Измерение качества жизни / благополучия: международный опыт*. Москва: Институт Экономики РАН.
- Хашченко, В. А. (2011, Январь/Март). Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация. *Экспериментальная психология*, 4 (1), 106–127.
- Alesina, A., Stantcheva, S., & Teso, E. (2017, January). Intergenerational mobility and support for redistribution. *NBER WP No. 23027*. Cambridge (Mass.).
- Beutin, B., Canoy, M., Horvath, A., Hubert, A., Lerais, F., & Sochacki M. (2007, January). Reassessing the Link between Public Perception and Migration Policy. *European Journal of Migration and Law*, 9 (4), pp. 389–418.
- Boarini, R., Johansson, A., & d'Ercole, M. M. (2006, February). Alternative measures of well-being. *Social, Employment and Migration Working Papers*, 33. Paris: OECD.
- Caplan, B. (2007). *The Myth of the Rational Voter: Why Democracies Choose Bad Policies*. Princeton: Princeton University Press.
- Diener, E., Suh, E. M., Lucas, R. E., & Smith, H. L. (1999, March). Subjective well-being: three decades of progress. *Psychological Bulletin*, 125 (2), pp. 276–302.
- Duncan, P., & Kommenda, N. (2017, December 6). Do you know the state of your country? Take the test, as poll reveals perception gap. *The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/politics/datablog/2017/dec/06/perception-reality-gap-global-poll-overestimate-bad-stuff-murder-rate-prisoners-pregnancies#img-1>
- Easterlin, R. A. (1974). *Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence*. New York: Academic Press.
- Gimpelson, V., & Triesman, D. (2015, May). Misperceiving Inequality. *NBER. WP no. 21174*. Cambridge (Mass.).
- Hamermesh, D. S. (2004, July). Subjective outcomes in economics. *Southern Economic Journal*, 71 (1), pp. 2–11.
- Hodge, R., & Treiman, D. (1968, October). Social participation and social status. *American Sociological Review*, 33 (5), pp.722–740.
- Inglehart, R. F. (2018). *Cultural evolution. People's motivation are changing, and reshaping the world*. Cambridge (UK): Cambridge University Press.
- Ipsos Mori. Retrieved from <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/about-us>
- Jackman, M., & Jackman, R. (1973, October). An interpretation of the relation between objective and subjective social status. *American Sociological Review*, 38 (5), pp.569–582.
- Kahneman, D. (2011). *Thinking, Fast and Slow*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Kahneman, D., Diener, E., & Schwarz, N. (Eds.). (1999). *Well-being: the foundations of hedonic psychology*. New York: Russell Sage Found.
- Kahneman, D., & Tversky, A. (1979, March). Prospect theory: an analysis of decision under risk. *Econometrica*, 47 (2), pp. 263–292.
- Layard, R. (2011). *Happiness: Lessons from new Science*. London: Penguin Group.
- OECD. Measuring Well-being and Progress: Well-being Research. Retrieved from <http://www.oecd.org/statistics/measuring-well-being-and-progress.htm>

- Ortiz-Ospina, E., & Roser, M. (2018). Happiness and Life Satisfaction. Retrieved from <https://ourworldindata.org/happiness-and-life-satisfaction>
- Perils of Perception 2014, 2016. Retrieved from <http://perils.ipsos.com/archive/index.html>
- Perils of Perception 2017. Retrieved from <http://perils.ipsos.com>
- Pine II, B. J., & Gilmore, J. H. (2011). *The experience economy*. Boston: Harvard Business School Publishing.
- Proto, E., & Rustichini A. (2014, January). *GDP and life satisfaction: new evidence*. Retrieved from <https://voxeu.org/article/gdp-and-life-satisfaction-new-evidence>
- Public Opinions and Immigration: Individual Attitudes, Interest Groups and the Media. (2010). *International Migration Outlook*, part III. pp. 115–156. Retrieved from <http://www.oecd.org/els/mig/48328734.pdf>
- Schulze, G. (2000). *Die Erlebnisgesellschaft. Kulturosoziologie der Gegenwart*. Frankfurt / New York: Campus Verlag.
- Stiglitz, J. E., Sen, A., & Fitoussi, J.P. (2010). *Mis-measuring our lives. Why JDP doesn't add up*. New York: The New Press.
- Stutzer, A., & Frey, B. S. (2012, December). *Recent developments in the economics of happiness: a selective overview*. DP No. 7078, Bonn: IZA.
- The European social survey. Retrieved from www.europeansocialsurvey.org
- The Future of GDP*. (2018, May). Zurich: Credit Suisse Research Institute.
- Understanding society. (2015). Ipsos MORI. Retrieved from <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/understanding-society-perils-perception>
- Van Praag B. (2011, March) Well-being inequality and reference groups: an agenda for new research. *Journal Economic Inequality*, 9, 111–127.
- Witters, D., & Liu, D. (2017, May). Income buys happiness differently based on where you live. *GALLUP*. Retrieved from <https://news.gallup.com/opinion/gallup/210011/income-buys-happiness-differently-based-live.aspx>
- World Economic Forum. (2017, January). *The inclusive growth and development report 2017*. Geneva: World Economic Forum.

Статья поступила в редакцию 05.07.2018

Статья принята к публикации 23.08.2018

Для цитирования: Гоффе Н.В., Монусова Г.А. Социальное благополучие: восприятие реалий. — Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 3. С. 21–36.

WELL-BEING: REALITY AND ITS PERCEPTION

N. V. Goffe, G. A. Monusova

Nina V. Goffe

E-mail: nina-goffe@yandex.ru · <https://orcid.org/0000-0001-6740-7954>

Galina A. Monusova

E-mail: g.monusova@gmail.com · <https://orcid.org/0000-0001-8266-5361>

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), Profsoyuznaya Str., 23, Moscow, 117997, Russia.

Abstract. This paper studies well-being in developed countries, based on both objective and subjective estimates. We look at how approaches to evaluating well-being have changed over time. Using the data from empirical cross-country research, we analyze discrepancies between subjective perception of and objective statistical data on well-being. Based on surveys conducted by the international market research organisation Ipsos MORI, the European Social Survey (ESS), the International Social Survey Programme (ISSP), etc., as well as on academic literature, our research

shows the extent of how distorted individual perception of reality is, which is a novel approach to studying social well-being. Our analysis shows that individuals see various aspects of well-being differently from how those aspects are presented in objective statistics. They generally place too much emphasis on the negative aspects of their daily lives, as well as on various threats and risks, regardless of what country they live in. At the same time, they underestimate the positive aspects. The paper discusses why these discrepancies arise and what consequences they might have for society. To a large extent, this trend is related to limited individual awareness, distorted facts presented by the media, and other sources which manipulate public opinion, playing on real and imaginary issues and fears. In addition, errors in perception of well-being are largely linked to the quality of the institutional environment, equal opportunities, views on justice, etc. We have found out that highlighting negative aspects and underestimating positive ones affect life satisfaction, influence preferences, and shape reactions, as well as social, economic and political behavior. Given that individual behavior is driven by subjective views of reality, the errors in perception might lead to decline not only in individual well-being, but also in the well-being of society at large.

Keywords: well-being, perception of reality, objective well-being, subjective well-being, life satisfaction, cross country data, misperception

DOI: 10.31429/26190567-19-3-21-36

References

- Alesina, A., Stantcheva, S., & Teso, E. (2017, January). Intergenerational mobility and support for redistribution. *NBER WP No. 23027*. Cambridge (Mass.).
- Beutin, B., Canoy, M., Horvath, A., Hubert, A., Lerais, F., & Sochacki M. (2007, January). Reassessing the Link between Public Perception and Migration Policy. *European Journal of Migration and Law*, 9 (4), pp. 389–418.
- Boarini, R., Johansson, A., & d'Ercole, M. M. (2006, February). Alternative measures of well-being. *Social, Employment and Migration Working Papers*, 33. Paris: OECD.
- Caplan, B. (2007). *The Myth of the Rational Voter: Why Democracies Choose Bad Policies*. Princeton: Princeton University Press.
- Diener, E., Suh, E. M., Lucas, R. E., Smith, H. L. (1999, March). Subjective well-being: three decades of progress. *Psychological Bulletin*, 125 (2), pp. 276–302.
- Dontsov, A., Perelygina, E., & Rigel', A. (2016, September/October). Ob'ektivnoye i sub'ektivnoye blagopoluchie: dva podhoda k issleduemoy teme [Objective and Subjective Well-being: Two Approaches to the Topic Under Study]. *Voprosy psikhologii* [The Issues Relevant to Psychology], 5, pp. 3–14.
- Duncan, P., Kommenda, N. (2017, December 6). Do you know the state of your country? Take the test, as poll reveals perception gap. *The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/politics/datablog/2017/dec/06/perception-reality-gap-global-poll-overestimate-bad-stuff-murder-rate-prisoners-pregnancies#img-1>
- Easterlin, R. A. (1974). *Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence*. New York: Academic Press.
- Gimpelson, V., & Triesman, D. (2015, May). Misperceiving Inequality. *NBER. WP no. 21174*. Cambridge (Mass.).
- Hamermesh, D. S. (2004, July). Subjective outcomes in economics. *Southern Economic Journal*, 71 (1), pp. 2–11.
- Hodge, R., & Treiman, D. (1968, October). Social participation and social status. *American Sociological Review*, 33 (5), pp.722–740.
- Inglehart, R. F. (2018). *Cultural evolution. People's motivations are changing, and reshaping the world*. Cambridge (UK): Cambridge University Press.
- Ipsos Mori. Retrieved from <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/about-us>
- Jackman, M., & Jackman, R. (1973, October). An interpretation of the relation between objective and subjective social status. *American Sociological Review*, 38 (5), pp. 569–582.

- Kahneman, D. (2011). *Thinking, Fast and Slow*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Kahneman, D., & Tversky, A. (1979, March). Prospect theory: an analysis of decision under risk. *Econometrica*, 47 (2), pp. 263–292.
- Kahneman, D., Diener, E., & Schwarz, N. (Eds.). (1999). *Well-being: the foundations of hedonic psychology*. New York: Russell Sage Found.
- Khashchenko, B. (2011, January–March). Sub”ektivnoe Ekonomicheskoe blagopoluchie i ego izmerenie: postroenie oprosnika i ego validizatsiya [Subjective Economic Well-being and its Measuring: the Construction of the Questionnaire and its Validation]. *Eksperimental’naya psikhologiya* [Experimental Psychology], 4 (1), pp. 106–127.
- Kislitsyna, O. (2016). *Izmerenie kachestva zhizni / blagopoluchiya: mezhdunarodnyy opyt* [Measuring the Quality of Life / Well-being: International Experience] Moscow: Institut Ekonomiki RAN
- Layard, R. (2011). *Happiness: Lessons from new Science*. London: Penguin Group.
- OECD. Measuring Well-being and Progress: Well-being Research. Retrieved from <http://www.oecd.org/statistics/measuring-well-being-and-progress.htm>
- Ortiz-Ospina, E., & Max Roser, M. (2018). Happiness and Life Satisfaction. Retrieved from <https://ourworldindata.org/happiness-and-life-satisfaction>
- Perils of Perception 2014, 2016. Retrieved from <http://perils.ipsos.com/archive/index.html>
- Perils of Perception 2017. Retrieved from <http://perils.ipsos.com>
- Pine II, B. J., & Gilmore, J. H. (2011). *The experience economy*. Boston: Harvard Business School Publishing.
- Proto, E., & Rustichini A. (2014, January). *GDP and life satisfaction: new evidence*. Retrieved from <https://voxeu.org/article/gdp-and-life-satisfaction-new-evidence>
- Public Opinions and Immigration: Individual Attitudes, Interest Groups and the Media. (2010). *International Migration Outlook*, part III. pp. 115–156. Retrieved from <http://www.oecd.org/els/mig/48328734.pdf>
- Schulze, G. (2000). *Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart*. Frankfurt / New York: Campus Verlag.
- Stiglitz, J. E., Sen, A., & Fitoussi, J.P. (2010). *Mis-measuring our lives. Why GDP doesn’t add up*. New York: The New Press.
- Stutzer, A., & Frey, B. S. (2012, December). *Recent developments in the economics of happiness: a selective overview*. DP No. 7078, Bonn: IZA.
- The European social survey. Retrieved from www.europeansocialsurvey.org
- The Future of GDP*. (2018, May). Zurich: Credit Suisse Research Institute.
- Understanding society. (2015). Ipsos MORI. Retrieved from <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/understanding-society-perils-perception>
- Van Praag B. (2011, March) Well-being inequality and reference groups: an agenda for new research. *Journal Economic Inequality*, 9, 111–127.
- Witters, D., & Liu, D. (2017, May). Income buys happiness differently based on where you live. *GALLUP*. Retrieved from <https://news.gallup.com/opinion/gallup/210011/income-buys-happiness-differently-based-live.aspx>
- World Economic Forum. (2017, January). *The inclusive growth and development report 2017*. Geneva: World Economic Forum.

Received 05.07.2018. Accepted 23.08.2018

For citation: Goffe N.V., Monusova G.A. Well-being: reality and its perception. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 3. Pp. 21–36.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАНЯТОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

З.Ю. Переселкова

Переселкова Зинаида Юрьевна, Оренбургский государственный университет,
пр-т Победы, д. 13., Оренбург, 460018, Россия
E-mail: anizz@yandex. ru

Аннотация. В статье на основе анализа социально-экономической статистики по проблемам занятости сельского населения проведено исследование состояния и перспектив кадровой обеспеченности, социально-демографических процессов в сельском хозяйстве Оренбургской области. Цель исследования — выявление тенденций социально-экономического развития аграрного отрасли региона в контексте реализации её человеческого потенциала. Исследование выполнено на основе системного подхода методом анализа государственной статистики и сравнения полученных результатов с результатами других исследований указанной проблематики. Представлено научное осмысление результатов реформирования аграрных отношений России на основе плюрализации форм собственности в аграрном производстве и создания многоукладной системы хозяйствования. Сделан вывод о том, что на сегодняшний день наблюдаются негативные тенденции развития кадрового потенциала сельских территорий рассматриваемого региона, связанные с сокращением удельного веса аграрного сектора в структуре занятости сельских жителей, рынок труда серьезно сегментирован. Это связано со значительным сокращением (вдвое за последние десять лет) числа сельскохозяйственных организаций как основного работодателя в аграрной сфере, малыми размерами крестьянских фермерских хозяйств и их низкой товарностью, низкой заработной платой в сельском хозяйстве, непрестижностью аграрного труда. Вследствие указанных факторов расширяется доля неформальной занятости сельского населения, самозанятости и временной трудовой миграцией (работа вахтовым способом, отходничество). Только треть населения области, проживающая на селе, занята в аграрном секторе экономики. Несмотря на значительное количество личных подсобных хозяйств в сельском хозяйстве региона, абсолютное большинство их ориентировано в своей деятельности на самообеспечение продовольствием. Низкая ориентация на товарное производство личных подсобных хозяйств связана с трудностями реализации производимой продукции. Предложены мероприятия по активизации роли государства в решении проблем занятости сельского населения на основе развития различных ее видов и форм, в том числе и нестандартной занятости.

Ключевые слова: сельское население, занятость, личные подсобные хозяйства, продовольственная безопасность, Оренбургская область.

Введение

Продовольственная обеспеченность населения и продовольственная безопасность государства выступают одной из важнейших социально-экономических задач общества, поскольку нацелены на удовлетворение насущной потребности человека в пище, определяющей уровень жизни, здоровья населения и создающей условия для его воспроизводства. Основой обеспечения продовольственной безопасности служит развитая продовольственная хозяйственная система, базирующаяся в первую очередь на развитии агропромышленного производства. От его состояния, эффективности использования, возможностей увеличения производственно-экономического потенциала зависит уровень обеспечения населения продуктами отечественного производства и сокращения импорта про-

довольствия. В контексте изучения проблемы обеспечения продовольственной безопасности актуализируются вопросы изучения состояния и перспектив сельской занятости, выступающей условием кадрового обеспечения агропромышленного производства.

Тема сельской занятости является актуальной для исследователей. Проблемам сельского рынка труда, новым формам занятости сельских жителей в условиях многоукладности современного российского села, кадровому потенциалу аграрного сектора экономики посвящены работы современных авторов (Богдановский, 2016, 2017; Великий, 2016; Великий, Лучков, 2017; Власова, 2017; Дульзон, 2016, 2017; Калугина, 2012, 2015; Никонова, 2017; Пескова, 2017; Соскиева, 2015; Шабанов, 2015, 2016).

На региональном уровне вопросы продовольственной безопасности Оренбургской области активно изучаются экономистами — И.Н. Корабейниковым, О.А. Коробейниковой, Р.Ш. Шафеевым. Авторы рассматривают роль земельных отношений в реализации данного процесса. На основе анализа количественных и качественных характеристик развития аграрного производства, темпов роста различных сфер региональной экономики и уровня кредитования физических лиц ими выделены особенности обеспечения продовольственной безопасности региона (Корабейников, Шафеев, 2014; Корабейников, Корабейникова, 2015). В то же время вопросы занятости в сельском хозяйстве региона, кадровой обеспеченности и их влияния на продовольственную безопасность остаются в достаточной степени не изученными.

В России на сегодня реализуется Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы, нацеленная на повышение конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции, которая может быть реализована лишь посредством обеспечения кадрового потенциала на рынке труда в сельском хозяйстве (Государственная программа развития...).

Методология и методы исследования

В основе исследования лежит системный подход, позволивший представить село как особую поселенческую общность, от функционирования членов которой зависит обеспечение продовольственной безопасности общества. В рамках данного подхода были рассмотрены результаты аграрных преобразований в России и их влияние на систему аграрной трудовой занятости. Системные описания позволили отразить динамику социально-трудовой мобильности сельчан, ее зависимость от сложившихся экономических условий и форм трудовых отношений на селе. Основным методом исследования является анализ документов официальной государственной статистики, в которых отражены количественные показатели и структура аграрной занятости, размеры оплаты труда, виды и число сельскохозяйственных предприятий, направленность их деятельности, социально-демографические характеристики сельских тружеников. Статистический анализ позволил провести сравнение показателей занятости по хронологическим периодам и представить динамику ее форм. Изучение документов и сопоставление их содержания с результатами иных исследований способствовали анализу социальных изменений, выявлению тенденций и направлений развития соци-

ально-экономических процессов на селе, оказывающих влияние на состояние его кадрового и человеческого потенциала.

Проблемы занятости сельского населения Оренбургской области. Оренбургская область является одним из ведущих агропромышленных регионов России, занимающим лидирующие места по производству многих наименований продукции растениеводства и животноводства в Приволжском федеральном округе. Сельское хозяйство выступает системообразующей сферой экономики Оренбургской области, формирующей экономическую и продовольственную безопасность региона, трудовой и поселенческий потенциал развития его сельских территорий. Около 41% населения Оренбуржья являются сельскими жителями, большинство из которых вовлечены в процессы производства сельскохозяйственной продукции. В связи с этим задача выявления кадрового потенциала сельского хозяйства Оренбургской области представляется актуальной как в научном плане, так и с точки зрения практики.

Российские рыночные реформы привели к существенной трансформации аграрного сектора, которая сопровождалась снижением участия государства в сельскохозяйственной деятельности, возникновением новых форм хозяйственной деятельности и собственности, углублением социальной дифференциации и расслоением сельского населения. Статистический анализ положения дел в сельской местности свидетельствует о том, что в новом тысячелетии продолжается сокращение численности сельского населения России, частично компенсированным в 1990-е гг. за счет миграционных потоков. За период с 2001 по 2017 г. численность сельского населения РФ сократилась на 1 млн. 400 тыс. чел. и составила в общей структуре населения 26% (по Оренбургской области наблюдается соответствующая тенденция: сокращение сельского населения за данный период времени на 140 684 тыс. чел., или на 15%, с сохранением доли в общей структуре населения на уровне 40%) (Россия в цифрах, 2017).

Если в целом сокращение сельского населения можно объяснить действием демографических законов (естественная убыль населения, сокращение рождаемости и т.д.), то данные, указывающие на изменение в структуре занятости среди сельских жителей свидетельствует о недостатках развития аграрного сектора российской экономики. Так, по РФ в 2016 г. занятые в сельском хозяйстве составляли только 9,2% от общего числа занятых, в Оренбургской области — 13,9%, т.е. менее 1/3 от проживающих на селе (Россия в цифрах, 2017). Низкие показатели уровня занятости сельского населения объясняются узкой сферой применения труда в сельской местности, сокращением числа сельскохозяйственных организаций, уходом из села части трудоспособного населения в города, в другие сферы народного хозяйства.

На сегодня по способу участия в общественном труде в сельском хозяйстве функционируют две формы занятости: занятость по найму и самозанятость населения. Занятость по найму характерна в основном для сельскохозяйственных организаций, а также в некоторой мере для фермерских хозяйств. В основной же их части, равно как и в хозяйствах населения, доминирует занятость в домашнем и личном подсобном хозяйстве (так называемая самозанятость), которая относится к нетрадиционным формам занятости и характеризуется высокими рисками, отсутствием социальных гарантий, нестабильностью доходов, ограниченностью возможностей для карьерного роста и другими негативными послед-

ствиями (Дульзон, 2016). Сегодня аграрная занятость уже не является основным типом трудовой деятельности для сельского населения. К альтернативам занятости на крупных сельскохозяйственных предприятиях относится занятость в личных подсобных (ЛПХ) и крестьянских фермерских хозяйствах (КФХ), в разных видах индивидуального предпринимательства (ИП) в неаграрной сфере, отходничество (работа вахтовым методом). Рынок труда в сельском хозяйстве серьезно сегментирован. Так, на 2016 г. из 130 тыс. чел., занятых в сельском хозяйстве Оренбургской области, только 21% являлись работниками сельскохозяйственных организаций (Предварительные итоги Всероссийской..., 2017).

Значительную долю в структуре занятости сельской местности занимают занятые в личных подсобных хозяйствах. Здесь важно учитывать, что к числу занятых Росстат вслед за МОТ относит также лиц, «занятых выполнением работ по производству в домашнем хозяйстве продукции для полной или частичной реализации», т.е. к числу занятых сельскохозяйственным трудом могут относиться и лица, работающие в личном подсобном хозяйстве в основном с целью обеспечения внутрисемейного потребления продуктами питания. Действительно, узкий рынок труда на селе приводит к тому, что основная часть доходов сельского населения напрямую зависит от эффективности функционирования их личного подсобного хозяйства, ведение которого сопряжено с различными рисками и сезонной непостоянностью. Труд в личном подсобном хозяйстве физически тяжелый, ручной и малопривлекательный. Занимается им сельское население из-за отсутствия альтернативных видов деятельности и низких доходов на аграрных предприятиях. На 1 июля 2016 г. в Оренбуржье насчитывалось 314879 личных подсобных хозяйств граждан, занимающихся производством сельскохозяйственной продукции. Однако 99,7% из них нацелены были на самообеспечение продовольствием, и только 11% осуществляли свою деятельность с целями получения дополнительных денежных средств от реализации производимой сельхозпродукции, т.е. формировали ЛПХ как товарное производство (Предварительные итоги Всероссийской..., 2017). Низкая ориентация на товарное производство ЛПХ связана с трудностями реализации производимой продукции. Отсутствие сельской потребительской кооперации, регулируемой законодательно, переводит эту сферу во многом к теневой экономике, базирующейся на деятельности отдельных закупщиков (перекупщиков-посредников), устанавливающих собственные цены на продукцию, как правило, в 1,5–2 раза ниже рыночных и ставящих в зависимость от себя частных сельхозпроизводителей. Несмотря на естественное недовольство мелких производителей условиями сбыта, без оптовых посредников большинство из них едва ли смогли бы заниматься реализацией производимой продукции самостоятельно.

Ориентация деятельности ЛПХ находится в зависимости от их территориального расположения. Хозяйства граждан в сельских поселениях вдвое больше ориентированы на рыночную реализацию производимой сельхозпродукции, чем личные подсобные хозяйства граждан в городских округах и вблизи городских поселений (13,7% против 6,4% соответственно) (Предварительные итоги Всероссийской..., 2017). Объясняется это возможностями последних работать в городских организациях и получать стабильный доход, вследствие чего подсобное хозяйство используется только в качестве самообеспечения продуктами питания. Однако, по мнению В.Л. Шабанова, местоположение вблизи крупных городов

открывает новые рынки сбыта для продукции ЛПХ и способствует «псевдоаграрному расселению», т.е. появлению нового слоя сельско-городских жителей, использующих село для рекреации. Это дает толчок развитию «обслуживающей» экономики и самозанятости (Шабанов, 2016).

Сокращение крупных сельскохозяйственных предприятий, узкий рынок труда в сельской экономике, низкое качество жизни населения сдерживают развитие сельских территорий и вынуждают искать работу вне сельской местности. Это способствует возникновению такой формы трудовой занятости сельчан, как отходничество, одним из самых массовых и популярных видов деятельности которого является работа вахтовым способом. Основную причину трудовой миграции из села ряд авторов видят в отсутствии в нем работодателя. Жизнь в селах без работодателя обрекает их обитателей кормиться со своего огорода, стать трудовыми отходниками либо переехать в другие места (последнее трудно осуществить, поскольку откладывать, копить нужные финансовые ресурсы здесь весьма сложно) (Великий, Лучков, 2017; Пескова, 2017). Центрами притяжения для сельского населения становятся города, как ближние, так и дальние, в которых сельчане, как правило, занимают нишу неквалифицированных рабочих разных специальностей.

В Оренбургской области основным работодателем на селе по-прежнему остаются сельскохозяйственные организации. В среднем на одно КФХ и ИП приходится 4 чел., занятых в сельскохозяйственном производстве, из которых половина это члены семьи. ЛПХ преимущественно состоят из 2–4 чел., а заняты сельскохозяйственными работами 2–3 чел., т.е. в основном это семьи с детьми; и только 3,6% ЛПХ привлекают наемных работников для выполнения сельскохозяйственных работ. Тогда как в среднем на одну организацию, осуществляющую сельскохозяйственную деятельность, приходится 49 чел., и 91% из них это постоянные работники (Предварительные итоги Всероссийской..., 2017). Однако за последние 10 лет численность сельскохозяйственных организаций в Оренбургской области существенно сократилась с 7180 в 2006 г. до 3018 к началу 2017 г., т.е. сокращение составило 58% (Статистический ежегодник... 2017). В результате рынок труда в сельском хозяйстве региона также существенно сузился, учитывая что основные рабочие места на селе концентрировались в них.

Если рассматривать социально-демографический портрет современного сельского труженика, то основная часть занятых работой в сельскохозяйственных организациях — это мужчины в возрасте 30–59 лет, имеющие среднее общее или основное общее (неполное среднее) образование. Молодежь (18–29 лет), занятая на сельхозпредприятиях, составляет только 13% от численности работников, занятых в сельскохозяйственном производстве. Из числа работников сельскохозяйственных организаций только 16,6% имеют сельскохозяйственное образование (5,6% — высшее и 11% среднеспециальное) (Предварительные итоги Всероссийской..., 2017). Непривлекателен труд в сельском хозяйстве для молодежи и специалистов вследствие тяжелых физических условий, непрестижности, низкой оплаты труда, отсутствия социальных гарантий. На сегодня сельские труженики — самая низкооплачиваемая категория работников. Среднемесячная номинальная заработная плата работников сельского хозяйства составляет 58% от средней по стране (51% в Оренбургской области от средней зарплаты по региону по всем отраслям экономики) и является самой низкой в разрезе всех отраслей экономической деятельности (Россия в цифрах, 2017).

Выводы

На сегодняшний день наблюдаются негативные тенденции развития кадрового потенциала сельских территорий рассматриваемого региона, связанные с сокращением удельного веса аграрного сектора в структуре занятости сельских жителей. Работа в аграрном секторе не пользуется популярностью у специалистов и молодежи, а иные отрасли экономики не замещают его полностью. В результате расширяется доля неформальной занятости сельского населения, самозанятости и временной трудовой миграции (работа вахтовым способом, отходничество). Складывающиеся тенденции неблагоприятны для выполнения селом его функции обеспечения продовольственной безопасности региона, сохранения и развития сельских территорий.

Учитывая состояние современного сельского рынка труда в Оренбургской области, необходимо активизировать роль государства в решении проблем занятости сельского населения на основе развития различных ее видов и форм, в том числе и нестандартной занятости. Основные мероприятия должны быть нацелены на создание новых рабочих мест как в сельскохозяйственных организациях, так и путем стимулирования расширения товарной производительности крестьянско-фермерских хозяйств через систему оказания адресной социальной помощи и субсидирования. Также перспективным видится развитие самозанятости населения в личных подсобных хозяйствах с ведением юридического определения порядка зачисления трудового стажа и социальных пособий, назначения пенсий их работникам при условии товарности производимой ими сельскохозяйственной продукции, которую можно существенно расширить через развитие перерабатывающих, снабженческо-сбытовых и заготовительных потребительских кооперативов. Увеличение оплаты труда в сельскохозяйственных организациях при совершенствовании инфраструктурной системы сельских территорий будет являться ведущим стимулом для работы молодежи и специалистов в сельской местности.

Библиографический список

- Богдановский, В. А. (2016). Теоретико-методологические аспекты исследования формирования новой парадигмы занятости в сельском хозяйстве. *Никоновские чтения*, 21, 11–14.
- Богдановский, В. А. (2017). О некоторых аспектах развития исследований аграрной занятости. *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*, 8, 48–52.
- Великий, П. П. (2016). Редкие виды аграрного труда в жизненном пространстве села. *Островские чтения*, 1, 472–474.
- Великий, П. П., Лучков, Н. А. (2017). Парадоксы репродукции ресурсов жизни села. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 4, 370–377.
- Власова, Т. А. (2017). Региональные особенности формирования кадрового потенциала аграрного сектора экономики (на примере Белгородской области). *Аграрная Россия*, 5, 29–37.
- Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. Режим доступа <http://mcx.ru/activity/state-support/programs/program-2013-2020/>
- Дульзон, С. В. (2016). К вопросу о современных формах занятости в сельском хозяйстве. *Никоновские чтения*, 21, 94–96.
- Дульзон, С. В. (2017). Современные формы и виды занятости при формировании ее новой парадигмы в сельском хозяйстве. *Агропродовольственная политика России*, 1, 17–22.

- Калугина, З. И. (2012). Сельская занятость в период «турбулентных реформ». В *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса* (с. 5102–5109). Уфа.
- Калугина, З. И. (2015). *Рыночная трансформация аграрного сектора России*. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН.
- Корабейников, И. Н., Шафеев, Р. Ш. (2014). Влияние эффективности использования земельных ресурсов на обеспечение продовольственной безопасности. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 8 (169), 89–95.
- Корабейников, И. Н., Корабейникова, О. А. (2015). Научно-практические аспекты обеспечения продовольственной безопасности Оренбургской области на основе кластерного подхода. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 13 (188), 48–52.
- Никонова, А. Г. (2017). Региональные условия функционирования сельскохозяйственных товаропроизводителей на современном этапе. *Экономика нового мира*, 3 (7), 15–25.
- Оренбургская область в цифрах. (2016). Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. Режим доступа http://orbinvest.ru/files/Оренбургская+область+в+цифраx_2016.pdf
- Пескова, Д. Р. (2017). Особенности количественной и качественной оценки теневой занятости в сельском хозяйстве. *Фундаментальные исследования*, 4, 372–378.
- Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по Оренбургской области: Т. 1. (2017). Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. Режим доступа http://orenstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/orenstat/resources/b2884c8043ad880d9306b3fa17e1e317/VSHP2016_tom1.pdf
- Россия в цифрах. (2017). Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf
- Соскьева, Е. А. (2015). Проблемы занятости и кадрового обеспечения отрасли сельское хозяйство. *Никоновские чтения*, 20 (1), 380–384.
- Среднегодовая численность занятых в экономике по видам экономической деятельности. Режим доступа http://orenstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/orenstat/ru/statistics/employment/
- Статистический ежегодник Оренбургской области. (2017). Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. Режим доступа http://orenstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/orenstat/ru/statistics/
- Численность населения Оренбургской области на 1 января 2018. (2018). Режим доступа http://orenstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/adg/ru/statistics/population/
- Шабанов, В. Л. (2015). Особенности современной сельской занятости (на примере Саратовской области). *Экономика сельского хозяйства России*, 7, 78–83.
- Шабанов, В. Л. (2016). *Уровень жизни сельского населения России в условиях социально-экономической трансформации села: методология исследования и анализ динамики*. Саратов: Саратовский источник.

Статья поступила в редакцию 03.07.2018

Статья принята к публикации 23.08.2018

Для цитирования: Переселкова З. Ю. Состояние и перспективы занятости сельского населения оренбургской области как условие обеспечения продовольственной безопасности региона. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 3. С. 37–46.

THE STATE OF EMPLOYMENT AND ITS PERSPECTIVES FOR THE RURAL POPULATION IN ORENBURG REGION AS PROVISION FOR AGROFOOD SECURITY

Z. Yu. Pereselkova

Zinaida Yu. Pereselkova, Orenburg State University, prosp. Pobedy, 13, Orenburg, 460018, Russia
E-mail: anizz@yandex. ru

Abstract. The paper is a research of the conditions and the perspectives of staffing and socio-demographic processes on the basis of socio-economic statistics on employment in Orenburg region agriculture. The aim of the research is to reveal tendencies of socio-economic development in the agrarian branch of the region against the background of its human potential. The research was conducted on the basis of systemic approach to the analysis of official statistics and on comparing the results received with the data of other works of similar range of problems. The results of the transformation of agricultural relations in Russia on the basis of the pluralism of forms of ownership in agricultural production and the creation of multi-structural system of management have been comprehensively interpreted and presented. Nowadays, negative tendencies in staffing in rural areas of Orenburg region are observed. They result from the reduction of agrarian sector in the employment structure of rural inhabitants resulting in labor market segmentation. This is closely connected with the reduction (twice during the previous ten years) of the number of agricultural organizations — the main employer in the agricultural sector. Peasant farms are characterized by small size and low marketability. In addition, wages in agriculture are low, and working there is considered not prestigious. Due to these factors, the share of informal employment of the rural population, as well as self-employment and temporary labor migration, such as shift work arrangement of employment and seasonal work is increasing. Only one third of the population in rural areas is employed in the agricultural sector. Despite a large number of household plots in the region, their absolute majority is aimed at self-provision. The low level of interest in agricultural commodity production is connected with the problems of marketing. The paper offers some steps to activate the role of the state in solving the problems of employment for the population on the basis of enhancing the development of its different types and forms, including non-standard employment.

Key words: rural population, employment, private households, food security, Orenburg region.

DOI: 10.31429/26190567-19-3-37-46

References

- Bogdanovskij, V. A. (2016). Teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniya formirovaniya novoj paradigmy zanyatosti v sel'skom hozyajstve [Theoretical and Methodological Aspects of the Study of the Formation of a New Paradigm of Employment in Agriculture]. *Nikonovskie chteniya* [Nikonov Readings], 21, 11–14.
- Bogdanovskij, V. A. (2017). O nekotoryh aspektah razvitiya issledovanij agrarnoj zanyatosti [On Some Aspects of the Development of Agricultural Employment Research]. *Ehkonomika sel'sko-hozyajstvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatij* [Economics of Agricultural and Processing Enterprises], 8, 48–52.
- Velikij, P. P. (2016). Redkie vidy agrarnogo truda v zhiznennom prostranstve sela [Rare Types of Agricultural Work in the Living Space of the Village]. *Ostrovskie chteniya* [Ostrovskij Readings], 1, 472–474.
- Velikij, P. P., Luchkov, N. A. (2017). Paradoksy reprodukcii resursov zhizni sela [Paradoxes of the Reproduction of Village Life Resources.]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya* [News of Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science], 4, 370–377.
- Vlasova, T. A. (2017). Regional'nye osobennosti formirovaniya kadrovogo potenciala agrarnogo sektora ehkonomiki (na primere Belgorodskoj oblasti) [Regional Features of Personnel Potential

- Formation (as Exemplified by Belgorod Region Experience)]. *Agrarnaya Rossiya* [Agricultural Russia], 5, 29–37.
- Gosudarstvennaya programma razvitiya sel'skogo hozyajstva i regulirovaniya rynkov sel'sko-hozyajstvennoj produkcii, syr'ya i prodovol'stviya na 2013–2020 gody [State Program for the Development of Agriculture and the Regulation of Agricultural Markets Selling Produce, Raw Materials and Provision in 2013–2020]. Retrieved from <http://mcx.ru/activity/state-support/programs/program-2013-2020/>
- Dul'zon, S. V. (2016). K voprosu o sovremennyh formah zanyatosti v sel'skom hozyajstve [On the Issue of Modern Forms of Employment in Agriculture]. *Nikonovskie chteniya* [Nikonov Readings], 21, 94–96.
- Dul'zon, S. V. (2017). Sovremennye formy i vidy zanyatosti pri formirovanii eje novoj paradigmy v sel'skom hozyajstve [Modern Forms and Types of Employment in the Formation of its New Paradigm in Agriculture]. *Agroprodovol'stvennaya politika Rossii* [Russia's Agri-food Policy], 1, 17–22.
- Kalugina, Z. I. (2012). Sel'skaya zanyatost' v period "turbulentnyh reform" [Rural Employment in the Period of «Turbulent Reforms»]. In *Sociologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie: Materialy IV Ocherednogo Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa* [Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development: Proceedings of the IV Regular All-Russian Sociological Congress] (pp.5102–5109). Ufa.
- Kalugina, Z. I. (2015). *Rynoch'naya transformaciya agrarnogo sektora Rossii* [Market Transformation of the Russian Agricultural Sector]. Novosibirsk: Institut ehkonomiki i organizatsij promyshlennogo proizvodstva SO RAN.
- Korabejnikov, I. N., & Shafeev, R. Sh. (2014). Vliyanie ehffektivnosti ispol'zovaniya zemel'nyh resursov na obespechenie prodovol'stvennoj bezopasnosti [The Impact of Effective Use of Land Resources on Food Security]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg state University], 8 (169), 89–95.
- Korabejnikov, I. N., & Korabejnikova, O. A. (2015). Nauchno-prakticheskiye aspekty obespecheniya prodovol'stvennoj bezopasnosti Orenburgskoj oblasti na osnove klasternogo podhoda [Scientific and Practical Aspects of Food Security of the Orenburg Region on the Basis of the Cluster Approach]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg state University], 13 (188), 48–52.
- Nikonova, A. G. (2017). Regional'nye usloviya funktsionirovaniya sel'skohozyajstvennykh tovaroproizvoditelej na sovremennom ehtape [Regional Conditions of Functioning of Agricultural Commodity Producers at the Present Stage]. *Ehkonomika novogo mira* [The Economy of the New World], 3 (7), 15–25.
- Orenburgskaya oblast' v cifrah [Orenburg Region in Numbers]. (2016). Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Orenburgskoj oblasti [Territorial Bureau of Statistics]. Retrieved from http://orbinvest.ru/files/Оренбургская+область+в+цифрах_2016.pdf
- Peskova, D. R. (2017). Osobennosti kolichestvennoj i kachestvennoj ocenki tenevoj zanyatosti v sel'skom hozyajstve [Features of Quantitative and Qualitative Assessment of Shadow Employment in Agriculture]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Study], 4, 372–378.
- Predvaritel'nye itogi Vserossijskoj sel'skohozyajstvennoj perepisi 2016 goda po Orenburgskoj oblasti. T. 1 [Preliminary Results of the All-Russian Agricultural Census of 2016 in the Orenburg Region. Vol. 1]. (2017). Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Orenburgskoj oblasti [Territorial Bureau of Statistics]. Retrieved from http://orenstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/orenstat/resources/b2884c8043ad880d9306b3fa17e1e317/VSHP2016_tom1.pdf
- Rossiya v tsifrah [Russia in Numbers]. (2017). Moskva: Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Moscow: Federal Bureau of Statistics]. Retrieved from http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf

- Soskiewa, E. A. (2015). Problemy zanyatosti i kadrovogo obespecheniya otrasli sel'skoe hozyajstvo [Problems of Employment and Staffing in the Agricultural Sector.]. *Nikonovskie chteniya* [Nikonov Readings], 20 (1), 380–384.
- Srednegodovaya chislennost' zanyatykh v ehkonomie po vidam ehkonomicheskoy deyatel'nosti [The Average Annual Number of People Employed in the Sphere of Economy Classified by the Type of Their Activity]. Retrieved from: http://orenstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/orenstat/ru/statistics/employment/
- Statisticheskij ezhegodnik Orenburgskoy oblasti [Statistical Yearbook of the Orenburg Region]. (2017). Territorial'nyy organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Orenburgskoy oblasti [Territorial Bureau of Statistics]. Retrieved from http://orenstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/orenstat/ru/statistics/
- Chislennost' naseleniya Orenburgskoy oblasti na 1 yanvarya 2018 [Population of Orenburg Region as of January 1, 2018]. (2018). Retrieved from: http://orenstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/adg/ru/statistics/population/
- Shabanov, V. L. (2015). Osobennosti sovremennoj sel'skoj zanyatosti (na primere Saratovskoy oblasti) [Present-day Features of Employment in Rural Areas (as Exemplified by Saratov Region Experience)]. *Ehkonomika sel'skogo hozyajstva Rossii* [Economics of Agriculture in Russia], 7, 78–83.
- Shabanov, V. L. (2016). *Uroven' zhizni sel'skogo naseleniya Rossii v usloviyakh social'no-ehkonomicheskoy transformacii sela: metodologiya issledovaniya i analiz dinamiki* [The Standard of Living in Rural Russia under Socio-economic Transformation of the Village: Research Methodology and Dynamics Analysis]. Saratov: Saratovskij istochnik.

Received 03.07.2018. Accepted 23.08.2018

For citation: Pereselkova Z. Yu. The state of employment and its perspectives for the rural population in Orenburg region as provision for agrofood security. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 3. Pp. 37-46.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ

И. А. Аполлонов, А. С. Берберян

Аполлонов Иван Александрович, Кубанский государственный технологический университет, ул. Московская, 2, г. Краснодар, 350072, Россия

E-mail: oblige@yandex.ru · <https://orcid.org/0000-0002-1926-8213>

Берберян Ася Суменовна, Российско-Армянский (Славянский) университет, ул. Овсепя Эмина, 123, г. Ереван, 0051, Армения

E-mail: aspsy@inbox.ru · <https://orcid.org/0000-0003-0321-0161>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с социокультурными основаниями формирования субъектных структур человека. Целью статьи является анализ диалектической взаимосвязи детерминант социальной культуры, определяющих «вторую природу» человека, и обретение им свободы как конститутивной черты субъекта деятельности. Методология исследования связана с деятельностным подходом, рассматривающим субъекта в качестве активного начала человека, осваивающего и творчески преобразовывающего себя и свой мир посредством целесообразной личностно значимой деятельности. Культура рассматривается в качестве социального кода, определяющего сущностные предикаты личности и формирующего ценностно-смысловой горизонт его сознания и самосознания. Показана взаимосвязь норм и образцов, определяющих социокультурные детерминанты формирования субъектности человека и ценностного горизонта культуры вовлекающего человека в деятельность по производству идеалов. В контексте подобной деятельности формируется определённая архитектура личностных ценностей, которая составляет основу жизненных проектов и определяет внутреннюю, а не вменённую извне ответственность, как неотъемлемую и конститутивную черту личностной свободы человека. Анализ особенностей интериоризации форм социальной культуры позволяет выявить уровень нормальности: пространство личностных смыслов, формируемое в контексте взаимной оценки социокультурных образцов и той повседневной практики, в которой действует человек. Данный уровень позволяет обрести собственную субъектную позицию, которая определяет личностное отношение к нормам, образцам и аттракторам культуры с высоты предельных ценностей человеческого бытия. Обосновывается вывод о том, что социокультурные детерминанты являются необходимым основанием обретения человеком творческой свободы в качестве субъекта деятельности. В качестве иллюстративного материала использованы материалы многолетних исследований самопонимания молодёжью своей этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: субъект, деятельность, культура, нормы и ценности, свобода и ответственность, интериоризация культурных форм, нормальность, производство идеалов.

Введение

Концепт «субъект» является одной из вершин в развитии отечественной психологии личности. Сформировавшись в трудах С.Л. Рубинштейна, связывающего субъектность человека со степенью его включённости и мерой освоения различных форм и видов деятельности (Рубинштейн, 1976), в современной психологии данный концепт становится стержневым понятием субъектного подхода, развиваемого Л.И. Анцыферовой, А.В. Брушлинским, В.В. Знаковым, В.А. Петровским, К.А. Абульхановой, Е.А. Сергиенко, З.П. Рябикиной, и многими другими учёными (Знаков, Рябикина, 2017; Тучина, 2014). Данное понятие концептуализируется в контексте деятельностного подхода и замыкает восходящую триаду индивид — личность — субъект. А.В. Брушлинский определяет субъекта как деятеля, человека,

достигший высшего уровня деятельности, общения, автономности, целостности; уровня, на котором он становится творцом собственной истории и вершителем своего жизненного пути, «дела делателем» (Брушлинский, 2003). Обобщая положения исследований своих коллег, З.И. Рябикина отмечает, что субъектность — это целостная характеристика личностной активности, направленной на овладение и преобразование себя и мира с целью достижения, и утверждения собственной идентичности (Рябикина З.П., 2005). Подобным образом субъект концептуализируется и в западной психологии, в теориях личности, построенных в русле психоаналитической и гуманистической парадигмы (Bugental, Kleiner, 2003; Martin, 2004; Campbell, Christopher, Bickhard, 2004; Sugarman, Martin, 2011). В данном понятии выражается иницирующее начало человека, его способность взаимодействовать с миром и обществом, быть устроителем собственной жизни, преодолевать личностные деформации (Анцыферова Л.И., 2000). Соответственно субъект — это деятель, творец и данное понятие выражает степень личностной зрелости человека, его способность к самоактуализации и освоению пространства своего жизненного мира, конституирующим свойством которого является произвольная целесообразность деятеля (Михайлов, 2002). И здесь важно учесть, что «субъект» — это двусложное слово, в котором вторая его часть представляет «активность, действие», а первая указывает на то, что лежит «под», как на источник, первопричину подобной активности. Субъект в качестве носителя активности сам делает свой выбор относительно направленности и объектов своей деятельности; стремится к реализации собственных замыслов и жизненных проектов. В данном контексте субъектное начало человека предстает его онтологическим подлежащим, которое творчески, т.е. непредумышленно, утверждает в сфере сущего бытийные возможности своих сущностных предикатов (Резвых, 1996). Тем самым феномен субъектности связан прежде всего с тем фактом, что активность идет непосредственно от человека, а не из внешних детерминант, не под давлением сложившихся обстоятельств. Однако эта активность неотделима от жизненных обстоятельств и неразрывно связана с сущностными идентификационными чертами личности, надындивидуальными по своей природе. Подобная двойственность в понятии «субъект», указывающем, с одной стороны, на целостность человека, а с другой стороны, на источник подобной целостности, как особой субъект-предикативной структуры, раскрывает перед нами проблему диалектической взаимосвязи человека, с одной стороны, как имеющейся в наличии данности, неотъемлемой от реалий и закономерностей объективного мира и, с другой стороны, как существа, способного выйти за пределы наличной данности, и деятельно обустроить свой мир. В контексте этой проблемы нами поставлена задача проанализировать соотношение в культуре социального кода, детерминирующего формирование «второй природы» человека и, вместе с тем, основания, позволяющего ему обрести личностную свободу субъекта-творца.

Культура: репрессия норм, драматургия социальных ролей и пространство свободы субъекта — «дела делателя»

Надындивидуальный характер сущностных предикатов личности предполагает, что формирование субъектности происходит в пространстве тех культурных форм, которые определяют жизненный мир человека и его субъективное «Я». Подобная культурная фундированность человека несёт в себе роковую антиномич-

ность. Ведь то, что является для человека необходимым условием самоутверждения и даёт возможность себя осуществить, в то же время неизбежно подчиняет его волю, поскольку определяет путь любым, самым несоизмеримым его стремлениям и даже в случае восстания против неё она великодушно предоставляет ряд вполне проверенных и усовершенствованных способов мятежа и отрицания (Бахтин, 2008). Поэтому ряд мыслителей в культурной обусловленности «второй природы» человека видят прежде всего унифицирующее индивида «власть-знание» (М. Фуко), информационно-манипулятивную стратегию и технологию управления человеком посредством обмана, соблазна, манипуляции его сознанием (Филер, 2012). Культура, представляющая собой систему норм, стандартов, образцов и стереотипов, программирует человека, подвергает систематическому насилию творческое саморазвитие субъекта (Резник, 2009).

Таким образом, проблема субъектности человека связана с поиском оснований свободного в своём произвольном целеполагании действия в контексте социокультурных детерминант его жизненного мира. Причём, как подчёркивают упомянутые ранее критики, на уровне субъекта подобные детерминанты выступают не столько как фактор внешнего принуждения, сколько как внутренний характер. Ведь изначально внешние для человека социокультурные регуляторы в процессе интериоризации становятся неотъемлемыми чертами психической организации личности, основой мотивации социализированного индивида (Леонтьев, 1996). Тем самым навязанная человеку власть культуры укореняется в самой сердцевине субъектного «Я», и уже собственная культурность человека заставляет его следовать соответствующим нормам и стремиться к соответствующим ценностям, формируя тем самым казуальную силу собственных мотивов человека. Соответственно естественный детерминизм социокультурной традиции определяется формированием подобной самоочевидности структур сознания и самосознания человека. Особенности подобного детерминизма иллюстрирует ответ одной респондентки проводимого нами исследования «Диалог культур в контексте самопонимания национальной идентичности (на примере студентов вузов Северо-Западного Кавказа)» (поддержано грантом Фонда подготовки кадрового резерва «Государственный клуб» № 036). На вопрос: «Что для Вас значит быть представителем Вашей национальности?», студентка Адыгейского госуниверситета ответила: «У меня свой менталитет, свой образ мышления, своя точка зрения на особые вещи, и все это благодаря тому, что я черкешенка» (Аполлонов, Карнаушенко, Тучина, 2009).

Основания подобного детерминизма складываются в процессе освоения человеком социальных ролей, структурирующих его повседневную деятельность и представляющую особую драматургию общественного поведения человека. При этом субъектность человека определяется его квалификацией в их исполнении. Роль при этом перестаёт быть просто ролью. Она определяет личностные черты и саму суть своего исполнителя в тех или иных жизненных практиках: «субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; но в них создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть... работая над объектом, субъект определяет не только его, но и себя» (Рубинштейн, 1997).

Вместе с тем подобная социальная драматургия предполагает онтологическое несовпадение субъекта и совокупности исполняемых им ролей: «хотя социальный мир построен на ролях, за которыми стоят люди, которые имеют более ши-

рокую сферу бытия, чем позволяет любая из текущих ролей» (Гофман, 2003). Но такой зазор между ролью и её исполнителем автор теории фреймов связывает лишь со способностью последнего на время выходить из своей роли: принять удобное положение, покашлять, отвлечься на телефонный звонок и т.п. Такие выпадения призваны подчеркнуть, что человек в социальном взаимодействии представляет не себя, а историю того героя, которым ему довелось стать (Гофман, 2003). То есть субъектное «Я» человека рассматривается автором теории фреймов лишь в качестве убежища от тех ролей, которые определяют его личностное содержание. Тем самым субъектное состояние человека, его «быть собой» связывается прежде всего с его эгоистическими мотивами, понижающими уровень социальной ответственности.

Однако то субъектное «Я», с которым я отождествляю себя как «дела делателя», реализующего свою спонтанную целесообразность, связано прежде всего не с потаканием собственным слабостям, а, напротив, с желанием их преодолеть и выполнить социальные роли, связанные со своей предикативной сущностью, с предельной ответственностью. Соответственно обретение субъектной позиции, выводящей человека за пределы детерминант его повседневной жизни, связано с осознанием ответственности за собственный жизненный мир. И такое осознание определяет человека как субъекта в его свободе, поскольку «границы свободы и ответственности совпадают, как две стороны одного листа бумаги. Эта единая граница свободы/ответственности определяет границы личности как свободного/ответственного (вменяемого) субъекта» (Тульчинский, 2007). И наоборот, бегство от ответственности понижает уровень субъектности, растворяет его свободу и самобытность в формах массового сознания и детерминантах массовой культуры. Поэтому свободное действие субъекта в отличие от субъективного произвола, потакающего собственным капризам, подчинено внутреннему закону деятельного присутствия человека в мире, и поэтому является «не рефлексорным, а рефлексивным и ответственным» (Зинченко, 2001). И «Я» как субъект своих сущностных предикатов обретается в чувстве ответственности, но ответственности не исполнителя внеличных замыслов, образцов и моделей, а со-творца того мира, в котором он действует, стремится сделать лучше и за который он отвечает как за свой мир.

Такая ответственность тоже выталкивает человека из повседневной драматургии социальных ролей, но не в сторону потакания собственным слабостям, а в область человеческих достоинств и добродетелей, которые имманентны ценностно-смысловому содержанию предикатов, определяющим сущность человека. И вопрос о формировании субъектных структур человека связан с проблемой освоения этого содержания, порождения ценностного ядра личностных значимостей тех культурных форм, которые определяют его «вторую природу».

Из сказанного видно, что субъектность человека не противостоит, а, напротив, представляет необходимое условие исполнения своих предикативных ролей. Ведь даже в обозначенном нами ранее репрессивном рассмотрении культуры нельзя не отметить, что именно «культурное насилие» принятых норм, образцов и стандартов порождает субъектную свободу человека как творца. Так, свобода игры на музыкальном инструменте рождается через репрессию сольфеджио и гамм; свобода спортсмена или танцора — через предельную жестокость каждодневных тренировок; свобода мыслить... Впрочем, назвать репрессией освоение

многообразия идей от классических авторов до современных властителей дум кощунственно. Более того, субъектное освоение культурных ограничений является необходимым условием (даже логически необходимым!) того, чтобы эти границы преодолеть. Нигилистическое отрицание культурных норм, образцов и запретов не освобождает человека, а низводит его до состояния докультурной дикости. Программирует и подавляет культура не творца (а сотворчеством является любая осмысленная деятельность), а потребителя: от античного «хлеба и зрелищ» до современного «пиппл хаваает».

Поэтому «Я» как субъект своего бытия выталкивает себя из наличных форм собственной самости, постулируемой привычностью базовых для человека социокультурных кодов и алгоритмов, не в акультурное нигилистическое ничто, а, напротив, в метафизический горизонт культурных ценностей, в котором и происходит рефлексивная, оценочная и проективная деятельность самосознания. В данном контексте следует различать два уровня культуры: первый, профанный, как совокупность норм и алгоритмов, которые осуществляют «социальное кодирование» человека, формируют его культурные привычки и стереотипы, в целом определяют его жизненный мир; и второй, сакральный, связанный с утверждением высших духовных ценностей человеческого существования. Причём данные уровни сущностно связаны между собой и образуют определённую вертикаль, в пределах которой происходят взаимонаправленные процессы, с одной стороны, утверждения, а с другой — оправдания культурных форм, порождающих «вторую природу» человека: и его предикативную сущность, и его субъектное сущее. Основанием субъектных структур личности является погруженность индивида в изначально внеположенные ему социокультурные формы жизненного мира, который М. К. Мамардашвили рассматривает как особую физику, образованную фактическим сцеплением мыслей и поступков человеческого сообщества (Мамардашвили, 1996). И формирование субъектных структур определяется детерминантами таких сцеплений, культурой как социальным кодом, системой запретов, норм и образцов, фундирующих драматургию его социальных ролей. Однако деятельное участие в этой драматургии, воспроизводящей социокультурный мир, выводит человека за пределы фактуальной данности этой драматургии, раскрывая перед ним культурное пространство высших ценностей человеческой жизни, что порождает особую метафизику человеческого бытия, которая и определяет его субъектную позицию, позволяет быть со-автором в такой драматургии.

Но здесь важна и обратная связь: трансцендентный мир высших ценностей неразрывно связан с реальной жизненной практикой людей, вне которой он превращается в пустую абстракцию. Поэтому трансцендирование, выталкивающее субъекта за пределы повседневной жизни в мир человекообразующих ценностей, не разрывает, а, напротив, сгущает онтологическую связь между этими мирами. Можно сказать, что субъектность человека как деятеля, сотворца своего жизненного мира находится на пересечении данных миров, наполняет повседневную реальность личностно значимыми смыслами, с одной стороны, и конкретизирует, реализует идеалы мира высших человеческих ценностей, с другой стороны. Вне подобного сопряжения первый из них превращается в антигуманную систему принуждений и детерминант, а второй расточествляется в бесплотные и безжизненные абстрактности.

Проблема интериоризации ценностных оснований культуры

Поэтому субъектное освоение социальных ролей, связанных с предикативной сущностью человека, формируемое в процессе интериоризации внеположенных ему культурных форм, нельзя сводить лишь к загрузке в психику человека, его сознание и бессознательное, норм и образцов, запретов и привычек, кодированию и программированию его в качестве социального актора. «Субъектным содержанием интериоризированные нормы и образцы культуры становятся лишь тогда, когда обретают очевидную для человека ценность, если они являются также и личными, а не надличностными или внеличностными» (Брушлинский, 2003). Подобная интериоризация форм культуры предполагает не только определённую социокультурных норм и образцов, но также и символически связанное с ними бесконечное ценностное содержание, которое «прорастает» в нас, часто без адреса, помимо нашего желания и воли, формируя «символическое “тело”» человека, в его духовный организм, в феноменальное “тело” его желаний, мотивов, ценностей, сознания» (Зинченко, 2001). Поэтому формирование ценностного ядра субъекта тоже происходит посредством освоения социальных ролей, включающих индивида в соответствующие виды деятельности, поскольку всякая роль, фундированная нормами и образцами культуры, несёт в себе ценностную перспективу, имманентную высшим смыслам сущностных предикатов человека, с высоты которых происходит оправдание наличных форм культуры. Такая ценностная перспектива обладает различной степенью интенсивности и до конца не артикулируема, поскольку выходит в апофатическую открытость предельных смыслов мира идеального. Поэтому её интериоризация предполагает «личностное до-определение», активную субъектную позицию, конкретизирующую ценности культуры, определяющие их значимость в контексте формирования собственных личностных проектов. В данном контексте ценность, в отличие от нормы и образца, не принуждает, а побуждает к деятельности (Петровский, 2010).

Соответственно интериоризация внешних, внеличностных форм культуры неразрывно связана с формированием собственных субъектных структур, порождающих встречный процесс экстериоризации субъективных мотивов и проекций. Поэтому интериоризация ценностей возможна лишь после объективации открытий, сделанных в самом себе, овладения ими, а следовательно, и самим собой (Зинченко, 2001). На пересечении данных процессов и рождается субъектное «Я», ценностно-смысловое содержание которого формируется сознаниями, порождаемыми опосредованным переживанием человека от взаимодействия с внеличностными смыслами культурных явлений (Зинченко, 2011). К примеру, заповедь «Возлюби ближнего своего!» может приниматься или отвергаться, однако в обоих случаях требуется личностный опыт напряженного осмысления сути любви и сути человека как объекта такой любви, которые и есть со-значение этой заповеди.

«Нормальность» как ценностно-смысловое основание субъектности человека

Таким образом, субъект формируется на пересечении субъективного и объективного миров, где встречаются процессы интериоризации форм культуры и экстериоризации внутриличностных проектов. Эта граница представляет собой то пространство, в котором общественные представления о должном и образцовом

опосредуются повседневной практикой индивида. Тем самым происходит личностное освоение социокультурных норм и формирование ценностно-смыслового уровня «нормальность», посредством которого происходит субъективное включение человека в объективную данность социокультурных форм его жизненного мира.

Нормальность не тождественна субъективным представлениям человека об обыденности, поскольку предполагает первичную оценку таких представлений. Ведь те или иные стороны обыденности, а в случае революционно настроенного сознания её фундаментальные основания могут рассматриваться человеком как ненормальность, противоречащая ценностям и идеалам человеческого мироустройства. При этом нормальность не может быть редуцирована к социальным образцам, поскольку их значимость проверяется в контексте жизненной практики человека. И личностный горизонт нормальности формируется в преломлении такого взаимооценивания представлений о норме и образце (тем, как должно быть) и повседневной жизни (тем, что есть в наличии).

Подобное взаимооценивание представляет собой диалог, направленный на осмысление сферы культурных норм и образцов, с одной стороны, и жизненной действительности, с другой стороны. Вхождение в такой диалог выталкивает человека из самопонятности жизненных обстоятельств, повседневных практик и связанных с ними социальных ролей как той объективной данности, в которой он пребывает, в горизонт тех ценностных оснований, которые определяют истинность этой реальности. Причём в пространстве этого горизонта, в свою очередь, теряют свою субъективную привычность общепринятые критерии оценок. Их освоение требует от человека прояснения оснований ценностных ориентиров, их конкретизации и до-определения. Такое освоение предполагает процедуры понимания и самопонимания, где детерминанты социокультурных форм предстают смысловыми доминантами, по отношению к которым человек занимает собственную субъектную позицию, определяемую личностной значимостью внеличностной культурной ценности в контексте жизненной практики.

Такая позиция прослеживается в ответе одного из наших респондентов, рассуждающего о значимости этнокультурной идентичности: «Но хотя я сам в себе зачастую не являюсь хранителем многих ценностей [своего народа], я всегда гордился тем, что я адыг, что я живу и дышу на адыгейской земле. Я хочу возносить свою нацию и умножать ее значимость в современном обществе, вызывать доверие к ней и желание взаимного сотрудничества» (Аполлонов И. А., Карнаушенко Л. В., Тучина, 2009). Респондент утверждает, с одной стороны, сущностную, генетическую и витальную связь со своим народом, высокую личностную значимость такой связи, выраженную в чувстве гордости, но с другой — он осознаёт собственное отклонение от этнокультурной образцовости и традиционных ценностей. Во всяком случае детерминанты этнокультурной традиции респондент ставит под сомнение, хотя такие ценности и сохраняют в его глазах особую значимость. Вместе с тем данный ответ демонстрирует выраженную субъектную позицию респондента, его стремление служить своему народу. И именно позиция субъекта этнокультурной традиции, ответственность за свой народ в конкретных реалиях современного мира ведёт к осознанной корректировке традиционных норм и образцов. А такая корректировка неразрывно связана с поиском и утверж-

дением культуuroобразующих оснований традиции, предельных ценностей человеческого бытия, определяющих метафизическую правду человеческой жизни.

Таким образом, своё субъектное основание человек обретает посредством актов ценностного самоопределения в котором сопрягаются формы культуры и реальная жизненная практика, в которую он вовлечён. Поэтому культура, определяющая «вторую природу» человека, не сводится лишь к детерминантам, транслирующим социально значимые нормы и образцы в человеческое сознание. Освоение культурных форм прежде всего вовлекает человека в саму практику производства и утверждения идеалов, посредством которой он утверждает себя, свой жизненный мир, за который несёт личностную ответственность.

Библиографический список

- Анцыферова, Л. И. (2000). Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода. В А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Н. Дружинина (ред.) *Проблема субъекта в психологической науке* (с. 27–42). М.: Академический проспект.
- Аполлонов, И. А., Карнаушенко, Л. В., Тучина, О. Р. (2009). *Этнокультурные нормы и ценности в формировании самопонимания молодежи (на примере русских и адыгских студентов кубанских вузов)*. Краснодар: Изд-во КрУ МВД РФ.
- Бахтин, М. Н. (2008). *Философия как живой опыт. Избранные статьи*. Москва: Лабиринт.
- Брушлинский, А. В. (2003). *Психология субъекта*. Москва: Институт психологии РАН.
- Гофман, И. (2003). *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*. Москва: Институт социологии РАН.
- Знаков, В. В., Рябикина, З. И. (2017) *Психология человеческого бытия*. Москва: Смысл.
- Зинченко, В. П. (2001). Психологическая теория деятельности. *Вопросы философии*, 2, 81–83.
- Леонтьев, Д. А. (1996). Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции. *Вопросы философии*, 4, 15–26.
- Мамардашвили, М. К. (1996). *Необходимость себя*. Москва: Лабиринт.
- Михайлов, Ф. Т. (2002). Проблема «subject-Object» или поиск субъектом своих предикатов. В *Субъект. Познание. Деятельность* (с. 377–398). Москва: Канон+ ОИ «Реабилитация».
- Петровский, В. А. (2010). *Человек над ситуацией*. Москва: Смысл.
- Резвых, П. В. (1996). Бытие, сущность и существование в поздней онтологии Г. В. Й. Шеллинга (к шеллинговской постановке проблемы творения). *Вопросы философии*, 1, 110–123.
- Резник, Ю. М. (2009). Человек за границами культуры и социальности: трансперсональность как предмет социальной теории (метафизические основания). *Вопросы социальной теории*, 1 (3), 17–195.
- Рубинштейн, Л. С. (1997). *Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии*. Москва: Наука.
- Рубинштейн, С. Л. (1976). *Проблемы общей психологии*. Москва: Просвещение.
- Рябикина, З. И. (2005). Личность как субъект бытия и со-бытия: психологический аспект анализа. В *Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологические основания анализа* (с. 5–21). Краснодар: КубГУ.
- Тулчинский, Г. Л. (2007). Свобода — эпифеномен культуры? <http://hpsy.ru/public/x2919.htm>
- Тучина, О. Р. (2013). *Самопонимание личностью своей этнокультурной идентичности: субъектно-бытийный подход*. Краснодар: КубГУ.
- Филер, А. Я. (2012). Науки о культуре после постмодерна. Постфутурология. *Обсерватория культуры*, 2, 4–11.

- Bugental, J. F. T., Kleiner, R. (1993). Existential Psychotherapies. In G. Stricker, L. Gold (Eds.) *Comprehensive Handbook of Psychotherapy Intergration*. New York: Plenum Press.
- Campbell, R. L., Christopher, J. C., & Bickhard, M. H. (2002). Self and values: An interactivist foundation for moral development. *Theory & Psychology*, 12, 795–823.
- Martin, J. (2004). Self-Regulated Learning, Social Cognitive Theory, and Agency. *Educational Psychologist*, 39 (2), 135–145.
- Sugarman J., Martin, J. (2011). Theorizing Relational Agency: Reactions to Comments. *Journal of Constructivist Psychology*, 24 (4), 321–323.

Статья поступила в редакцию 30.06.2018

Статья принята к публикации 23.08.2018

Для цитирования: Аполлонов И. А., Берберян А. С. Проблема субъектности человека в пространстве социокультурных детерминант. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 3. С. 47–57.

THE PROBLEM OF PERSONAL AGENCY WITHIN THE SPACE OF SOCIO-CULTURAL DOMINANTS

I. A. Apollonov, A. S. Berberyan

Ivan A. Apollonov, Kuban State Technological University, Moskovskaya St., 2, Krasnodar, 350072, Russia

E-mail: oblago@yandex.ru · <https://orcid.org/0000-0002-1926-8213>

Asya S. Berberyan, Russian-Armenian (Slavonic) University, Ovsepa Emina St., 123, Yerevan, 0051, Armenia

E-mail: aspsy@inbox.ru · <https://orcid.org/0000-0003-0321-0161>

Abstract. The paper deals with the issues related to socio-cultural foundations of human subject structures formation. The aim of the paper is to analyze the dialectical relationship between the determinants of social culture that determine Man's "second nature" and attainment of freedom – a constituent characteristic of actor. The methodology of the research is based on the activity approach that regards Man as actor who masters and transforms himself and his world through rational and significant personal activity. Culture is regarded as a social code that determines essential predicates of an individual and shapes the axiological level of his consciousness and self-consciousness. The paper features the interrelation between the norms and the patterns that act as socio-cultural determinants of human subjectivity formation and serve as value-based level of culture that helps Man generate ideals. Within this activity, a specific set of personal values – those that make up the basis of life and determine integral, not imposed, responsibility as an inherent and basic characteristic of personality freedom, is shaped. Interiorization analysis of social culture forms allows to reveal the level of "normalcy" in the area of personal cultural meaning and personal meaning formed against the background of mutual evaluation of socio-cultural patterns and Man's everyday life. As a result, it becomes possible to obtain actor's own attitude which determines Individual's attitude to norms and patterns and cultural attractors from the peak of ultimate values of Man's being. The author of the research substantiates the conclusion that socio-cultural determinants are necessary grounds for Man as actor to acquire freedom of constructive endeavor. The research contains materials of long-standing that illustrate how young people self-comprehend their ethno-cultural identity.

Keywords: subject, activity, culture, norms and values, freedom and responsibility, interiorization of cultural forms, normality, the production of ideals

DOI: 10.31429/26190567-19-3-47-57

References

- Antsyferova, L. I. (2000). Psikhologicheskoe soderzhanije fenomena sub''ekt i granitsy sub''ekt-no-dejatel'nostnogo podkhoda. [Psychological Content of the Phenomenon "Subject" and the Boundaries of the Subject-activity Approach]. In A. V. Brushlinskij, M. I. Volovikova, V. N. Druzhinina (Eds.) *Problema subekta v psihologicheskoy nauke* [The Problem of "subject" in Psychology] (27–42). M.: Akademicheskij prospekt.
- Apollonov, I. A., Karnaushenko, L. V., & Tuchina, O. R. (2009). *Jetnokul'turnyje normy i tsennosti v formirovanii samoponimaniya molodezhi (na primere russkikh i adygskikh studentov kubanskikh vuzov)* [Ethno-cultural Norms and Values in Shaping Young People's Self-comprehension (as Exemplified in Russian and Adyghe Students Experience in Kuban Universities)]. Krasnodar: Izd-vo KrU MVD RF.
- Bahtin, M. N. (2008). *Filosofija kak zhivoj opyt. Izbrannye stat'i* [Philosophy as a Living Experience. Selected Papers]. Moskva: Labirint.
- Brushlinskij, A. V. (2003). *Psikhologija sub''ekta* [Psychology of the Subject]. Moskva: Institut psihologii RAN.
- Bugental, J. F. T., & Kleiner, R. (1993). Existential Psychotherapies. In G. Stricker, L. Gold (Eds.) *Comprehensive Handbook of Psychotherapy Intergration*. New York: Plenum Press.
- Campbell, R. L., Christopher, J. C., & Bickhard, M. H. (2002). Self and values: An interactionist foundation for moral development. *Theory & Psychology*, 12, 795–823.
- Filer, A. Ja. (2012). Nauki o kul'ture posle postmoderna. Postfutuologija [Sciences of Culture after Postmodern. Post-Futurology]. *Observatorija kul'tury* [Culture Observations], 2, 4–11.
- Gofman, I. (2003). *Analiz frejmov: jesse ob organizacii povsednevnogo opyta* [Frame Analysis: an Essay on the Organization of Experience]. Moskva: Institut sociologii RAN.
- Leont'ev, D. A. (1996). Cennost' kak mezhdisciplinarnoe ponjatije: opyt mnogomernoj rekonstrukcii [Value as an Interdisciplinary Concept: Experience of Multi-dimensional Reconstruction]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 4, 15–26.
- Mamardashvili, M. K. (1996). *Neobhodimost' sebja* [Necessity of Self]. Moskva: Labirint.
- Martin, J. (2004). Self-Regulated Learning, Social Cognitive Theory, and Agency. *Educational Psychologist*, 39 (2), 135–145.
- Mikhajlov, F. T. (2002). Problema "subject-Object" ili poisk sub''ektom svoikh predikatov [The Subject-Object Problem, or the Subject in Search of Predicates]. In *Sub''ekt. Poznanie. Dejatel'nost'* [Subject. Cognition. Activity] (pp. 377–398). Moskva: Kanon+ OI "Reabilitacija".
- Petrovskij, V. A. (2010). *Chelovek nad situatsiej* [Man above the Situation]. Moskva: Smysl.
- Reznik, Ju. M. (2009). Chelovek za granicami kul'tury i social'nosti: transpersonal'nost' kak predmet social'noj teorii (metafizicheskie osnovaniya). [Man Beyond the Boundaries of Culture and Sociality: Transpersonality as Object of Social Theory (Metaphysical Grounds Basis)]. *Voprosy social'noj teorii* [Questions of Social Theory], 1 (3), 179–195.
- Rezvykh, P. V. (1996). Bytie, sushhnost' i sushhestvovanie v pozdnej ontologii G. V. J. Shellinga (k shellingovskoj postanovke problemy tvorenija). [Social Being, Essence and Human Existence in G. V. Y. Shelling's Late Ontology (About Shelling's Posing the Problem of Creation)]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1, 110–123.
- Rjabikina, Z. I. (2005). Lichnost' kak sub''ekt bytija i so-bytija: psikhologicheskij aspekt analiza [Personality as Object of Existence and Co-existence: Psychological Aspect of Analysis]. In *Lichnost' i bytie: sub''ektnyj podkhod. Lichnost' kak sub''ekt bytija: teoretiko-metodologicheskiye osnovaniya analiza* [Individual as Object of Existence: Theoretical and Methodological Foundations of Analysis] (5–21). Krasnodar: KubGU.
- Rubinshtejn, L. S. (1997). *Izbrannye filosofsko-psikhologicheskiye trudy. Osnovy ontologii, logiki i psikhologii* [Selected Philosophical and Psychological Papers. Fundamentals of Ontology, Logics and Psychology]. Moskva: Nauka.

- Rubinshtejn, S. L. (1976). *Problemy obshhej psihologii* [Issues of General psychology]. Moskva: Prosveshchenije.
- Sugarman, J., & Martin, J. (2011). Theorizing Relational Agency: Reactions to Comments. *Journal of Constructivist Psychology*, 24 (4), 321–323.
- Tuchina, O. R. (2013). *Samoponimaniye lichnost'ju svoej jetnokul'turnoj identichnosti: sub'ektno-bytiynyj podkhod* [Actor's identity: Self-comprehension of Ethnic and Cultural Identity (Subjective and Existential Approach)]. Krasnodar: KubGU.
- Tul'chinskij, G. L. (2007). *Svoboda — jepifenomen kul'tury?* [Is Freedom an Epiphenomenon of Culture?]. Retrieved from: <http://hpsy.ru/public/x2919.htm>
- Zinchenko, V. P. (2001). *Psikhologicheskaja teorija dejatel'nosti*. [Psychological Theory of Activity]. *Voprosy filosofiji* [Questions of Philosophy], 2, 81–83.
- Znakov, V. V., Rjabikina Z. I. (2017) *Psihologija chelovecheskogo bytija* [Psychology of Human Existence]. Moskva: Smysl.

Received 30.06.2018. Accepted 23.08.2018

For citation: Apollonov I. A., Berberyan A. S. The problem of personal agency within the space of socio-cultural dominants. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 3. Pp. 47-57.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

САМООЦЕНКА И БАЗИСНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ: СОДЕРЖАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ И ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. Ю. Фоменко, А. А. Фролов

Фоменко Галина Юрьевна, Кубанский государственный университет,
ул. Ставропольская, 149, 350040, Краснодар, Россия.
E-mail: fomgal27@mail.ru

Фролов Алексей Анатольевич, Краснодарский университет МВД России,
ул. Ярославская, 128, 350005, Краснодар, Россия.
E-mail: ajeduk@mail.ru · <https://orcid.org/0000-0001-7603-2621>

Аннотация. Современные психологические исследования в области обеспечения безопасности личности и сфере правопорядка сосредоточены на формировании эталонных качеств действующих сотрудников. В связи с чем, обновляется диагностический инструментарий, совершенствуются формы и методы работы, устанавливаются новые психологические закономерности. В данном научном поле особый научный интерес представляет проблема диагностики и описания самооценки и базисных убеждений личности сотрудника правоохранительных органов. Сформулировано предположение о существовании взаимосвязи базисных убеждений личности и определяющей роли самооценки. Диагностика самооценки осуществлялась с помощью методики С.А. Будасси, а базисные убеждения — с помощью методики Р. Янофф-Булман в модификации методики М.А. Падун и А.В. Котельниковой. Выборка составила 400 сотрудников правоохранительных органов (представители большинства подразделений и служб органов внутренних дел, курсанты и слушатели основных специальностей Краснодарского университета МВД России — мужчины и женщины в возрасте от 18 до 48 лет, с разным стажем трудовой деятельности в МВД). По результатам диагностики выделено пять групп сотрудников с разным уровнем самооценки и проведено ее сопоставление с базисными убеждениями. В результате математической обработки с использованием программного обеспечения IBM® SPSS® Statistics 22 была подтверждена гипотеза о существовании взаимосвязи самооценки и базисных убеждений личности. Доказано, что наиболее контрастные отличия базисных убеждений существуют между сотрудниками с неадекватно завышенным и заниженным уровнями самооценки: сотрудники с неадекватно заниженным уровнем самооценки с недоверием относятся к окружающему миру и считают его небезопасным и враждебным, а сотрудники с неадекватно завышенным уровнем самооценки больше остальных считают окружающий мир доброжелательным, в первую очередь благодаря тому, что они сами участвуют в обеспечении своей безопасности. Сотрудники с высоким уровнем самооценки считают окружающий мир доброжелательным, но степень доверия у них устанавливается в зависимости от собственного ощущения безопасности окружающих условий. Средний уровень самооценки сотрудников определяет их доброжелательность к окружающему миру и степень успешности собственных действий и усилий. Сотрудники с низким уровнем самооценки считают, что окружающий мир доброжелателен пропорционально решениям управленческой элиты общества.

Ключевые слова: самооценка, базисные убеждения, личность, справедливость, удача, позитивное мировосприятие, доброжелательность мира, локус контроля.

*«Любой рассуждающий логически человек
должен видеть вещи такими, какие они есть,
а недооценивать себя — ровно так же далеко от истины,
как и преувеличивать свои возможности»*

(Артур Конан Дойл, 1993)

Актуальность работы

Прикладное значение психологии в XXI в. имеет огромное значение как для развития самой науки, так и для различных областей ее применения. Имея непосредственное отношение к духовной сфере жизни общества, психология в настоящее время тесно включена и во все остальные: социальную, политическую и экономическую (Coon, Mitterer, 2010).

Однако применение психологических знаний в повседневной и профессиональной жизни человека в современном мире не лишено трудностей и стереотипов. Наиболее распространенной проблемой является приписывание психологам сверхъестественных и мифических способностей. Так, по мнению одного из наиболее влиятельных психоаналитиков XX в., основателя Британского Психоаналитического общества Э. Гловера, из многих мифов, выросших вокруг психологов, которых широкая публика считает чем-то вроде современных шаманов и знахарей, два особенно живучи. Считается, будто психолог может читать мысли даже тех людей, с кем он вступает в кратковременный контакт; кроме того, психологов принято считать проницательными судьями человеческих характеров (Гловер, 1999; Фоменко, 2004).

Проблема исключительных способностей специалиста-психолога является лишь начальным звеном в существующей цепочке трудностей и противоречий. Ее дополняют проблемы интеграции исследовательской и практической психологии, трудности поиска универсального диагностического инструментария, противоречия соотношения количественно-качественного и причинно-целевого подходов к исследованию личности, особенности субъектных отношений психолога и клиента, сложности соотношения экспертно-исследовательской деятельности психолога и административной деятельности кадрового аппарата или руководителя подразделения и многие другие.

Однако психология осваивает новые реалии изменяющегося мира, а точнее изменяющегося человека в трансформирующемся мире, в новой социокультурной реальности (Hofstede, Hofstede, Minkov, 2010, Leeuwenberg, van der Helm, 2013). К другим ключевым направлениям современных исследований относятся (Знаков, 2016):

- поиски междисциплинарного контекста — обусловлены необходимостью взглянуть на каждую проблему с разных точек зрения, задающих неодинаковость ее возможных интерпретаций;

- фокусирование исследовательского внимания на анализе психологических процессов, имеющих приставку «мета» (метасознание, метапонимание, метарефлексия) — обнаруживает направленность не столько на выявление когнитивной природы знаний, сколько на раскрытие экзистенциально-герменевтических оснований действий с знаниями, воплощенных в плохо осознаваемых навыках и умениях понимающего мир субъекта;

– современное переосмысление деятельностных оснований формирования психики — характеризуется сосредоточенностью не только на анализе внутреннего мира человека, но на изучение обстоятельств, способствующих порождению его субъектных качеств;

– осознание и научное обоснование нового самосозидательного, самопорождающего этапа развития психологии субъекта — представлено смещением фокуса внимания ученых с определения Я, как совокупности личностных качеств, на такие способы конструирования Я, в которых разные его интерпретации становятся конкретными методами формирования субъектности;

– изменения средств социальных и межличностных отношений людей в социокультурной реальности — основано на трансформации положения личности в группах и организациях общества, обусловленной изменениями самих групп и организаций.

Это далеко не полный список перспективных направлений, который фиксирует особый психологический феномен современного мира — в данных конкретно-исторических условиях у человека подрывается чувство безопасности по новым и очень разнообразным основаниям, которые не были характерны для предыдущих периодов развития нашей цивилизации, среди наиболее актуальных и перспективных направлений лидирующее место, безусловно, занимает область безопасности личности (Kessel, Kratzer, Schultz, 2012, Фоменко, 2004).

В связи с чем, в качестве перспективных направлений нами была выбрана область исследования безопасности личности сотрудников правоохранительной сферы и поставлена задача рассмотреть ранее не освещавшиеся категории в этой области: самооценка и базисные убеждения личности сотрудников органов внутренних дел.

Психологические исследования в области правоохранительных органов всегда заслуживали особого внимания со стороны общества и государства. Собираемый образ сотрудника правопорядка в настоящее время включает в себя как высококвалифицированные деловые качества, так и глубоко нравственные личностные особенности (Павлова, 2014). Однако сложившиеся представления являются более идеализированными и менее соответствующими реальности. И на это есть довольно веские основания.

Так, в результате реформы министерства внутренних дел Российской Федерации в 2011 г. руководством страны были предприняты определенные усилия на улучшение деятельности силовых структур. При этом, смена названия ведомства с «милиции» на «полицию» сопровождалась сокращением около 22% сотрудников от общей штатной численности. По замыслам идейных вдохновителей реформы в эту цифру должны были войти все самые нерадивые, которые еще в милиции бросили тень на честь мундира служителя закона. В новую организацию по сути перешли все квалифицированные, исполнительные и ответственные. Создание достойных условий службы сопровождалось повышением уровня материального обеспечения и закономерным увеличением степени ответственности.

Спустя пятилетие, благие цели чистки кадров и улучшение условий труда дают несколько иные результаты, отличающиеся от ожидаемых. Так, сокращение численности привело к неизбежному увеличению нагрузки и в разы увеличило объем выполняемой работы одним сотрудником. Общее количество нерадивых сотрудников было далеко от необходимой цифры и под сокращение попала кате-

гория сотрудников, уже имеющих выслугу для ухода на пенсию. Таким образом были уволены опытные специалисты, способные обучить специфике службы молодых сотрудников. Федеральным законом от 19 июля 2011 г. N247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» сотрудникам полиции с 1 января 2012 г. были установлены новые размеры оплаты труда. Частью 5 статьи 2 этого же закона было предусмотрено ежегодное увеличение (индексация) размера окладов денежного довольствия с учетом уровня инфляции (потребительских цен). Однако, с 1 января 2013 г. действие данной части статьи было приостановлено и на настоящее время первая индексация после реформы была произведена только с 1 января 2018 г. Коэффициент повышения оказался равен 4% от должностного оклада сотрудника полиции и, в среднем, составил от 1000 до 2500 руб. в зависимости от выслуги лет и занимаемой должности. С горечью приходится воспринимать это «достойное» повышение. По официальным данным суммарный уровень инфляции с января 2012 г. по февраль 2018 г. в Российской Федерации составил 54,59%. Фактически, за пять лет с учетом уровня инфляции и роста цен, размер заработной платы сотрудника полиции в настоящее время вернулся на тот же уровень, что и до его увеличения в 2012 г. Таким образом, если в населенных пунктах районного значения периферии профессия «полицейский» еще остается конкурентной, в первую очередь, благодаря отсутствию других более высокооплачиваемых сфер занятости, то в городах краевого и федерального уровня уже наблюдается достаточный кадровый голод в грамотных специалистах. В настоящее время профессия является привлекательной для посредственной части населения, а не для самой достойной, как это было в стране в 70–80-х гг. прошлого века. Но и это обстоятельство не является ключевым в идеализированном образе органов внутренних дел. По данным Института государства и права РАН, четверть всех нарушений законности в правоохранительной деятельности (преступления со стороны сотрудников полиции) в стране происходит из-за несовершенства законодательных актов, их неполнотой, неясностью, противоречивостью. Трудности в законодательной сфере дополняет проблема приказного своеволия. Служба в органах внутренних дел непосредственно связана с принципом сверхдисциплины, основанном на приказах. Последние не обсуждаются, а требуют неукоснительного исполнения. Но иногда административно-приказное своеволие подменяет закон, что влечет за собой злоупотребление должностными полномочиями, произвол власти и коррупцию. В таких условиях формируется реальная угроза изменений в мировоззрении личности, происходит подмена принципов и убеждений, образовывается разрыв между правильными действиями и предписываемыми (Карабаш, 2015). Это способствует резкому различию между идеальными представлениями и реальными качествами сотрудников правоохранительных органов.

Методология исследования

С каждым годом психологическими службами органов внутренних дел прилагаются все большие усилия, направленные на исправление существующего положения как среди действующих сотрудников, так и среди кандидатов на службу. Одной из таких актуальных областей в исследовании личностных и деловых особенностей является область самооценки как чрезвычайно важного интегра-

тивного образования, выступающего мощным регулятором поведения, обуславливающего динамику и направленность развития субъекта. Самооценка как системообразующее и интегративное ядро индивидуальности человека во многом определяет его жизненные позиции и уровень притязаний, составляет особую систему оценок (Бороздина, 1999; Mruk, 1999; Baumeister, 1989; Бернс, 2003; Rogers, 1957; и др.).

Все это находит отражение в содержании части нашего исследования самооценки и базисных убеждений сотрудников правоохранительных органов, проводимом с 2010 года (Фролов, 2016).

Самооценка представляет собой суждения индивида о значении или значимости собственных действий, личностных особенностей и поведения в целом. Выступая частью Я-концепции и самосознания, самооценка рассматривается в качестве центрального, относительно самостоятельного образования, представляющего собой ценностно-смысловую систему личности. Кроме того, самооценка выступает основополагающим базисом индивидуальности человека, который определяет как его внутренние ценности, так и общую систему представлений об окружающем мире (Бороздина, 1999; Мещеряков, Зинченко, 2009).

Базисные убеждения личности трактуются как имплицитные, глобальные, устойчивые представления индивида о мире и о себе, оказывающие влияние на мышление, эмоциональные состояния и поведение человека (Падун, Котельникова, 2008). В соответствии с концепцией Р. Янофф-Бульман, различные события, в которые вовлечены люди, интерпретируются ими с позиции безопасности окружающего мира. Это состояние базируется на соотношении доброжелательности и враждебности всего окружающего по отношению к личности, оценке справедливости происходящих событий, а также на восприятии самого себя. Различные психотравмирующие ситуации нарушают целостность восприятия существующей картины мира и искажают состояние безопасности — вносят неуверенность и дезинтеграцию, формируют тревогу и страх. Проживание травмирующей ситуации позволяет справиться с негативными проявлениями и вернуть утраченное состояние.

В связи с чем, применение нами двух методик: диагностика самооценки С.А. Будасси и диагностика базисных убеждений личности с помощью одноименной методики Р. Янофф-Бульман в модификации методики М.А. Падун и А.В. Котельниковой, — к сотрудникам органов внутренних дел было обоснованным, в виду усиленного и напряженного режима службы, большого количества экстремальных ситуаций и психотравмирующих событий, дефицита времени и повышенных психофизических нагрузок (Рябкина, Фоменко, 2010; Столярченко, 2001).

Содержание исследования

Выборка респондентов составила 400 сотрудников правоохранительных органов, в числе которых представители большинства подразделений и служб органов внутренних дел, а также курсанты и слушатели основных специальностей Краснодарского университета МВД России (юриспруденция, правоохранительная деятельность, психология служебной деятельности) — мужчины и женщины в возрасте от 18 до 48 лет, с разным стажем трудовой деятельности, проходящие службу в различных подразделениях органов внутренних дел. В качестве методик исследования использовались методика исследования самооценки С.А. Будасси и методика «Шкала базисных убеждений» Р. Янофф-Бульман в модификации

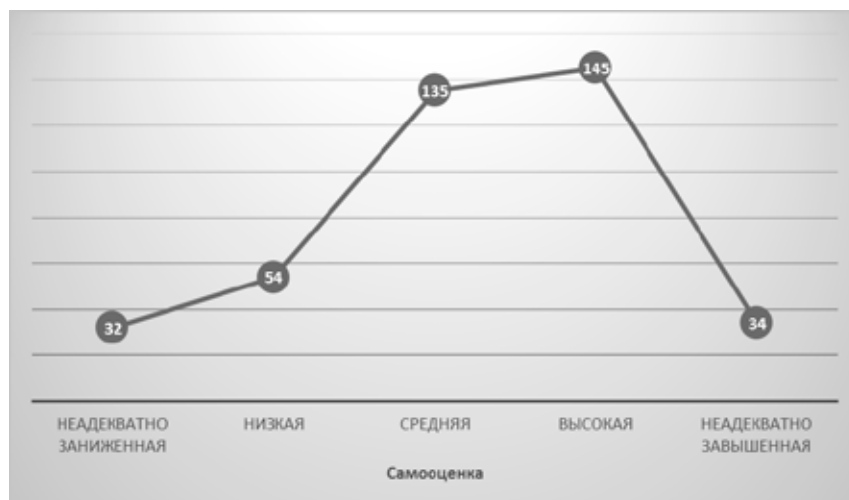

Рис 1. Расположение самооценки по группам сотрудников

Fig. 1. Self-assessment in different groups of employees.

методики М.А. Падун и А.В. Котельниковой (Никиреев, 2007; Падун, Котельникова, 2008). Методы математико-статистического анализа осуществлялась на основе применения пакета IBM® SPSS® Statistics 22 (Statistical Package for Social Science) с использованием критерия Колмогорова-Смирнова и корреляционного анализа Пирсона.

Данные исследования подлежали количественному и качественному анализу. Согласно методике С.А. Будасси критерием оценивания выступает уровень самооценки, который интегрирован характеристиками по степени оценки самого себя (низкая, средняя, высокая) и степени объективности (адекватная и неадекватная (Никиреева, 2007). В результате обработки данных методики было выделено пять групп сотрудников с разным уровнем самооценки (Рис. 1):

- с неадекватно заниженным — 32 сотрудника в возрасте от 19 до 46 лет гендерным соотношением 24 мужчины и 8 женщин;
- низким — 54 сотрудника из которых 33 мужчины и 21 женщина в возрасте от 18 до 44 лет;
- средним — 135 сотрудников в возрасте от 18 до 48 лет из которых 94 мужчины и 41 женщина;
- высоким — 145 сотрудников представленным соотношением 107 мужчин и 38 женщин в возрасте от 19 до 43 лет;
- неадекватно завышенным — 34 сотрудника возрастом от 19 до 47 лет из которых 24 мужчины и 10 женщин (Фролов, 2016).

В целом расположение результатов имеет незначительное отклонение от кривой нормального распределения в сторону высокого уровня самооценки. Именно высокий уровень самооценки отечественные и зарубежные исследователи считают наиболее оптимальным, в отличие от среднего (Бернс, 2003; Куперсмит, 1959; Зимбардо, 2006; Столяренко, 2000). Средний уровень самооценки позволяет адекватно и зрело оценивать себя, свои возможности и поведение. Однако

в определенных критических ситуациях человек со средней самооценкой менее склонен к риску и нацелен на результат, нежели с высокой. Лучше довольствоваться тем что есть, пусть это и немного, чем попробовать достигнуть чего-то большего и все потерять или зачем нужно прилагать усилия в этом деле, я могу не справиться или подведу других, — так рассуждает человек со средней самооценкой. Личность со средним уровнем самооценки старается действовать наверняка, выверено и взвешено. Она стремится свести к минимуму риск и к максимуму результат, и в большинстве случаев, проигрывает только потому, что не рассматривает лучшие варианты, сопряженные с повышенной активностью. Высокая самооценка содействует всестороннему развитию личности, заставляет человека проявлять больше активности для достижения поставленных целей, помогает легче переносить трудности и неудачи и, в целом, оказывает положительное влияние на социальное и личностное поведение человека.

Так описывает Р. Бернс формирование высокого уровня самооценки (Бернс, 2003): «Высокая самооценка, развивается у детей в семьях, отличающихся сплочённостью и солидарностью. Более позитивно здесь отношение матери к мужу. В глазах ребёнка родителям всегда сопутствует успех. Он с готовностью следует задаваемым ими образцам поведения, настойчиво и успешно решает встающие перед ним повседневные задачи, так как чувствует уверенность в своих силах. Он менее подвержен стрессу и тревожности, доброжелательно и реалистично воспринимает окружающий мир и себя самого. Высокая самооценка обеспечивает хорошее владение техникой социальных контактов, позволяет индивиду показать свою ценность, не прилагая особых усилий. Ребёнок приобрёл в семье способность к сотрудничеству, уверенность в том, что он окружён любовью, заботой и вниманием. Всё это создаёт прочную основу для его социального развития».

С. Куперсмит также отмечает особенности поведения детей с высокой самооценкой (Куперсмит, 1959): «...мальчики из группы с высокой самооценкой характеризовались как активные, экспрессивные, в целом успешные в учении и социальных отношениях, лидеры в дискуссиях, они не отступали при несогласии с ними других, были частично нечувствительными к критике, высокозаинтересованными в общественных делах, мало отягощенными чувством тревоги. Они выглядели как доверяющие собственному восприятию и реакциям и верящие, что их усилия приведут к успеху. Они обращались к другим с ожиданием, что те будут с ними дружелюбны. Их оптимизм покоился не на фантазиях, а на обоснованной оценке их способностей, навыков и личностных качеств. Они не были поглощены внутренними проблемами и гораздо реже страдали психосоматическими расстройствами, чем их сверстники из группы с низкой самооценкой».

«Если человек застенчив, как правило, он страдает низкой самооценкой, — пишет Ф. Зимбардо (Зимбардо, 2006), — там, где самооценка высока, нет и речи о застенчивости».

О доминирующем положении высокой самооценки в личностном и социальном развитии рассуждает Л.Д. Столяренко: «У большинства людей проявляется тенденция оценивать себя чуть выше среднего. Это позволяет сделать вывод, что человеку свойственна потребность в достаточно высокой самооценке, т.е. каждому хочется уважать себя. Самоуважение — один из истоков психологической устойчивости, хорошего настроения. Допустим, человек совершил ошибку, сделал что-то не так. Если этот человек обладает достаточно высоким уровнем само-

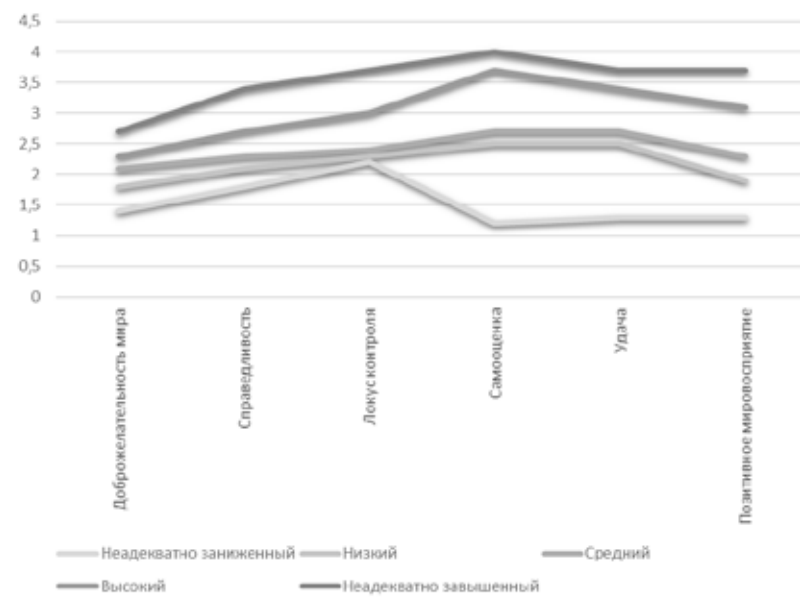

Рис. 2. Результаты методики «Шкала базисных убеждений» в группах с разным уровнем самооценки

Fig. 2. Scale of Basic Beliefs methodology results in groups with different levels of self-assessment

оценки, он может успокоить себя: «Ничего страшного, ведь в целом я отнюдь не глупец и подобное для меня не характерно», — т.е. срабатывает психологическая защита, и человек успокаивается» (Столяренко, 2000).

Общий анализ результатов проведения методики «Шкала базисных убеждений» в соответствующих группах сотрудников с разным уровнем самооценки показал, что наиболее контрастные отличия присутствуют в группах с неадекватно завышенной и заниженной самооценками — самые низкие результаты получены в группе сотрудников с неадекватно заниженным уровнем самооценки, а самые высокие — в группе с неадекватно завышенным (рис. 2). Показатели в группах с низким и средним уровнями самооценки относятся к средним величинам и располагаются рядом друг с другом. Значения в группе сотрудников с высоким уровнем самооценки занимают промежуточное положение между данными сотрудников со средним и неадекватно завышенным уровнями самооценки.

Результаты корреляционного анализа также продемонстрировали наличие зависимости между уровнями самооценки и шкалами методики:

- доброжелательность окружающего мира — $r = 0,321, p < 0,01$;
- справедливость — $r = 0,292, p < 0,01$;
- локус контроля — $r = 0,276, p < 0,01$;
- самооценка — $r = 0,700, p < 0,01$;
- удача — $r = 0,458, p < 0,01$;
- позитивное мировосприятие — $r = 0,500, p < 0,01$.

Интерпретация результатов

Для подтверждения достоверности различий между значениями шкал методики в группах с разным уровнем самооценки был применен Критерий t Стьюдента для независимых выборок.

Рассмотрим выявленные отличия более детально. Так по шкале доброжелательность окружающего мира наиболее низкие показатели получены в группе сотрудников с неадекватно заниженным уровнем самооценки (94% или 30 из 32 респондентов), наиболее высокие показатели продемонстрировали сотрудники группы с неадекватно завышенным уровнем самооценки — 15% респондентов имели высокие показатели, 50% — средние. Результаты в группах с высоким и средним уровнями самооценки имели минимальные различия в показателях, а данные в группе с низким уровнем самооценки занимали промежуточное положение между результатами групп с неадекватно заниженным и средним уровнями.

Дисперсии сравниваемых распределений значений шкалы статистически достоверно различаются и равенство дисперсий не предполагается в следующих сочетаниях:

- в группах с неадекватно заниженным и низким уровнями самооценки ($p=0,018$);
- в группах с неадекватно завышенным и низким уровнями самооценки ($p=0,05$);
- в группах с высоким и низким уровнями самооценки ($p=0,016$);
- в группах с высоким и средним уровнями самооценки ($p=0,028$).

В остальных сочетаниях групп с разными уровнями самооценки по шкале доброжелательность окружающего мира дисперсии сравниваемых распределений статистически достоверно не различаются ($p>0,05$).

Показатели по шкале справедливость были наиболее низкими в группе сотрудников с неадекватно заниженным уровнем самооценки — 72% группы продемонстрировали низкие результаты. Наиболее высокие значения отмечены в группе с неадекватно завышенным уровнем самооценки — 30% группы имели высокие показатели, 67% — средние. Также в группе сотрудников с неадекватно завышенным уровнем самооценки присутствовало минимальное количество низких результатов 3%.

Вместе с тем, дисперсии сравниваемых распределений значений шкалы справедливость статистически достоверно не различаются ($p>0,05$) ни в одном сочетании групп.

По шкале локус контроля низкие значения в группе с неадекватно заниженным уровнем самооценки составили 59%, высокие и средние значения в группе с неадекватно завышенным уровнем самооценки составили 44% и 53%.

Дисперсии сравниваемых распределений значений шкалы статистически достоверно различаются и равенство дисперсий не предполагается в группах с неадекватно завышенным и низким уровнями самооценки ($p=0,022$) и в группах с неадекватно завышенным и средним уровнями самооценки ($p=0,039$).

В остальных сочетаниях групп с разными уровнями самооценки по шкале локус контроля дисперсии сравниваемых распределений статистически достоверно не различаются ($p>0,05$).

По шкале самооценки в группе сотрудников с неадекватно завышенным уровнем самооценки отсутствовали низкие значения, а высокие и средние составили 68% и 32%. Низкие значения в группе с неадекватно заниженным уровнем самооценки составили 91%.

Дисперсии сравниваемых распределений значений шкалы статистически достоверно различаются и равенство дисперсий не предполагается в следующих сочетаниях:

- в группах с неадекватно заниженным и неадекватно завышенным уровнями самооценки ($p=0,025$);
- в группах с неадекватно завышенным и низким уровнями самооценки ($p=0,028$);
- в группах с неадекватно завышенным и средним уровнями самооценки ($p=0,04$).

В остальных сочетаниях групп с разными уровнями самооценки по шкале самооценки дисперсии сравниваемых распределений статистически достоверно не различаются ($p>0,05$).

По шкале удача низкие показатели в группе сотрудников с неадекватно заниженным уровнем самооценки составили 81%, высокие и средние в группе с неадекватно завышенным уровнем самооценки — 58% и 39%.

Дисперсии сравниваемых распределений значений шкалы статистически достоверно различаются и равенство дисперсий не предполагается в следующих сочетаниях:

- в группах с неадекватно заниженным и высоким уровнями самооценки ($p=0,001$);
- в группах с неадекватно заниженным и средним уровнями самооценки ($p=0,003$);
- в группах с неадекватно завышенным и низким уровнями самооценки ($p=0,011$);
- в группах с неадекватно завышенным и высоким уровнями самооценки ($p=0,038$).

В остальных сочетаниях групп с разными уровнями самооценки по шкале удача дисперсии сравниваемых распределений статистически достоверно не различаются ($p>0,05$).

Позитивное мировосприятие имеет отличие от остальных шкал тем, что в группе сотрудников с неадекватно заниженным уровнем самооценки отсутствуют высокие показатели, а низкие составили 88%, высокие и средние показатели в группе сотрудников с неадекватно завышенным уровнем самооценки оказались 61% и 36%.

Дисперсии сравниваемых распределений значений шкалы статистически достоверно различаются и равенство дисперсий не предполагается в группах с неадекватно заниженным и неадекватно завышенным уровнями самооценки ($p=0,044$) и в группах с неадекватно завышенным и средним уровнями самооценки ($p=0,017$).

В остальных сочетаниях групп с разными уровнями самооценки по шкале позитивное мировосприятие дисперсии сравниваемых распределений статистически достоверно не различаются ($p>0,05$).

Для более качественной интерпретации результатов методики в группах с разным уровнем самооценки было произведено сравнение полученных средних значений показателей шкал методики с оценочными критериями результатов, представленными в самой методике (низкими, ниже среднего, средними, выше среднего и высокими) с помощью одновыборочного критерия t Стьюдента.

Так в группе сотрудников с неадекватно заниженным уровнем самооценки средние значения шкал доброжелательность окружающего мира ($p=0,003$), справедливость ($p=0,046$), самооценка ($p=0,03$), удача ($p=0,023$) и позитивное мировосприятие ($p=0,01$) статистически значимо относятся к низкому уровню оценки результатов. Значение шкалы локус контроля ($p=0,021$) статистически значимо относится к уровню оценки результатов ниже среднего.

Интерпретируя полученные результаты, можно сказать, что группа сотрудников с неадекватно заниженным уровнем самооценки с недоверием относится к окружающему миру и считает его небезопасным и враждебным. По мнению сотрудников этой группы, в обществе отсутствуют законы справедливости и действуют законы неравенства — каждый человек получает привилегии и блага исходя из его статуса, уровня материального обеспечения, наличия выгодных связей и т.п., по принципу — прав тот, у кого больше прав. В связи с чем, контролировать происходящие события в жизни становится невозможно, происходит потеря уверенности в себе и в собственных силах, складывается ощущение бессилия и безысходности.

В группе сотрудников с неадекватно завышенным уровнем самооценки средние значения шкал доброжелательность окружающего мира ($p=0,009$) и справедливость ($p=0,04$) статистически значимо относятся к среднему уровню оценки результатов. Значения шкал самооценка ($p=0,028$), удача ($p=0,013$), локус контроля ($p=0,026$) и позитивное мировосприятие ($p=0,016$) статистически значимо относятся к уровню оценки результатов выше среднего.

Таким образом, группа сотрудников с неадекватно завышенным уровнем самооценки больше остальных считает окружающий мир доброжелательным, в первую очередь благодаря тому, что они сами участвуют в обеспечении своей безопасности. Уверенность в контроле происходящих в жизни событий, справедливости и удачливости респондентами зачастую переоценивается, что создает иллюзию тотального превосходства и контроля. Повышается значимость собственной личности во всех жизненных ситуациях и сильно снижаются усилия окружающих людей. Взаимодействие с другими строится по принципу «всё для меня» или «весь мир вращается вокруг меня», что указывает на наличие эгоцентризма, эгоизма и чрезмерных амбиций, выраженной демонстрацией важности и исключительности собственных усилий, необходимости быть более оцененным.

В группе сотрудников с высоким уровнем самооценки средние значения шкал доброжелательность окружающего мира ($p=0,006$), справедливость ($p=0,004$), локус контроля ($p=0,004$), удача ($p=0,013$) и позитивное мировосприятие ($p=0,04$) статистически значимо относятся к среднему уровню оценки результатов. Значения шкалы самооценка ($p=0,017$) статистически значимо относится к высокому уровню оценки результатов.

В связи с чем, группа сотрудников с высоким уровнем самооценки в целом считает окружающий мир доброжелательным, однако данное доверие не является абсолютным, а скорее ситуативным — респонденты считают, что в большинстве ситуаций и происходящих событий находиться вполне безопасно, однако в опре-

деленных обстоятельствах необходимо проявлять осторожность и осмотрительность. По их мнению, в обществе действуют законы избирательной справедливости — существуют привилегированные категории населения и все остальные. Эта позиция накладывает отпечаток и на остальные сферы — контроля своей жизни, удачливости и позитивного мировосприятия. Взаимоотношения с окружающими строятся исходя из степени принадлежности к классу «избранных» — у привилегированной категории власти больше, у неё больше вероятность благополучного исхода в различных жизненных ситуациях, а также больше уверенность в собственных силах и контроле происходящих событий.

В группе сотрудников с низким уровнем самооценки средние значения шкал доброжелательность окружающего мира ($p=0,027$), справедливость ($p=0,01$), locus контроля ($p=0,028$), самооценка ($p=0,003$), удача ($p=0,003$) и позитивное мировосприятие ($p=0,016$) статистически значимо относятся к уровню оценки результатов ниже среднего.

В группе сотрудников со средним уровнем самооценки средние значения шкал доброжелательность окружающего мира ($p=0,03$), справедливость ($p=0,07$), locus контроля ($p=0,001$) и позитивное мировосприятие ($p=0,005$) статистически значимо относятся к уровню оценки результатов ниже среднего. Значения шкал самооценка ($p=0,005$) и удача ($p=0,003$) статистически значимо относятся к среднему уровню оценки результатов.

Исходя из полученных результатов, в группах респондентов с низким и средним уровнем самооценки взгляд на окружающий мир более прагматичен и пессимистичен. И если в группе респондентов с высоким уровнем самооценки присутствует позиция принадлежности к привилегированной части населения, то здесь наблюдается тенденция к причислению себя к категории рядовых граждан и некоторая отягощённость имеющейся ответственностью. Справедливость законов воспринимается с сомнением и скептицизмом, прежде всего, благодаря несовершенству последних. Степень контроля над своей жизнью реализуется в пределах, не выходящих за границы других более влиятельных людей. Собственная удачливость складывается из пропорционального распределения своих усилий и усилий значимых окружающих. Преимущество отдается значимости собственных усилий в группе сотрудников со средним уровнем самооценки, в группе с низким уровнем самооценки преобладает уверенность в могуществе более влиятельного окружения.

Выводы и апробация

В итоге наиболее контрастные отличия по шкалам методики исследования базисных убеждений выделены в группах с неадекватно завышенным и заниженным уровнями самооценки (самые низкие результаты показаны в группе сотрудников с неадекватно заниженным уровнем самооценки, а самые высокие — в группе с неадекватно завышенным), значения базисных убеждений в группах с низким и средним уровнями самооценки относятся к средним величинам и располагаются рядом друг с другом, показатели в группе сотрудников с высоким уровнем самооценки занимают промежуточное положение между данными сотрудников со средним и неадекватно завышенным уровнями самооценки.

Конкретизируя полученные данные, отметим, что сотрудники с неадекватно заниженным уровнем самооценки с недоверием относятся к окружающему

миру и считают его небезопасным и враждебным. Сотрудники с неадекватно завышенным уровнем самооценки больше остальных считают окружающий мир доброжелательным, в первую очередь благодаря тому, что они сами участвуют в обеспечении своей безопасности. Сотрудники с высоким уровнем самооценки считают окружающий мир доброжелательным, однако степень доверия у них устанавливается в зависимости от собственного ощущения безопасности окружающих условий. Средний уровень самооценки сотрудников также определяет их доброжелательность к окружающему миру и степень успешности собственных действий и прикладываемых собственных усилий. В то время как сотрудники с низким уровнем самооценки считают, что окружающий мир доброжелателен пропорционально решениям управленческой элиты общества.

Результаты исследования подтверждают ранее выдвинутую гипотезу о существовании взаимосвязи самооценки и базисных убеждений личности, позволяют более качественно раскрыть имплицитные, глобальные, устойчивые представления личности с разным уровнем самооценки о мире и о себе и, в целом, вносят вклад в область психологии безопасности и сферу психологического сопровождения сотрудников правоохранительных органов. Выводы были успешно внедрены в образовательный процесс Краснодарского университета МВД России при проведении лекционных, практических занятий, семинаров по следующим дисциплинам для специальности 37.05.02 — Психология служебной деятельности: «Общая психология», «Общий психологический практикум», «Психологическая работа с личным составом органов внутренних дел. Организация психологической службы в органах внутренних дел», «Психология личности», а также используются при подготовке научно-исследовательских работ курсантами и слушателями университета.

Исследование представляет несомненный интерес как для психологов правоохранительных органов, так и сотрудников кадровых подразделений гражданских организаций, и может быть эффективно использовано в процессе психологического сопровождения персонала.

Библиографический список

- Бернс, Р. (2008). Я-концепция и Я-образы. В Д.Я. Райгородский (ред.) *Самосознание и защитные механизмы личности. Хрестоматия* (с. 133–219). Самара: Бахрах-М.
- Бороздина, Л. В. (1999). *Теоретико-экспериментальное исследование самооценки: дис. ... д-ра психол. наук*. Москва.
- Гловер, Э. (1999). *Фрейд или Юнг*. СПб.: Академический проект.
- Зимбардо, Ф. (2008). Формирование самооценки. В Д.Я. Райгородский (ред.) *Самосознание и защитные механизмы личности. Хрестоматия* (с. 282–296). Самара: Бахрах-М.
- Знаков, В. В. (2016). XXI век: Изменения в мире человека и новый этап развития психологии субъекта. В *Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности* (Материалы Всероссийской научно-практической конференции (9–10 сентября 2016 г.)) (с. 5–14). Краснодар.
- Карабаш, Д. В. (2015). Формирование жизненных и профессиональных ценностных ориентаций личности в процессе обучения в образовательной организации МВД России. *Вестник Краснодарского университета МВД России*, 4 (30), 246–249.
- Мещеряков, Б. Г, Зинченко, В. П. (ред.). (2009). *Большой психологический словарь*. Москва: АСТ.
- Никиреев, Е. М. (2007). *Психологические особенности направленности личности*. Москва: Московский психолого-социальный институт.

- Павлова, С. А. (2014). Формирование эмоциональной устойчивости у сотрудников органов внутренних дел. В *Акмеология. Специальный выпуск* (Материалы IX Международной научной конференции «Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека» (1 июня–15 июля 2014 г.)) (с. 175–176). Москва.
- Падун, М. А., Котельникова, А. В. (2008). Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман. *Психологический журнал*, 29 (4), 98–106.
- Рябикина, З. И., Фоменко, Г. Ю. (2010). Личность в профессии: теоретико-эмпирическая интерпретация в контексте субъектно-бытийного подхода. В Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев (ред.) *Социальная психология труда: теория и практика* (с. 82–101). Москва: Издательство «Институт психологии РАН».
- Столяренко, А. М. (ред.). (2001). *Прикладная юридическая психология*. Москва: Юнити-Дана.
- Столяренко, Л. Д. (2000). *Основы психологии*. Издание 3-е, перераб. и дополненное. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Федеральный закон «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 19.07.2011 N247-ФЗ.
- Фоменко, Г. Ю. (2004). Парадоксальность как конституирующее качество профессионального бытия психолога. *Человек. Сообщество. Управление*, 1, 69–84.
- Фролов, А. А. (2016). Исследование взаимосвязи видов самооценки и уровней правового самосознания личности сотрудников правоохранительных органов. *Человек. Сообщество. Управление*, 17 (2), 26–40.
- Baumeister, R. F., Tice, D. M. & Hutton, D. G. (1989). Self-Presentational Motivations and Personality Differences in Self-Esteem. *Journal of Personality*, 57, 547–579.
- Coon, D. & Mitterer, J. O. (2010). *Introduction to Psychology: Gateways to Mind and Behavior*. Wadsworth Cengage Learning.
- Coopersmith, S. (1959). A method for determining types of self-esteem. *Journal of Abnormal and Social psychology*, 59 (1), 87–94.
- Doyle, A. C. (1894). *The Memoirs of Sherlock Holmes*. London: George Newnes.
- Flavell, J. H. (1979). Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive–developmental inquiry. *American Psychologist*, 34 (10), 906–911.
- Hofstede, G., Hofstede, G. J. & Minkov, M. (2010). *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. McGraw-Hill.
- Kessel, M., Kratzer, J. & Schultz, C. (2012). Psychological safety, knowledge sharing, and creative performance in healthcare teams. *Creativity and innovation management*, 2 (21), 147–157.
- Leeuwenberg, E. & van der Helm, P. A. (2013). *Structural information theory: The simplicity of visual form*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Putnam, R. (1995). Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *Journal of Democracy*, 6 (1), 65–78.
- Rogers, C. & Dymond, R. (1957). *Psychotherapy and Personality Change*. Chicago: University of Chicago Press.
- Zimbardo, P. G. & Sword, R. (2012). *Overcome PTSD with new psychology of time perspective therapy*. N. Y.: Willey.

Статья поступила в редакцию 30.06.2018

Статья принята к публикации 23.08.2018

Для цитирования: Г.Ю. Фоменко, А.А. Фролов. Самооценка и базисные убеждения личности: содержание взаимосвязи и особенности исследования. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 3. С. 58–74.

SELF-ASSESSMENT AND BASIC PERSONAL BELIEFS: CONTENT OF THE RELATIONSHIP AND PECULIARITIES OF THE RESEARCH

G. Yu. Fomenko, A.A. Frolov

Galina Ju. Fomenko, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russia
E-mail: fomgal27@mail.ru

Alexey A. Frolov, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Yaroslavskaya St., 128, Krasnodar, 350005, Russia
E-mail: ajeduk@mail.ru · <https://orcid.org/0000-0001-7603-2621>

Abstract. Modern psychological research in the sphere of ensuring personal safety and law-and-order domain focuses on shaping standard qualities for the personnel. In this connection, it is necessary to update explorative tools, to improve forms and methods of work, and introduce new psychological mechanisms. The diagnostics and description of self-assessment and basic personal beliefs of those who work in law-enforcement agencies are of special scientific interest. The authors of the paper put forward the hypothesis about the connection of basic personal beliefs and the determining role of self-assessment. The diagnostics of self-assessment was carried out with the help of methodology worked out by S.A. Budassi. Personal beliefs were analyzed on the basis of M. Padun and A. Kotelnikova's methodology modified by R. Yanoff-Bul'man. The research is based on the selection provided by polling 400 employees of law-enforcement agencies representing most subdivisions of Internal Affairs Agencies, as well as cadets and attendees of Krasnodar University of IAA, both males and females (18–48 years of age), with different employment period in IAA. As a result, five groups of employees with different levels of self-assessment have been extracted. The data obtained in the course of analysis were compared with basic beliefs. Processing the data with the help of IBM® SPSS Statistics 22 has verified the authors' hypothesis about the inner connection between self-assessment and basic personal beliefs. It has been proved that the most radical differences exist between the employees with overestimated and underestimated levels of basic personal beliefs. The first group of employees mistrusts reality and consider the surrounding world unsafe and hostile; the second group think that the world around is friendly, especially because they themselves participate in ensuring their own safety. Yet the level of friendliness depends on their perception of safety in the surrounding world. The average rate of self-assessment predetermines their goodwill towards reality and the level of their efficiency. The second group considers that reality is friendly in proportion to the decisions taken / made by the administrative elite of the society.

Key words: self-assessment, basic beliefs, personality, justice, luck, positive worldview, goodwill of the world around, locus of (internal-external) control.

DOI: 10.31429/26190567-19-3-58-74

References

- Baumeister, R. F., Tice, D. M. & Hutton, D. G. (1989). Self-Presentational Motivations and Personality Differences in Self-Esteem. *Journal of Personality*, 57, 547–579.
- Berns, R. (2003). Ya-kontseptsiya i YA-obrazy [Ya-concept and Ya-images]. In D. Ya. Raigorodskij (Ed.) *Samoznanie i zashhitnye mekhanizmy lichnosti* [Consciousness and Protective Mechanisms of the Personality]. Samara: Izd dom "Bakhrakh".
- Borozdina, L. V. (1999). *Teoretiko-eksperimental'noe issledovanie samootsenki* [Theoretical and Experimental Study of Self-Assessment]: dis. ... d-ra psikh. nauk. Moskva.
- Coon, D. & Mitterer, J. O. (2010). *Introduction to Psychology: Gateways to Mind and Behavior*. Wadsworth Cengage Learning.
- Coopersmith, S. (1959). A method for determining types of self-esteem. *Journal of Abnormal and Social psychology*, 59 (1), 87–94.
- Doyle, A. C. (1894). *The Memoirs of Sherlock Holmes*. London: George Newnes.

- Federal'nyj zakon "O sotsial'nykh garantiyakh sotrudnikam organov vnutrennikh del Rossijskoj Federatsii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federatsii"* ot 19.07.2011 N247-FZ [Federal Law "About Social Guarantees to Staff of Bodies of Internal Affairs of the Russian Federation and Introduction of Amendments to Separate Acts of the Russian Federation" from 19.07.2011 N247-FZ].
- Flavell, J. H. (1979). Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive–developmental inquiry. *American Psychologist*, 34 (10), 906–911.
- Fomenko, G. Yu. (2004). Paradoksal'nost' kak konstituiruyushhee kachestvo professional'nogo bytiya psikhologa [Paradoxicality as the Constituting Quality of Professional Life of the Psychologist]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 1, 69–84.
- Frolov, A. A. (2016). Issledovanie vzaimosvyazi vidov samoootsenki i urovnej pravovogo samosoznaniya lichnosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [The Research of Interrelation Between Types of Self-Esteem and Levels of Legal Consciousness of Law Enforcement Officers]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 17 (2), 26–40.
- Glover, E.H. (1999). *Frejd ili Yung* [Freud or Jung]. SPb.: Akademicheskij proekt.
- Hofstede, G., Hofstede, G. J. & Minkov, M. (2010). *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. McGraw-Hill.
- Karabash, D. V. (2015). Formirovanie zhiznennykh i professional'nykh tsennostnykh orientatsij lichnosti v protsesse obucheniya v obrazovatel'noj organizatsii MVD Rossii [The Formation of Vital and Professional System of Values of a Personality in the Course of Training in an Education Organization of the Ministry of the Interior of Russia]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA], 4 (30), 246–249.
- Kessel, M., Kratzer, J. & Schultz, C. (2012). Psychological safety, knowledge sharing, and creative performance in healthcare teams. *Creativity and innovation management*, 2 (21), 147–157.
- Leeuwenberg, E. & van der Helm, P. A. (2013). *Structural information theory: The simplicity of visual form*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Meshcheryakov, B. G. & Zinchenko, V. P. (Eds.). (2009). *Bol'shoj psikhologicheskij slovar'* [Big Psychological Dictionary]. Moskva: AST, Praym-Evroznak.
- Mruk, C. (1999). *Self-esteem: Research, theory, and practice* (2nd ed.). N. Y.: Springer.
- Nikireev, E. M. (2007). *Psikhologicheskie osobennosti napravlenosti lichnosti: Uchebnoe posobie* [Psychological Features of Orientation of the Personality: Textbook]. Moskva: Moskovskij psikhologo-sotsial'nyj institut.
- Padun, M. A. & Kotelnikova, A. V. (2008). Modifikatsiya metodiki issledovaniya bazisnykh ubezhdenij lichnosti R. Yanoff-Bul'man [Modification of Core Beliefs of Personality Questionnaire (R. Janoff-Bulman's)]. *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological magazine], 29 (4), 98–106.
- Pavlova, S. A. (2014). Formirovanie ehmotSIONal'noj ustojchivosti u sotrudnikov organov vnutrennikh del [Formation of emotional stability at staff of bodies of internal affairs]. In *Akmeologiya. Spetsial'nyj vypusk po materialam IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii "Akmeologiya: lichnostnoe i professional'noe razvitie cheloveka"* [Akmeology. Special Release on Materials IX of the International Scientific Conference "Akmeology: Personal and Professional Development of the Person"] (pp. 175–176).
- Putnam, R. (1995). Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *Journal of Democracy*, 6 (1), 65–78.
- Rogers, C., Dymond, R. (1957). *Psychotherapy and Personality Change*. Chicago: University of Chicago Press.
- Ryabikina, Z. I. & Fomenko, G. YU. (2010). Lichnost' v professii: teoretiko-ehmpiricheskaya interpretatsiya v kontekste sub'ektno-bytijnogo podkhoda [The Personality in Profession: Theoretical and Empirical Interpretation in the Context of the Subjective and the Event-Driven Approaches]. In L. G. Dikaya, A. Juravlev (Eds.) *Sotsial'naya psikhologiya truda teoriya i praktika* [Social Labour Psychology: Theory and Practice], Moskva: Izdatel'stvo "Institut psikhologii RAN", 1, 82–101.

- Stolyarenko, L. D. (2000). *Osnovy psikhologii* [Fundamentals of Psychology]. Izdanie 3-e, pererabotannoe i dopolnennoe. Rostov-na-Donu: Feniks.
- Stolyarenko, A. M. (Ed.). (2001). *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied Legal Psychology]. Moskva: Yuniti-Dana.
- Zimbardo, P. (2006). Formirovanie samootsenki [Formation of a Self-Assessment]. *Samosoznanie i zashhitnye mekhanizmy lichnosti: Khrestomatiya* [Consciousness and Protective Mechanisms of the Personality: Anthology]. Samara: BAKHRAKH-M.
- Zimbardo, P. G. & Sword, R. (2012). *Overcome PTSD with new psychology of time perspective therapy*. N. Y.: Willey.
- Znakov, V. V. (2016). XXI vek: Izmeneniya v mire cheloveka i novyj etap razvitiya psikhologii sub"ekta [21st Century: Changes in the World of the Person and New Stage of Development of Psychology of the Subject]. In *Lichnost' i bytie: chelovek kak sub"ekt sotsiokul'turnoj real'nosti* [Personality and Life: Person as a Subject of Sociocultural Reality] (Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (September 9–10, 2016)) (pp. 5–14). Krasnodar.

Received 30.06.2018. Accepted 23.08.2018

For citation: Fomenko G. Yu., Frolov A. A. Self-assessment and basic personal beliefs: content of the relationship and peculiarities of the research. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 3. Pp. 58-74.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК МАТРИЦА ПОСТРОЕНИЯ БУДУЩЕГО

Г. В. Вержибок

Вержибок Галина Владиславовна, Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, Минск, 220034, Беларусь.

E-mail: galina_minsk@mail.ru · <https://orcid.org/0000-0002-5896-2056>

Аннотация. Состояние института семьи, которое сегодня достаточно противоречиво, связано с фундаментальными сдвигами в жизненном цикле современного человека и в брачно-семейных отношениях. Двойственность современной ситуации состоит в последовательном отходе от традиционных ценностных систем и при этом в утверждении устойчивости культурных традиций. Семья и брак приобретают новые функции, смыслы и характеристики, отличающиеся от традиционных, что видоизменяет социальные взаимодействия, демографическое и семейное поведение людей. Паттерны изменений в семье образуют матрицу, внутри которой происходит психологический рост ее членов. Динамичность социальной и индивидуальной жизни определяет актуальность изучения воззрений в молодежной среде посредством использования системного и ценностного подходов, основных идей теории социальных представлений. Основная цель работы состояла в изучении системы семейных ценностей студенческой молодежи, образующих матрицу их будущего, где новизна исследования проявляется в разработке и выявлении совокупности представлений и установок о ключевых, базовых понятиях. Под матрицей понимается как особая категориальная подсистема в системе знаний субъекта, формируемая вследствие распределения информации по смысловым категориям (С. Московичи) и как особого следа событий, образующих «систему конденсированного опыта» и трансформацию сознания (С. Гроф). Выделены основные смысловые единицы анализа: семья как ценность и значимость (семья, брак, любовь), супружество как ориентация на будущую семью (идеал, отношения, роли), родительство как оценка материнства и отцовства. Использовались психодиагностические и опросные методы, методы статистической обработки данных. При контент-анализе эссе включены три составляющие представления о семье: информированность о семье, отношение к семье, эмоциональная направленность отношения. Выборка составила 415 чел. — студенты I–II курсов 18–20 лет белорусских вузов (Минск, Витебск, Гомель) с учетом половой принадлежности и временного контекста проведения срезов (2004, 2011, 2014). Установлено, что представления о семейных ценностях и установки молодежи, их суждения о семье имеют сложный многоступенчатый характер и связаны с готовностью познания себя и других, рефлексией ценностно-смысловой сферы, актуализацией потребности получения и освоения информации о будущем супруестве и родительстве. Образ идеальной семьи представлен параметрами возраста вступающих в брак — 23–25 лет, присутствует равноправие мужа и жены, обязательно наличие детей, желательно отдельное проживание и финансовая независимость от родителей. Центральной тенденцией в высказываниях студентов выступает обобщенный портрет будущей семьи нормативно-декларативного характера с выделением ее функционального назначения. Демонстрируется готовность к предзаданности типических моделей семьи, определенный консерватизм взглядов, отмечается идеалистичность представлений с акцентом на пролонгированный вариант их реализации, при этом недостаточно конкретизированы картина действий ее членов и параметры их взаимодействия. Результаты данного исследования в некоторой части совпадают с мнением иных авторов, например, по вопросу мотивации и выбора брачного партнера, акцентирования индивидуалистических, а не общественных, ценностей. Однако не подтверждаются данные о высоком прагматизме студенческой молодежи, динамике мнений о семье и браке, проявлении «отложенного» супружества и родительства. Это позволяет говорить о результативности вложенных усилий, правильности и необходимости проведения определенных мероприятий в образовательных учреждениях (спецкурс).

Ключевые слова: семья, брак, супружество, родительство, материнство, отцовство, любовь, идеал, роли, отношения.

Введение

Положение семьи как одного из ключевых элементов социальной структуры тесным образом связано с трансформационными процессами, происходящими в социально-экономической и политической, культурной и духовно-нравственной сферах общества. Состояние института семьи сегодня достаточно противоречиво и выступает следствием процессов, связанных с фундаментальными сдвигами в жизненном цикле современного человека и брачно-семейных отношениях, которые сопровождают «второй демографический переход» во всех развитых странах (А.А. Буйденков, А.Г. Вишневский, С.В. Захаров, А. Лангри, Р. Лестег, Д. Ван де Каа и др.).

Демографические тенденции во всем мире развиваются в определенном направлении и становятся универсальными (Adams, 2004), они трактуются как явления, разрушающие институциональность и нарастающую дисфункциональность семьи. Основными их характеристиками остаются старение и значительное уменьшение численности трудоспособного населения, снижение уровня брачности и рождаемости, повышение возраста вступления в брак, увеличение числа разводов. Такой сложившийся режим воспроизводства населения сочетает в себе «европейскую рождаемость и африканскую смертность» (Л.Л. Рыбаковский, 2005). Потери людских ресурсов становятся не только внутривнутриполитической, но и геополитической проблемой, они дестабилизируют и ослабляют страну, угрожают национальной безопасности. Скорость демографических процессов и достижение предельных уровней является главной особенностью современных кризисов, идет процесс изменения социокультурного пространства с неблагоприятным прогнозом (Баскова, 2009).

Не только социально важным, но и основным демографическим фактором является брак, поскольку значительное число рождений по-прежнему происходит от супружеских пар. Сокращение числа браков в результате изменения отношения к нему (четыре из десяти человек считают эту форму отношений устаревшей — Yen, 2010), одинокой жизни или совместному проживанию, браку в более позднем возрасте или даже одинокому родителю оказывают значительное негативное воздействие на коэффициент фертильности (Rontos, 2010). Отношение к браку основывается уже не на правовом, религиозном и социальном давлении прошлого, а на слабых социальных ценностях, которые под реальным давлением экономической среды и тенденций к сожительству и единственному родителю не трансформируются в поведении (Wilson, 2002).

Почти во всей Европе возраст вступления в брак и рождения ребенка составил 30 лет и более, на что оказали влияние образование и трудовая деятельность. При этом на брак и формирование семьи влияет не только уровень образования молодых женщин, но и уровень их матерей (Rontos, 2010). В России самая высокая доля незамужних женщин из всех стран, принимавших участие в Европейском социальном исследовании. Брак и семья становятся уделом только высших страт общества, что объективно подрывает демократическую систему и распространяет систему неравенства на базовую ячейку общества (Семушин, 2013). В качестве общепринятого объяснения изменений в браке означиваются индивидуализация и секуляризация западных обществ (Seltzer et al, 2005), хотя в отношении связи

между браком и гражданским обществом достаточно часто респонденты дают неопределенные ответы (Servaty, Weber, 2011).

Характерной чертой новых видов брака является их пластичность, выраженная в способности трансформироваться в традиционный брак. Появление альтернативных видов брака означает новую организацию гендерных отношений, хотя оценочные позиции женщин по вопросам отношения к семье и браку во многом близки к традиционным. Наиболее распространенным нормативным вариантом семейных отношений и типом партнерства остаются первобрачные отношения (67,3%), хотя формы супружества сейчас весьма разнообразны, новые модели постепенно становятся альтернативой брачному союзу (Егорова, 2013). Традиционные семейные структуры должны и могут быть защищены посредством правовой легализации их статуса, юридического признания их существования (Досина, 2009).

Ключевыми моментами, определившими основные тенденции взаимодействия семьи и современного общества, считаются:

- быстрота и стремительность процессов изменения социальных институтов, общностей и социальных групп, интеграция семьи в институциональную структуру современного общества, возрастающие объемы информации и технологий;
- новые запросы к успеху в профессиональной и семейной статусной стратификации, к высокому уровню повседневной и образовательной адаптивности человека, к правовым нормам регулирования внутрисемейных отношений, обретающим статус обязательности (Булкин, 2015).

Изменениям в семье способствовало распространение ценностей индивидуализма и доминирование рациональных регуляторов поведения над нормативными (Кучмаева, 2009). Система «семьецентризма» некоторым образом уступает место системе «эгоцентризма». Основу противоречий в развитии семьи видят в диалектическом взаимодействии между потребностью в адаптации к новым социальным условиям (фактор изменчивости) и сложившейся моделью семейно-брачных отношений (фактор постоянства). Центр тяжести социального контроля над демографическим и семейным поведением людей стал перемещаться с институционально-коллективного уровня на индивидуальный (Кучмаева, 2009). Имеет место мозаичность семейного сознания, где наблюдаются альтернативность выбора, возможность просчета вариантов, прагматизм, в нем имеется отрывочность представлений о семье из-за отсутствия целостности ценностно-смысловой структуры личности (Ильиных, 2014). Отмечается ослабление нравственно-воспитательного потенциала семьи, происходит «политизация родительства» в неоконсервативном духе, дивергенция воспитательных стилей.

Двойственность современной ситуации состоит в последовательном отходе от традиционных ценностных систем и утверждении устойчивости культурных традиций. Появляется мозаичный тип семейного сознания, в котором в тесном переплетении находятся прагматические и гедонистические устремления, касающиеся семейных отношений (Ильиных, 2014). Упразднение и утрачивание ранее четко очерченных ролей видоизменяет семейную структуру, которая приобретает все более причудливые очертания, при том, что сохранившаяся потребность в общении и сопричастности заставляет искать паллиативные варианты.

Формирование ситуации, в которой высшей ценностью становится самобытность личности и творческое развитие каждого члена семьи, характеризует переход к созданию персоналитарной семьи (Левина, 2000). Благодаря развитию нового

информационного пространства, в том числе и интернет-сети, интенсифицируется обмен опытом родителями, репрезентация себя как группы носителей новых социальных норм. «Биографическая петля» стала возможна и в жизни мужчины, на что повлияло повышение стандартов родительства и проявление феномена отцовства (Думнова, 2011). Важным оказывается не идея «уделять больше времени ребенку», семейные отношения понимаются как результат совместного творчества всех членов. Происходит сдвиг от воспитательской этики долга к этике удовольствия, осознанию кооперационного родительства как самостоятельного общественного тренда (И. Кукулин, М. Майофис, 2010). Современная ядерная семья индустриальной эпохи лучше отвечает потребностям детей, постмодернистская проницаемая семья информационной эпохи — потребностям взрослых, отличаются они между собой степенью напряженности и гибкости (Elkind, 1995).

В последние годы появилось достаточно много исследований и публикаций, связанных с вопросами функционирования семьи, ее форм и типов, брачно-семейных и детско-родительских отношений, ролевой дифференциации, родственных связей, родительства — материнства и отцовства, социализации и взаимодействия поколений (Ю.В. Борисенко, С.Ю. Девярых, Н.А. Коваль, Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтык, М.В. Сапоровская, Г.Г. Филиппова и др.). Особым образом выделяются работы в области изучения в молодежной среде ориентаций на семью, мотивации и критериев выбора брачного партнера, особенностей матримониального поведения, репродуктивных установок, ролевых ожиданий и притязаний на будущую семейную жизнь (А.М. Бережная, А.Ю. Маленова, Ю.Г. Миронова, С.П. Пельменева, А.М. Прихожан, Н.П. Романова, Т.К. Ростовская, А.В. Самойленкова и др.). Большое значение имеет то, как указанные ситуации связаны с эмансипацией молодежи (Merino and Garcia, 2006).

Начинает разрабатываться интегративно-ресурсный подход, где личность понимается как принципиально открытая система ресурсов с наличием уровней и иерархии. Это ресурсы адаптации (эмоциональные ресурсы, ресурсы родительской любви, безопасности и ожидания будущего) и социализации (когнитивные и поведенческие ресурсы, ресурсы достижений). Их психологическое проектирование основано на необходимости обращения к потенциалу личности, опережающем развитии развивающих ресурсов семьи (Ткаченко, 2008). Норма интеграции семьи в институциональную сферу общества заключается в динамическом равновесии, которое формируется как результат повышения отдачи на вложенные ресурсы (Булкин, 2015).

Фундаментом отношения человека к окружающей его действительности является система ценностей, которую важно выявлять и изучать в свете усложняющихся процессов модернизации современного мира. Так, выделены базовые критерии отношения молодого поколения к семье как ценности:

- статусные диспозиции — оценивается характеристика родительской семьи и семьи как атрибута собственной будущей жизни;
- система правил поведения — главенствует принцип принятия всеми представителями семьи правил, которые определяют нравственную идеологию с учетом одобряемых обществом ценностей и норм жизни;
- индекс допустимого индивидуализма — раскрывает представления о чувстве внутренней свободы и раскрепощенности брачных партнеров в процессе совместной жизни (Дементьева, 2011).

При изучении системы семейных ценностей современной молодежи установлена позитивная направленность взглядов и установок (Ростовская, 2015), в большей степени это зафиксировано у представителей из полных семей. Приоритет ценности «моя будущая жена» у юношей ориентирует их на поиск супруги для будущей семейной жизни, у девушек «моя будущая семья» побуждает их к образованию семейной социально-психологической общности (Нозикова, 2016). Изменяющиеся взгляды на семью и брак определяются в возрасте 18–29 лет у представителей, которые чаще имеют незамужних или разведенных родителей (Yen, 2010).

В брачных установках современных студентов установлены гендерные различия: девушки полагают, что успехи на работе могут заменять или компенсировать возможное неблагополучие супружества, в брачно-семейных отношениях они планируют занять ведущую позицию, превосходя социальную активность их партнера (притязания выше, чем ожидания от будущего супруга). У них притязания в большей степени определяются эмоциональной функцией, у юношей — родительской, для которых притязания в сфере родительства превышают их ожидания от будущей супруги. При этом партнер воспринимается как равный и в семейных отношениях, и за пределами семьи, однако внешняя установка на социальную активность заметно конкурирует с внутрисемейными функциями (Маленова, 2014).

В жизненной перспективе они ориентированы на юридически оформленный брак и смешанный тип семейных отношений, предпочтительна детоцентристская модель семьи (Бернгард, 2016). Однако некоторые социальные ожидания по формированию семейно-брачных отношений указывают на наличие своеобразного «гендерного конфликта», проблематичность вступления в брак студентов-выпускников в связи с нереализованными в реальности запросами. В этом плане девушки предполагали, что оптимальный возраст мужчины должен быть примерно на 6 лет старше, чем их собственный, значимыми качествами супруга были уровень его образования и способность материально обеспечивать семью; юноши указывали на оптимальный возраст жены, близкий к своему (Уразаев, Шелехов, 2009).

В высказываниях по отношению к браку, где гендерные различия выявлены минимальные, студенты колледжей утверждали, что брак в XXI в. хотя и является одной из самых важных вещей, это уже не столь актуально, как это было в прошлом (Servaty, Weber, 2011). Представления о семье предполагают установку на главенство отца, эмоциональную близость, позитивные отношения к значимым объектам (отцу, матери, семье), которые взаимосвязаны с детерминантами (нравственные, социальные поведенческие, экзистенциальные компоненты) зрелости (Морозова, 2010). Высказывают мнение и о том, что конфликт статусной социализации молодежи должен следовать определенным образцам или, наоборот, сохранять неповторимость и оригинальность (Булкин, 2015).

Преобладают рационалистические тенденции обеспечения будущего благополучия, для юношей значимо взаимодействие между членами семьи, в представлениях о браке оптимизма меньше, чем у девушек, для которых первостепенным является вопрос свободы и степени самостоятельности (Емельянова, 2014). Современное поколение руководствуется собственными представлениями о брачном партнере, наблюдается ориентированность на статусные достижения, финансовую самостоятельность и независимость, одним из новых трендов выступает функциональность и практичность брачно-семейной сферы (Антонова, 2017).

Превалирование индивидуалистических и достижительных ценностей опосредует ориентацию на эгалитаризацию семейных отношений и индивидуализацию семейных стратегий (Д.А. Завгородний, 2014). Многие уже живут отдельно от родителей, девушки выступают за равную с мужчиной ответственность за принятие решений в семье (Башманова, 2016). Позиционируется равенство в отношении принятия решений и разделения домашних обязанностей, но демонстрируется и традиционность взглядов в отношении финансового лидерства, сведение мужской роли к роли кормильца семьи (Бернгард, 2016).

Высокая ценность семьи вполне уживается у молодежи с планами на отложенное родительство (Башманова, 2016) и устойчиво низкой ценностью детей в их жизненном сценарии (Дементьева, 2011). Брак прогнозируется в неопределенном будущем (Емельянова, 2014), при этом у юношей эта потребность в 1,5% снижена больше, чем у девушек (Кучмаева, 2009). Существует опасность завышенных требований к реальному партнеру и разочарований в нем, а не принятия его таким, какой он есть, что может стать причиной проблем в отношениях (Сажина, 2016). Неполная семья может стать причиной появления обедненной семейной среды, профессиональная направленность вуза определяет специфику семейной ментальности — так, техническая направленность определяет формирование более традиционных представлений о семье (Морозова, 2010). В «семейном пространстве» студенты не ощущают себя свободными, наблюдается доминирование традиционных стереотипов и функционально-ролевого отношения к членам семьи (Сажина, 2016).

Более важными, чем семья, ценностями молодые люди сегодня считают деньги, полноценную и безопасную работу, личную автономию, а наличие детей, здоровья и хороших партнерских отношений менее значимы. Они имеют более высокий уровень оптимизма, чем пожилые, в отношении своего будущего, но их отличают пессимистические взгляды на будущее общества. Для юношества, находящегося в менее благоприятном положении, более важное значение имеют доходы, гарантии занятости и свободное время, для женщин и тех, кто находится в более выгодном положении, характерны стремления к интересной работе и ее высокому исполнению (Social, 2014).

Однако тенденции смещения представлений у молодых людей о ценностях супружества и его романтизации к альтернативной прагматизации не означают снижения духовно-нравственной культуры отношений. Скорее, это внесение в свои представления элементов определенной практичности и зрелости, значит, и большей психологической готовности к реалиям брачных отношений (Парыгин, 1999). Как видно, фокус исследовательского внимания сосредоточен на ценностных аспектах семьи в контексте ее современных изменений, где сами ценности выступают значимыми образами действительности, результатом сознательного оценочного выбора жизненно важных предметов и объектов. Ценности формируют установку субъекта деятельности, определяют направленность социального поведения индивида, выполняют интегративную роль в обществе, образуя самый устойчивый остов общественной системы.

Основная часть

Динамичность социальной и индивидуальной жизни определяет актуальность изучения воззрений о ценности семьи и брака в молодежной среде посредством

использования системного (М. Боуэн, А. Я. Варга, Ю. Н. Долгов, В. М. Смирнов и др.) и ценностного (В. Н. Мясичев, А. В. Петровский, В. И. Чупров, М. С. Яницкий и др.) подходов, основных идей теории социальных представлений (Т. П. Емельянова, С. Москвиса, Е. В. Якимова и др.). В них выделяются понимание субъективной сути изучаемого феномена, критерии оценки и отношения к реальным явлениям, личностного смысла для конкретного человека (Гурко, 2016; Долгов, 2012).

В итоге сформулированы следующие теоретические основания исследования:

1. Семейные ценности выступают символами интеграции личности в социум, определяют выбор целей и способов организации жизнедеятельности и взаимодействия в семье, характеризуются субъективной значимостью и положительной либо отрицательной направленностью.

2. Социальные представления есть система ценностей, идей и практик, определенное множество утверждений и объяснений для ориентировки в изменяющейся действительности.

3. В процессе предоставления информации и определенного рода воздействия посредством интериоризации определяются значимые смысловые категории, наделяемые общими признаками и свойствами, моделируется картина прогнозируемой реальности.

4. Матрица будущего – совокупность знаний, представлений и установок, символических и архетипических образов о семье, упорядоченных в систему и спроецированных на перспективу, которые выступают как основа будущих действий и поступков человека.

Основная цель работы состояла в изучении системы семейных ценностей студенческой молодежи, где новизна исследования проявляется в определении и выявлении совокупности представлений и установок студентов о семье, определяющих систему семейных ценностей, для чего были определены ключевые единицы анализа (семья и брак, любовь и идеал, отношения и роли, супружество и родительство).

Методы

Комплексное изучение системы представлений о семье и браке, супружестве и отношениях, материнстве и отцовстве проведено на выборке студентов белорусских вузов (Минск, Витебск, Гомель) возрастной категории от 18 до 20 лет (415 чел.) с учетом половой принадлежности и временного контекста проведения срезов (2004, 2011, 2014). В работе применялись следующие психодиагностические методики: «Рольные ожидания и притязания» (А. Н. Волкова), «Отношение к жизни в семье» (Т. Шрайбер), «Шкалы традиционного материнства и отцовства» (М. Whatley, D. Knox), «Трансактный анализ общения» (Э. Берн), «Гендерная культура» (Г. В. Вержибок), анкеты «Установки на создание семьи», «Шкалы мотивов вступления в брак» (С. Н. Бузова, А. К. Воднева), «Хотели ли бы вы создать семью с человеком, который ...» (Sprecher, Sullivan & Hatfield, модиф. Г. В. Вержибок), эссе с последующим выделением структурных единиц анализа. Данные были обработаны с помощью программного обеспечения SPSS 19.0 for Windows (средние значения, процентное соотношение, контент-анализ, U-критерий Манна-Уитни).

В частности, эссе является творческой формой контроля усвоенных знаний, имеющей аналитико-рефлексивный характер. Выполнялось после проведения авторского спецкурса «Гендерное образование: подготовка молодежи к семейной жизни» и выражало результат индивидуальных впечатлений и соображений

по изучаемому вопросу. Самостоятельное размышление побуждает студентов делать сравнения и обобщения, формулировать новые проблемы, подчеркивает индивидуальную позицию. Ответы оценивались с точки зрения содержательного наполнения (объем, широта, направленность, отношение).

Результаты

В ходе обработки первичных результатов психодиагностических срезов и анализа студенческих эссе были выделены основные области, посредством которых был сделан анализ семейных ценностей. Это такие смысловые единицы, как семья как ценность и значимость (семья, брак, любовь), супружество как ориентация на создание будущей семьи (идеал, отношения, роли), родительство как понимание материнства и отцовства. При анализе эссе включены три составляющие представлений о семье: информированность о семье оценивалась по степени освещенности (полнота, четкость, объем), отношение к семье связано с детализацией параметров семейной жизни (мотивация, подготовленность), эмоциональная направленность отношения (позитивное, негативное). Использовались психодиагностические и опросные методы, методы статистической обработки данных. В представленных данных в скобках указаны год среза и пол респондента, показатели средних значений, величина связи переменных, статистическая значимость различий.

Ценность семьи — понимание значимости семьи

Зафиксирован достаточно высокий уровень понимания ценности семьи в среде студенческой молодежи — его продемонстрировала более чем половина опрошенных респондентов (53%), где средний показатель с повышением возрастных рамок имеет тенденцию к увеличению. Направленность на семью у студентов связана с семейной ментальностью и гендерной культурой, формированием позиции «взрослого» и достижением субъективного благополучия ($p \leq 0,001$). Показатели общения с друзьями ($r = 0,49$), активности ($r = 0,41$) и образованности ($r = 0,47$), готовность к ответственности ($r = 0,42$) выступают весьма значимыми факторами привлекательности будущего партнера. Проявление личностной активности ($p \leq 0,004$) опосредуется принятием противоположных качеств (ценностей, взглядов) будущего партнера ($p \leq 0,05$), такое положение проявляется, в большей мере у студентов из полных семей ($p \leq 0,003$). Такие понятия, как «семья», «дети», «финансовая поддержка», получили у опрошенных по 30%.

Семья. Респондентами были выделены основные позиции ключевого понятия, имеющие разносторонний характер мнений. Для них семья — это «жизнь, ее продолжение, безумно нужное» (2011, д.), «единое целое, части которого не могут существовать друг без друга» (2014, ю.), «место, где ты чувствуешь, что ты нужен кому-то, о тебе заботятся, ты для всех самый дорогой человек» (2014, д.), «где можно выплеснуть свои переживания и поделиться радостью» (2014, ю.), есть «самые близкие люди, которые всегда поймут, помогут и найдут доброе слово, чтобы утешить» (2014, д.).

Высказывания отражают достаточно высокий уровень метафоричности ответов, где акцентируется прежде всего эмоционально-ценностный аспект. «Семья — это дерево, родители — корни, их отношения — ствол, на котором вырастают веточки — дети» (2014, д.), «взлетная полоса, ведущая самолет к взаимопониманию и дружбе,

поддержке и самосовершенствованию» (2014, д.), «тот островок в бешеном мире, где можно укрыться от переутомления и неприятных эмоций» (2004, д.), «нежный цветок, который цветет только тогда, когда его оберегают, когда он чувствует, что его любят, что он кому-то нужен» (2014, д.). Счастливая семья — «у истоков которой стоят два человека, которым хочется быть вместе, и они с радостью выполняют свое назначение — растят детей, создают для них атмосферу защищенности» (2014, д.). «Хочу, чтобы моя будущая семья была тем самым маленьким “государством”, в котором каждому человеку было бы тепло и уютно» (2004, д.).

Брак. Выступая как механизм социального регулирования отношений между мужчиной и женщиной, брак направлен на поддержание непрерывности жизни. Его смысл раскрывается молодыми людьми как «союз и гармония тех людей, которые всегда стремятся стать ближе друг к другу, и душой, и телом» (2014, ю.), где есть «стремление делить радость и горе с близким человеком» (2011, д.). Браки, в основе которых лежат личный свободный выбор и взаимное согласие жениха и невесты, стали социальной нормой (Антонова, 2017). В ответах студентов подчеркивается важность добрачных отношений, которые «формируют не только платформу для будущей семьи, но и основу межличностных отношений в целом» (2011, ю.). «Каким бы долгим ни был роман, брак — это совсем другое, это новые обязанности» (2004, ю.). Есть мнения о гражданском браке, который принимается, ведь «мир меняется, меняются представления к жизни, но не меняются чувства» (2011, д.). Подчеркивается личный вклад каждого, так как «вступают в брак все, кто хотят, остаются в нем лишь самые твердые, настойчивые, терпеливые» (2011, д.).

Любовь. Категория, которая набрала большое количество суждений и отражает желаемую, позитивно направленную основу построения семейного союза. «Семья создается двумя любящими людьми, готовыми отвечать друг за друга и связать свои отношения на всю жизнь» (2011, д.), «строится на взаимной любви, доверительных отношениях и взаимопонимании» (2004, д.). «Подпись в загсе есть только подтверждение любви, которая есть подтверждение жизни» (2011, д.). По их мнению, «любить — это значит понять и принять другого человека, впустить его в свой мир, поверить в него и заставить его поверить в самого себя, это чувствовать друг друга, дышать друг другом» (2011, д.). «Любовь — чувство хрупкое, нежное, поэтому беречь его — обязанность тех двоих, которые получили его в подарок» (2014, д.). Однако «без любви я не могу представить свою семью, союз двух половинок, это лишь жалкая пародия, тень отношений между мужчиной и женщиной, их детьми, родными, она делает людей несчастными, обозленными на весь мир или еще хуже — просто равнодушными ко всему» (2011, д.).

Установлено, что студенты, наиболее существенные знания о семье / образ семьи (62%), более ответственно относятся к ее созданию, ориентированы на чувство долга, а не на удовольствие и удовлетворение личных потребностей, имеют представления о бережливом отношении к деньгам, разумной экономии и планировании семейных расходов ($p \leq 0,01$). Категория лиц с недостаточно полной информацией демонстрирует не очень серьезное отношение к браку, мало представляет, в чем состоит предназначение семьи и считает, что планировать семейный бюджет не обязательно ($p \leq 0,05$). При этом почти каждый пятый респондент (18%) не считает семью главной жизненной ценностью. Студенты с негативным отношением к семье отмечают доминантные признаки поведения

(умение настаивать на своем), выступают за распространение индивидуализма и личной свободы, суть гендерного равенства понимают как некоторую раскрепощенность и вседозволенность поведения ($p < 0,05$).

Осознанное супружество — ориентация на создание будущей семьи

Отмечается высокий уровень направленности молодежи на создание своей будущей семьи (18,56 по среднему значению), признание значимости культуры будущих отношений (18,0) и сферы социального окружения (15,61), формирующей фундамент направленности взаимодействий и семьи как таковой (14,73). Параметры обеспеченности и статусного положения, критерии внешнего облика не столь значимы (соответственно — 9,63 и 10,0). Существенны готовность к ответственности (6,87) и контакт с другими (6,53), акцентируется стремление к личностному росту (6,4) с включением положительного оценивания наличия детей (6,36).

Основными мотивами вступления в брачный союз большинством опрошенных (72%) выделены любовь к будущему спутнику жизни, духовная близость (34%) и гармония в интимной жизни (22%). Присутствует определенный практицизм — для решения жилищных проблем (25%), желание узаконить отношения и решение материальных проблем (по 20%), есть воздействие иных людей — родителей (23%). В меньшей степени предпочтений у студентов зафиксированы такие мотивы, как необходимость в связи с рождением ребенка и желание иметь детей (по 17%), уверенность в преимуществе семейной жизни (14%), стремление избежать одиночества (13%). «Чтобы узнать больше о своем человеке, следует посмотреть на его родителей» (2004, ю.).

Мотивация на создание семьи связана с культурностью будущего спутника ($r = 0,41$), которая определяет мировоззренческую основу убеждений (16,58 по среднему значению, $r = 0,27$) и готовность к ответственности ($r = 0,47$). Чем больше активность будущего партнера ($r = 0,25$), тем меньше противоположность интересов ($r = -0,26$). Знаки внимания не всегда существенны ($r = -0,25$), достижение согласия и единства мнений в семье происходит за счет расширения опыта с противоположным полом ($r = 0,26$). Большинство молодых людей считают наличие чувств между потенциальными партнерами важным мотивом принятия решения о вступлении в брак (Антонова, 2017).

Идеал. Идеальный образ является ориентиром желаемых качеств членов своей семьи, одно из понятий, наиболее полно и широко раскрытое в суждениях как девушек, так и юношей. Отмечается высокий уровень должествования, выбор традиционно-стереотипных качеств, инвертированность представленных образов.

Идеальный муж — это «любящий и любимый, уверенный в себе, заботливый, с чувством юмора, который в состоянии обеспечить семью и не прочь помочь по хозяйству» (2014, д.), «должен быть целеустремленным, мастером своего дела, обладать организаторскими способностями и уметь чего-то добиться в жизни» (2014, д.), «глава семьи, авторитет которого держится на интеллектуальном и эмоциональном лидерстве» (2014, д.). Личностные качества ориентированы на его социальные свойства, демонстрирующие успешность, статусные достижения, при этом он «относится к ней с уважением, разделяет ее взгляды и увлечения, оставляет право на личное пространство, верен семье всегда и во всем» (2004, д.), «сможет всю свою жизнь посвятить семье» (2011, ю.).

Однако мужчина, наряду с традиционно маскулинными, наделяется априори и женскими чертами: «мой муж будет сильным, надежным, мужественным, верным, независимым, надежным, любящим, заботливым, понимающим» (2011, д.), он «умный, красивый, добрый, щедрый, состоятельный, неупрямый, понимающий, сексуальный» (2014, д.). Интересно, что отчим также может стать примером и тем стандартом, по которому девушки сверяют свои представления о будущем муже — «это идеал как мужчины, так и мужа, он очень самостоятельный человек, его я ценю за заботу и умение избегать конфликтов» (2014, д.).

Женский идеальный образ не так ярко трансформировался, в основном представленные черты отражают традиционалистские взгляды. Идеальная жена — «умная, нежная, добрая, трудолюбивая, скромная, бережливая, верная» (2011, ю.), «остроумная, красивая, умеющая слушать, заботливая» (2011, ю.), «самодостаточная, любящая мужа и детей, ласковая, всегда разная, мастерица» (2014, д.). Она оказывает «моральную и духовную поддержку, понимающе относится к мужу, любит детей, дает им право на ошибку, создает уют в доме» (2004, д.), «мудрая женщина, которая знает, когда пожаловаться или смолчать» (2014, д.). У юношей часто выделены физические характеристики (рост, глаза, фигура), девушки женский идеал описывают многогранно. Есть мнение замужней студентки: «Жену я представляю трудолюбивой и небрезгливой к любой работе, терпеливой и очень разной» (2004, д.).

Роли. Ролевые позиции молодежи предусматривают вариативность их распределения, наделение определенными правами и обязанностями каждого из членов семьи. Наряду с традиционным устройством семьи предполагается и построение новой матрицы отношений — эгалитарной семьи. «Чтобы все делалось сообща и у каждого были свои обязанности» (2004, д.), «главы в семье нет, это прерогатива обоих» (2011, д.), «нет никакой дискриминации или разницы в том, муж ты или жена» (2011, д.). Порой утверждается смешанный, вариативный тип построения семейных отношений. «У нас будет патриарх (по образцу родителей), но муж будет помогать мне в воспитании детей и поддержании порядка, здорового климата дома» (2011, д.). «Муж зарабатывает деньги, но он не обязательно глава семьи, жена тоже работает, часто она глава семьи и принимает важные решения» (2004, д.). Подчеркивается личный вклад каждого и «для того, чтобы семья была полной и гармоничной, супруги должны постоянно работать над собой, следить за своими поступками» (2011, д.), «стремиться к личностному росту каждого из них» (2014, ю.).

Отношения. В ответах студентов просматривается характерная для них особая форма межличностных отношений, которые управляются нравственными нормами, традициями. «В семье все должно быть красиво: супруги должны уважать друг друга, любить, боготворить, терпеть, прощать, наслаждаться своим счастьем» (2014, д.). «Семейные отношения должны строиться на любви, взаимопонимании и доверии» (2011, д.), «основываться на взаимопомощи и огромной дружбе» (2014, д.). Обозначено понимание значимости духовно-культурной близости супругов, которые «должны постоянно показывать друг другу любовь, уважение, оказывать знаки внимания, тогда семейный союз окажется удачным, счастливым и долговечным» (2011, д.).

В их высказываниях семейный союз, правила конкретной семьи становятся все более уникальными, семейные сценарии индивидуализированы. «С одной стороны, людей что-то должно объединять, но не все интересы и мнения должны быть схо-

жими, должно быть что-то и разным, чтобы люди дополняли друг друга, узнавали что-то новое» (2014, д.). Это высказывание подтверждает теорию межличностной аттракции и теорию взаимодополняющих потребностей, согласно которым люди сближаются вследствие различия интересов и потребностей. Есть и другая точка зрения, когда «у нас с мужем должны быть одинаковые взгляды на жизнь, общие интересы, мнения, вкусы» (2014, д.).

В идеале, супруги должны обладать многими положительными качествами, следовательно, должны работать над собой и постоянно саморазвиваться. «Чтобы добиться совместимости супругов, нужно сначала как следует изучить друг друга, уметь находить общие темы для разговора, уважать привычки другого человека, не пытаться его переделать» (2014, д.). Необходимость воспитания терпеливости понимается как «готовность идти на уступки, принятие своей половинки такой, какая она есть» (2011, д.), «нужно совместно преодолевать трудности, интересоваться друг другом» (2014, д.), «ставить себя на место другого, попытаться понять и исправить свои ошибки» (2011, д.). «Хорошая семья есть ежедневный труд каждого из его членов, работа над собой и над укреплением отношений друг с другом» (2014, д.).

Ответственное родительство — отцовство и материнство

Неотъемлемой частью качественного воспитания и благополучия ребенка, как считает 1/3 опрошенных, выступает значимость материального обеспечения (32%). «Сегодня нужна постоянная работа супругов, стабильный заработок, отдельная квартира или дом» (2004, д.), «мы с мужем будем вдвоем работать, но мужчина делать должен больше» (2014, д.). «В моей идеальной семье двое детей, трое — это максимум» (2011, д.). «Раньше я хотела, чтобы у меня было очень много детей (7), сейчас считаю, что двое — это оптимальный вариант. Самая главная проблема — деньги, т.к. дети должны хорошо питаться, их надо одеть, обуять. Актуальна проблема жилья» (2004, д.). «У меня в семье обязательно будет ребенок (или несколько), который не будет нуждаться ни в чем» (2014, д.). Отношения в семье «важны для того, как дети будут воспринимать окружающий мир» (2011, д.).

Родительство. В область сознательно планируемых жизненных стратегий входит понятие «ответственное родительство», обозначающее связь и с поддержанием жизни, и между родителями и детьми, важность их вовлеченности в воспитание ребенка и его приобщения к культурным и духовно-нравственным ценностям общества (Дунаева, 2016).

Практически у половины студентов (46%) зафиксированы мнения, где раскрывается значимость наличия детей и общности интересов, способствующих стабильности отношений между членами семьи. «Дети — это самый главный общий интерес у мужа и жены» (2011, д.), «важно, чтобы они были желанны обоими супругами» (2014, д.), «ребенок основное составляющее семьи, центр, определяющий взаимоотношения в семье» (2011, ю.), «без детей жизнь теряет смысл» (2011, д.), это «большое испытание на прочность семьи» (2014, д.). «Дети видели бы в родителях крепкую опору, а родители в своих детях — надежду, продолжение» (2004, д.).

Большинство студентов (72%) считает, что без настоящей и искренней любви к своему ребенку нельзя воспитать хорошего человека. «Только в счастливой семье ребенок не одинок, он живет там, где его любят» (2011, д.), «время и внимание — главное, что ему нужно» (2014, д.). «ребенок должен чувствовать любовь и заботу матери и отца» (2014, д.). «С самого рождения мы окружим нашего ребенка лю-

бовью и заботой, именно это является залогом хорошего развития детей» (2011, д.). «Ребенок должен родиться уже в семье, а не семья должна родиться как факт появления ребенка» (2011, д.).

Материнство. Сегодня материнство равноценно другим значимым ценностям самоактуализации женщины и имеет определенный путь сензитивных периодов становления (Дунаева, 2016). Данные срезов показали (наивысший балл выбора варианта ответа — 7), что у большинства опрошенных материнство действительно есть неотъемлемая часть жизни женщины (5,38), «рождая ребенка, мы главным образом делимся с ним своей жизнью» (2011, д.). Для ребенка жизненно необходимо присутствие матери в период своего детства (5,3), «любовь матери помогает формировать в ребенке личность — собственное Я» (2014, д.). Немаловажно знать, что твой мама или папа — это в первую очередь друг (38%), это и есть доверие (34%), «хочу стать для них не просто мамой, учителем, а настоящим другом, чтобы они делились самым сокровенным» (2014, д.).

Отцовство. Готовность к отцовству есть интегральная характеристика суммирования обретения социальной зрелости и компетентности, значимый аспект самоактуализации (Дунаева, 2016). Средние значения здесь показали меньшие значения, чем при оценивании материнства: главная обязанность отца в семье — финансовое обеспечение (5,02), отцы не весьма активно участвуют в жизни своих детей (4,78). Однако в своих высказываниях молодежь раскрывает вопросы значимости детей и вклада усилий по их воспитанию. «Мужчина всегда должен нести ответственность за свои поступки» (2011, ю.), «надо воспитать ребенка, отдать себя, самое лучшее, что есть, все, что необходимо для хорошего детства» (2004, ю.). Мнения студентов раскрывают четко выраженную ответственность за свои действия, когда «нормальный мужчина просто не имеет права лишить своего ребенка семьи, в которой будут мама и папа» (2014, д.), «он должен проводить с время с ребенком и быть настоящим отцом» (2014, ю.). Думается, что ранее представленное высказывание об авторитете отца, который «значительно упал, важна культура отцовства» (2004, ю.), на данный момент потеряло свою актуальность. Однако «всегда есть те, кто боится или не готов к нему, отцовство — экзамен на социальную и нравственную зрелость мужчины» (2014, д.).

При выявлении дифференциации и сравнении изучаемых показателей представлений о семье и браке, родительстве по признаку пола у студентов выявились некоторые существенные моменты. Интегрирующими показателями выступили позиция «взрослого» ($p = 0,05$), направленность на семью ($p = 0,05$), реальное психологическое благополучие ($p = 0,01$), дифференцирующие связи выявляют приоритет той или иной области — семейной или гендерной.

У девушек ответы в эссе представлены более развернуто, по сравнению с юношами ($p \leq 0,001$), ими указывается распределение ролей, наделение правами и обязанностями всех членов семьи. Подчеркивается эмоциональная сторона отношений в семье (76% против 49% ответов у юношей), с взрослением приходит лучшее осознание позитивности отношений в паре и между людьми ($p \leq 0,03$). У них выявлено больше взаимосвязей показателей между собой, где гендерная толерантность и позиция «взрослого» связана с семейными ценностями, климат и отношения в семье помогают определить личностную направленность на будущую семью ($p \leq 0,01$), статус семьи апробирует автономность и перспективу, но снижает межличностную толерантность ($p \leq 0,05$). Для девушек характерна общая

направленность на семью ($r = 0,38$, $p \leq 0,001$), более современный взгляд на роль матери (4,62). Они выбирают спутника старше себя ($r = 0,41$), внешность имеет относительное значение ($r = 0,24$), более важными являются такие показатели, как внутренний мир, способность сопереживать, интересы и увлечения будущего супруга. Если в вопросах проектирования будущего осуществляется перенос социальных знаний и навыков из родительской семьи на свое будущее, то по аспектам дистанции и независимости их мнения более ярко выражены.

Юноши формируют позицию «опеки» посредством выбора роли «родитель», которая связана с ценностями и традициями семьи, для них важным выступает материальное обеспечение, они готовы в этом плане взять на себя ответственность ($p \leq 0,01$). Ролевые ожидания у них оформляются несколько ранее, чем у девушек, благоприятный психологический настрой позволяет им быть ориентированным во временном пространстве ($p \leq 0,00$). Они традиционно сначала оценивают внешнюю привлекательность девушек, а затем черты их характера, интересы и пр., при этом выявлен патриархальный взгляд на роль матери (5,11).

Дискуссия

Установлено, что представления о семейных ценностях и установки молодежи, их суждения о семье имеют сложный многоступенчатый характер и связаны с готовностью познания себя и других, рефлексией ценностно-смысловой сферы, актуализацией потребности получения и освоения информации о будущем супружестве и родительстве. Будучи частью социума, юноши и девушки приобретают определенный субъективный опыт, который выступает как внутренняя позиция, включающая личностное осмысление требований предметно-социальной и культурной среды.

В представлениях молодежи раскрывается значимость самой семьи и ее позитивного потенциала, где общность интересов способствует стабильности будущих отношений между ее членами. По их мнению, семья играет особую роль в общественном развитии, выполняя присущие только ей специфические социальные функции, создает особый внутрисемейный микроклимат, обеспечивает психологическую и экономическую поддержку своим членам. Гендерные различия в смысловых единицах семейных ценностей малозначимы, что связано, возможно, с феминизацией образовательного пространства вузов гуманитарной направленности.

Образ идеальной семьи представлен параметрами возраста вступающих в брак — это 23–25 лет, присутствует равноправие мужа и жены, обязательно наличие детей, так как дети положительно влияют на отношения в молодой семье, желательно отдельное проживание и финансовая независимость от родителей. Идеальный муж должен быть любящим мужчиной, умным, добрым, целеустремленным, другом, идеальная жена — это женщина ласковая, заботливая, любящая, красивая. Отмечается ответственность по вопросу рождения ребенка, они не склонны заводить детей, не будучи уверенными, что смогут его обеспечить. Семейная ментальность и гендерная культура взаимосвязаны, опосредуют реальное психологическое благополучие, потенциальные резервы задействованы с развитием культуры межгендерных отношений.

Центральной тенденцией в высказываниях студентов выступает обобщенный портрет будущей семьи нормативно-декларативного характера с выделением ее функционального назначения. Демонстрируется готовность к предзаданности ти-

пических моделей семьи, отмечается идеалистичность представлений с акцентом на пролонгированный вариант их реализации, при этом недостаточно конкретизированы картина действий ее членов и параметры их взаимодействия. Взгляды на семейные отношения у современных студентов достаточно консервативны, что позволяет им сохранить адекватное понимание таких понятий, как «брак» и «семья», в изменяющемся социуме.

Полнота ответов более ранних срезов (2011–2014) позволяет утверждать мнение как о повышенном и устойчивом интересе молодежи к самой проблематике, так и о результативности проведения данной формы работы (спецкурс). Фрагментарность и нечеткость отзывов последних лет (2015–2018) обозначили круг проблем эмоционального плана и формулирования студентами собственных смысловыражений, сделав актуальным запрос на корректировку и развитие мыследеятельности, формирование личностных качеств коммуникативной направленности.

Результаты данного исследования в некоторой части совпадают с мнением иных авторов, например, по вопросу мотивации и выбора брачного партнера, акцентирования индивидуалистических, а не общественных, ценностей. Однако не подтверждаются данные о высоком прагматизме студенческой молодежи, динамике мнений о семье и браке, проявлении «отложенного» супружества и родительства. Некоторым образом это можно объяснить временем проведения срезов, которые в большинстве своем осуществлялись после проведения спецкурса, включающего вопросы подготовки молодежи к семейной жизни. Возможно, сформированность когнитивного и эмоционального компонента и позитивная направленность на принятие семьи как ценности, что отражено и в эссе студентов, позволяют утверждать о результативности вложенных усилий, правильности и необходимости проведения такого рода образовательно-просветительских мероприятий в образовательных учреждениях.

Заключение

В результате изучения положения семьи в современном обществе можно обоснованно говорить более о кризисе самого института брака, чем о кризисе семьи или потере ее ценности. Институты семьи и брака сегодня приобретают новые функции, смыслы и характеристики, отличающиеся от традиционных, что приводит к измененным социальным взаимодействиям, и раскрывают широкий спектр индивидуальных практик. Образованные на основе иерархической ценностной системы, цели и мотивы определяют семейную направленность, а доминирующие ценности — типаж семейного поведения (Нозикова, 2016). Принятие постмодернистских либерально-демократических ценностей, основанных на индивидуализме, важности карьерного роста и самореализации не означает, однако, что семья становится менее важной ценностью в общественном сознании (Бутаева, 2010). Кризисные явления детерминируют модификации, но предполагают сохранение семьи и ее эволюцию как обновленного социального института. Ценности и устремления можно рассматривать в качестве личностно-развивающих ресурсов семьи, формирующихся в позитивном пространстве супружеского и детско-родительского взаимодействия (Ткаченко, 2008). Паттерны изменений в семье образуют матрицу как эмоционально-смысловой портрет ситуации, внутри которой происходит психологический рост ее членов, выявляют многообразие альтернативных выборов и индивидуальных вариаций.

Представленные эмпирические данные подтверждают переход молодежи к самостоятельности и большей автономизации, усвоению модифицированных ценностей,

новых форм и моделей поведения, что свидетельствует о динамическом характере процесса качественных изменений. Высказывания студентов о будущей семье практически полностью подтверждают суждения и исследования многих авторов о том, что семья в молодежной среде выступает значимой ценностью их предполагаемого будущего. Для них выбор спутника жизни, заключение брака, рождение и воспитание детей, создание материального благополучия и морально-психологического микроклимата — это не только большие надежды, радости, но и решение множества неизвестных ранее проблем. Именно поэтому предмет подготовки молодежи к семейной жизни становится весьма важным и актуальным сегодня.

В связи с этим предлагаются следующие рекомендации по совершенствованию системы действий социальных институтов и работников образования в области включения семейных ценностей в молодежную среду:

- создание культурно-образовательного пространства и субъектно-ориентированных отношений для приобретения новых способов осмысления и конструирования окружающего мира;
- организация образовательно-просветительской работы с молодежью по вопросам семейных ценностей, династий и родословных, подготовки к вступлению в брак, аспектам репродуктивного здоровья и воспитания детей;
- введение во всех образовательных учреждениях в декларативном порядке спецкурсов по подготовке к семейной жизни, культуре семейных и гендерных отношений с приглашением специалистов разного профиля;
- расширение сферы образовательных и информационных, психолого-педагогических, правовых и медицинских, консультационных и иных услуг в области семейного функционирования и психологически успешного взаимодействия;
- проведение и поддержка комплексных научных исследований, включение мониторинга и формирование базы данных, объединение усилий специалистов разной направленности гуманитарного профиля.

В перспективе проведения последующих исследований возможно обозначение этнокультурного и кросс-культурного контекста представлений современной студенческой молодежи о семейных ценностях, динамики и закономерностей их формирования, уточнение типологии и иерархии ценностей, доминирующих предпочтений, изучение связи предполагаемых ожиданий будущих событий с их реализацией в семейной жизни и психологическим благополучием, выявление специфики проявлений у представителей разных поколений и социально-возрастных групп. Интересным было бы рассмотрение контекста полученных результатов с точки зрения категориальной системы психологии, например, с использованием кластерно-уровневых вариаций «теории теорий» А.В. Петровского.

Комплексный и междисциплинарный анализ основополагающих компонентов представлений о семейном укладе у молодежи позволяет целенаправленно воздействовать на их ценностно-смысловую сферу, обосновывать более четкую разработку семейной политики общества, что обеспечивает разрешение социальных противоречий в локальном масштабе и регуляцию на макроуровне демографических процессов на макроуровне. Переживая кризис и модифицируясь, семья по-прежнему остается важнейшей средой социализации подрастающего поколения, сохранения и передачи ценностей от одного поколения к другому,

стабилизирующей и ресурсной единицей функционирования и безопасности, устойчивого развития самого социума.

Библиографический список

- Баскова Н. А. (2009). Особенности подходов к решению демографических задач в современной России. *Вестник Челябинского государственного университета*, 1, 60–71.
- Антонова, Н. Л., Щербакова, М. В. (2017). Брачный выбор: поворот к рационализации. *Дискуссия*, 8 (82), 44–47.
- Башманова, Е. Л. (2016). Социальная готовность регионального студенчества к семье, браку и родительству в призме трансформации ценностей современной молодежи. *Ученые записки*, 4 (40), 185–198.
- Бернгард, Е. В. (2016). Ценностные ориентации студенческой молодежи Беларуси на брак и семью. *Вестник МДПУ імя І. П. Шамякіна*, 2 (48), 63–67.
- Булкин, Ю. А. (2015). *Институт семьи в социологическом исследовании проблем стратификации современного общества* (Автореферат канд. диссертации). Краснодар.
- Бутаева, М. А. (2010). Формирование ценностных ориентаций в семейной жизни. *Социосфера*, 2, 55–59.
- Гурко, Т. А. (2016). *Теоретические подходы к изучению семьи*. М.: Институт социологии РАН.
- Дементьева, И. Ф. (2011). Отношение молодого поколения к семье как жизненной ценности. *Социальная педагогика*, 6, 97–103.
- Долгов, Ю. Н., Смирнов В. М. (2012). *Системный подход к исследованию семьи и семейных отношений*. В *Актуальные проблемы педагогических и психологических наук* (Материалы международной заочной научно-практической конференции Часть II. 30 июля 2012 г.), 147–150. Новосибирск.
- Досина Н. В., Смирнов Я. О. (2009). Демографическая политика в гендерном контексте. *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова*, 1, 69–76.
- Дунаева, О. Н. (2016). Гендерный ресурс общества: супружество и родительство. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*, 2 (4), 38–49.
- Егорова, Н. Ю. (2013). Современное супружество: модели отношений. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 4 (32), 20–26.
- Емельянова, Т. П. (2014, Май / Июнь). Будущий брак в социальных представлениях юношей и девушек студенческого возраста. *Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»*, 3. Режим доступа http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/3/Emelianova_Marriage-Students/
- Ильиных, С. А. (2014). Типология семейного сознания студенческой молодежи: опыт социологического анализа. *Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия*, 1 (14), 50–57.
- Кукулин, М. (2010, Август 11). Новое родительство и его политические аспекты. *Полит.ру*. Режим доступа <http://polit.ru/article/2010/08/11/parents/>
- Кучмаева, О. В., Кучмаев, М. Г., Петрякова, О. Л. (2009). Трансформация института семьи и семейные ценности. *Вестник славянских культур*, 3 (13), 20–29.
- Левина, Л. В. (2000). *Эволюция семейно-брачных отношений в условиях развития современного общества* (Автореферат канд. диссертации). Курск.
- Маленова, А. Ю., Самойленкова, А. В. (2014). Представления о брачно-семейных отношениях студенческой молодежи: социально-психологические риски и ресурсы. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, 1, 43–51.

- Морозова, Е. А. (2010). *Психология семейной ментальности у молодежи* (Автореферат докт. диссертации). Санкт-Петербург.
- Нозикова, Н. В. (2016). Доминирующие ценности семейной целенаправленности в зависимости от некоторых социально-демографических факторов. *Социальная психология и общество*, 7 (4), 56–67.
- Парыгин, Б. Д. (1999). *Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории*. СПб: ИГУП.
- Ростовская, Т. К. (2015). Семья и семейный образ жизни в системе ценностей поколений. *Человек в мире культуры*, 2, 3–9.
- Рыбаковский, Л. Л. (2002). Десятилетие депопуляции в России (причины, результаты, последствия). В Э.Б. Гилинская (ред.) *Социальная сфера: проблемы и суждения (Материалы шестых Мильнеровских чтений)*, 5–9. Москва.
- Сажина, Л. В., Ковалев, В. В., Петрова, М. В. (2016). Проблемы готовности современной российской молодежи к созданию семьи: идеальные и реальные поведенческие модели. *Электронный научный журнал «Инженерный вестник Дона»*, 1. Режим доступа <http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2016/3551>
- Семушин, Д. (2013, Август 14). Брак становится уделом высших страт: эрозия института семьи и игры с ЛГБТ в Европе и США. *ИА REGNUM. Новости. Политика*. Режим доступа <http://www.regnum.ru/news/polit/1695168.html>
- Ткаченко, И. В. (2008). *Личностно развивающий ресурс семьи: онтология и феноменология*. Москва: Кредо.
- Уразаев, А. М., Шелехов, И. Л. (2009). Социальные ожидания современной молодежи, завершающей обучение в вузе. *Вестник ТГПУ*, 1 (79), 76–81.
- Adams, B. (2004). Families and Family Study in International Perspective. *Journal of Marriage and Family*, 66, 1076–1088.
- Elkind, D. (1995). *Ties that stress: the new family imbalance*. Cambridge (Mass); L.: Harvard univ. press.
- Merino, R., & Garcia, M. (2006). Emancipation enlargement and the acquisition of autonomy by young people in Catalonia. *Young*, 14 (1), 35–47.
- Rontos, K. (2010). Demographic trends, young people's attitudes towards marriage and socio-economic changes related to family formation in Greece and in Selected European Countries: A comparative analysis based on official and survey research data. *International Journal of Criminology and Sociological Theory*, 3 (2), 543–562.
- Servaty, L., & Weber, K. (2011). The Relationship between Gender and Attitudes towards Marriage. Режим доступа <https://slidex.tips/download/the-relationship-between-gender-and-attitudes-towards-marriage>
- Social attitudes of young people (2014, December). HM government horizon scanning programme. Режим доступа <http://www.gov.uk/government/publications/social-attitudes-of-young-people>
- Yen, H. (2010, November 18). Leader-Telegram. *The New American Family*, 1A–3A.

Статья поступила в редакцию 29.07.2018
Статья принята к публикации 03.09.2018

Для цитирования: Вержибок Г.В. Семейные ценности студенческой молодежи как матрица построения будущего. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 3. С. 75–95.

FAMILY VALUES OF STUDENT YOUTH AS A MATRIX FOR BUILDING THE FUTURE

H. V. Verzhibok

Halina V. Verzhbyok, Minsk State Linguistic University, Zakharova St., 21, Minsk, 220034, Belarus
E-mail: galina_minsk@mail.ru · <https://orcid.org/0000-0002-5896-2056>

Abstract. The paper analyzes family values among student youth with reference to their future marriage and family life.

The state of the institution of marriage which is rather controversial nowadays is closely connected with the fundamental changes in the life cycle of people and in their marital and family relations. The duality of the current situation is based on the contradiction between the consistent departure from traditional value systems and the claim that cultural traditions remain stable. Family and marriage today acquire new functions, meanings and characteristics that deviate from tradition, and it alters / modifies social interactions, as well as demographic and family behavior. Changes in family patterns form a matrix which reflects the psychological improvement of family members. Dynamism of social and private life determines the necessity to study young people's opinions concerning their values in their environments through systemic approach with the help of the theory of social conceptions. The aim of the research is to work out and reveal the totality of ideas and notions about the key concepts within this field. As a result, we have singled out the following most important units of analysis: family as value (family, marriage and love); marriage as a guiding line for a future family (ideal, interrelations and roles) and parenthood as evaluation of maternity and paternity. To verify the results, we have used psychological analysis and polling, as well as data processing. Essays were subjected to content analysis which included / covered three components of the students' idea of a family. The array slice is represented by 415 first and second-year students at several Belorussian higher educational institutions (Minsk, Vitebsk and Gomel'), with special attention paid to gender and time context (2004, 2011, 2014). It has been found out that the ideas concerning family values and judgments about family life among the youth, have a complicated multi-stage character and are closely connected with the wish to cognize themselves and other people, the desire to reflect over the meaning of values and the sense of life, as well as with striving to get and assimilate information about their future matrimony and parenthood. The image of an ideal family is formed along the following parameters: marriage age (23–25 years old), equal rights for both husband and wife, children, a separate apartment and financial independence from parents. Some results of the research under analysis prove the rightness of the authors who analyze similar problems. However, their conclusions about a high level of pragmatism in marriage motivation and marriage partner among student youth have not been corroborated. This fact allows to state that it is necessary to research the problem in every detail.

Key words: family, marriage, matrimony, parenthood, maternity, paternity, love, ideal, roles, relationships.

DOI: 10.31429/26190567-19-3-75-95

References

- Adams, B. (2004). Families and Family Study in International Perspective. *Journal of Marriage and Family*, 66, 1076–1088.
- Antonova, N. L., Shcherbakova, M. V. (2017). Brachnyj vybor: povorot k racionalizacii [Choice in Marriage: Turn to Rationalization]. *Diskussiya* [Discussion], 8 (82), 44–47.
- Bashmanova, E. L. (2016). Social'naya gotovnost' regional'nogo studenchestva k sem'e, braku i roditel'stvu v prizme transformacii cennostej sovremennoj molodezhi [Social Maturity for Marriage, Family Life and Parenthood among Students in View of Changing Values of Modern Youth]. *Uchenye zapiski* [Scientific Notes], 4 (40), 185–198.
- Baskova N.A. (2009). Osobennosti podkhodov k resheniyu demograficheskikh zadach v sovremennoj Rossii. [Special Features of Approaches to Solving Demographic Problems in modern Russia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 1, 60–71.
- Berngard, E. V. (2016). Cennostnye orientacii studencheskoj molodezhi Belarusi na brak i sem'yu [Value Orientation to Marriage and Family among Belorussian Student Youth.]. *Vestnik MDPU im I.P. Shamyakina* [The Bulletin of MDPU named after I.P. Shamyakin], 2 (48), 63–67.
- Bulkin, Yu. A. (2015). *Institut sem'i v sociologicheskom issledovanii problem stratifikacii sovremennogo obshchestva* [Institute of Family in Sociological Research on the Problems of Stratification in Modern Society] (Abstract of the Cand. Dissertation). Krasnodar.

- Butaeva, M. A. (2010). Formirovanie cennostnykh orientatsiy v semejnoj zhizni [Shaping Value Orientations in Family Life]. *Sociosfera* [Sociosphere], 2, 55–59.
- Dement'eva, I. F. (2011). Otnoshenie molodogo pokoleniya k sem'e kak zhizненноj cennosti [Young Generation's Attitude to Family as a Vitrally Important Concept]. *Social'naya pedagogika* [Social Pedagogy], 6, 97–103.
- Dolgov, Yu. N., Smirnov, V. M. (2012). Sistemnyj podkhod k issledovaniyu sem'i i semejnykh otnoshenij [Systemic Approach to Researching Family and Family Relations]. In *Aktual'nye problemy pedagogicheskikh i psikhologicheskikh nauk (Materialy mezhdunaroy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferencii Chast' II. 30 iyulya 2012 g.)* [Actual Problems of Pedagogical and Psychological Sciences (Proceedings of the International Correspondence Scientific and Practical Conference, Part II, July 30, 2012)], (pp. 147–150). Novosibirsk.
- Dosina N. V., Smirnov, Ya. O. (2009). Demograficheskaya politika v gendernom kontekste [Demographic Policy in the Context of Gender]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova* [Bulletin of Yaroslavl State University named after P. G. Demidov], 1, 69–76.
- Dunaeva, O. N. (2016). Gendernyj resurs obshchestva: supruzhestvo i roditel'stvo [Gender Resources in the Society: Matrimony and Parenthood]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ehkonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research], 2 (4), 38–49.
- Egorova, N. Yu. (2013). Sovremennoe supruzhestvo: modeli otnoshenij [Modern Parenthood: Models of Relationships]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki* [Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences], 4 (32), 20–26.
- Elkind, D. (1995). *Ties that stress: the new family imbalance*. Cambridge (Mass); L.: Harvard univ. press.
- Emel'yanova, T. P. (2014, May / June). Budushchij brak v social'nykh predstavleniyakh yunoshej i devushek studencheskogo vozrasta [Future Matrimony as a Social Phenomenon among Student Youth, both Male and Female]. *Informacionnyj gumanitarnyj portal "Znanie. Ponimanie. Umenie"* ["Knowledge. Understanding. Skill" Journal], 3. Retrieved from http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/3/Emelianova_Marriage-Students/
- Gurko T. A. (2016). *Teoreticheskie podkhody k izucheniyu sem'i* [Theoretical Approaches to Studying Family]. M.: Institut sociologii RAN
- Il'yinykh, S. A. (2014). Tipologiya semejnogo soznaniya studencheskoj molodezhi: opyt sociologicheskogo analiza [The Typology of Family Awareness among Student Youth]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya* [Bulletin of the Buryat State University. Pedagogy. Philology. Philosophy], 1 (14), 50–57.
- Kuchmajeva, O. V., Kuchmajev, M. G., Petryakova, O. L. (2009). Transformaciya instituta sem'i i semejnye cennosti [Transformation of the Institute of Family and Family Values]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 3 (13), 20–29.
- Kukulin, M. (2010, Avgust 11). Novoe roditel'stvo i ego politicheskie aspekty [New Parenthood and its Political Aspects]. *Polit.ru* [Polit.ru]. Retrieved from <http://polit.ru/article/2010/08/11/parents/>
- Levina, L. V. (2000). *Ehvoluciya semejno-brachnykh otnoshenij v usloviyah razvitiya sovremennogo obshchestva* [The Evolution of Marital and Family Relations in the Developing Modern Society] (Abstract of the Cand. Dissertation). Kursk.
- Malenova, A. Yu., Samojlenkova, A. V. (2014). Predstavleniya o brachno-semejnykh otnosheniyakh studencheskoj molodezhi: social'no-psikhologicheskie riski i resursy [The Idea of Marital and Family Relations among Student Youth: Socio-Psychological Risks and Resources]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Psikhologiya"* [Herald of Omsk University Series "Psychology"], 1, 43–51.
- Merino, R., & Garcia, M. (2006). Emancipation enlargement and the acquisition of autonomy by young people in Catalonia. *Young*, 14 (1), 33–47.
- Morozova, E. A. (2010). *Psikhologiya semejnoj mental'nosti u molodezhi* [Psychology of Mentality among Young People]. (Abstract of the Doctoral Dissertation). Sankt-Peterburg.

- Nozikova, N. V. (2016). Dominiruyushchie cennosti semejnoy celenapravlenosti v zavisimosti ot nekotorykh social'no-demograficheskikh faktorov [Domineering Values of Family-oriented Young People and Dependence on some Social and Demographic Factors]. *Social'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 7 (4), 56–67.
- Parygin, B. D. (1999). *Social'naya psikhologiya. Problemy metodologii, istorii i teorii* [Social Psychology. Problems of Methodology, History and Theory]. SPb: IGUP.
- Rontos, K. (2010). Demographic trends, young people's attitudes towards marriage and socio-economic changes related to family formation in Greece and in Selected European Countries: A comparative analysis based on official and survey research data. *International Journal of Criminology and Sociological Theory*, 3 (2), 543–562.
- Rostovskaya, T. K. (2015). Sem'ya i semejnyj obraz zhizni v sisteme cennostej pokolenij [Family and Family Way of Life within the System of Generation Values]. *Chelovek v mire kul'tury* [Human in the World of Culture], 2, 3–9.
- Rybakovskij, L. L. (2002). Desyatiletie depopulyacii v Rossii (prichiny, rezul'taty, posledstviya) [Ten Years of Depopulation in Russia (Causes, Results, Consequences)]. In Eh. B. Gilinskaya (Ed.) *Social'naya sfera: problemy i suzhdeniya (Materialy shestyh Mil'nerovskikh chtenij)* [Social Sphere: Problems and Judgments (Materials of the 6th Milner Readings)], 5–9. Moskva.
- Sazhina, L. V., Kovalev, V. V., Petrova, M. V. (2016). Problemy gotovnosti sovremennoj rossijskoj molodezhi k sozdaniyu sem'i: ideal'nye i real'nye povedencheskie modeli [Problems of Preparedness to Have a Family among Russian Young People]. *Ehlektronnyj nauchnyj zhurnal "Inzhenernyj vestnik Dona"* [E-journal "Engineering Journal of Don"], 1. Retrieved from <http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2016/3551>
- Semushin, D. (2013, August 14). Brak stanovitsya udelom vysshih strat: ehroziya instituta sem'i i igry s LGBT v Evrope i SSHA [Marriage is Becoming the Destiny / the Lot of the Upper Layers of Society: the Erosion of the Institute of Family and Games with LGBT in Europe and the USA]. *IA REGNUM. Novosti. Politika* [IA REGNUM. News. Politics]. Retrieved from <http://www.regnum.ru/news/polit/1695168.html>
- Servaty, L., & Weber, K. (2011). The Relationship between Gender and Attitudes towards Marriage. Retrieved from <https://slidex.tips/download/the-relationship-between-gender-and-attitudes-towards-marriage>
- Social attitudes of young people (2014, December). HM government horizon scanning programme. Retrieved from <http://www.gov.uk/government/publications/social-attitudes-of-young-people>
- Tkachenko, I. V. (2008). *Lichnostno razvivayushchij resurs sem'i: ontologiya i fenomenologiya* [Personal Development Resource Family: Ontology and Phenomenology]. Moskva: Kredo.
- Urazajev, A. M., Shelekhov, I. L. (2009). Social'nye ozhidaniya sovremennoj molodezhi, zavershayushchee obuchenie v vuze [Social Expectations of Graduate Students]. *Vestnik TGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 1 (79), 76–81.
- Yen, H. (2010, November 18). Leader-Telegram. *The New American Family*, 1A–3A.

Received 29.07.2018. Accepted 03.09.2018

For citation: Verzhibok H. V. Family values of student youth as a matrix for building the future. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 3. Pp. 75–95.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

МНОГОСОСТАВНЫЕ ОБЩЕСТВА МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И СООБЩЕСТВЕННОЙ НАЦИЕЙ¹

С. П. Поцелуев, Дж. А. Тимкук

Поцелуев Сергей Петрович, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, д. 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия

E-mail: spotselu@mail.ru · <https://orcid.org/0000-0002-8562-6541>

Тимкук Джулфа Аарон, Министерство иностранных дел Нигерии, 465 ул. Алекс Экуеме, Джаби, Абуджа, Нигерия

E-mail: julfa.timkuk@gmail.com

Аннотация. Данная статья нацелена на осмысление проблем нациестроительства в многосоставных обществах. Для этого авторы прежде всего осуществляют критический разбор ключевых понятий, активно используемых российскими учеными в обсуждении упомянутой проблемы: нация, национальная идентичность, гражданская нация, российская нация и др. Авторы отвергают эссенциалистскую мистификацию (овеществление) и постмодернистскую релятивизацию данных понятий как контрпродуктивную в научном отношении и политически ангажированную. Основываясь на модернистско-конструктивистской трактовке феномена нации, авторы предлагают трехчленную схему для осмысления нациестроительства в многосоставных обществах, выделяя общественный, государственный и собственно гражданский типы. Российский случай гипотетически относится в статье к государственному типу нациестроительства. В этой связи подвергается критике, с опорой на понятие многосоставности российского общества и соответствующие социологические данные, взгляд, согласно которому нет никакой необходимости в строительстве российской нации. Нигерийский же кейс авторы рассматривают в контексте их гипотетического концепта «общественной нации». В статье рисуется подробная картина многосоставной нигерийской политики, расколотой по этноконфессиональным, лингвистическим и прочим линиям. Авторы приходят к выводу, что в этой ситуации выстраивание доверительных отношений между лидерами сегментов нигерийского общества выступает ключевым моментом строительства общественной нации как первого этапа на пути нигерийцев к полноценной гражданской нации. В статье акцентируется важная роль в этом процессе культурно-художественных практик аккультурации и философских идей убунту.

Ключевые слова: многосоставное общество, национальная идентичность, российская нация, гражданская нация, государство-нация, общественная нация, нигерийская нация, доверие, убунту.

Введение

То, что в обществах с этнокультурным разнообразием демократия совместима лишь с гражданским типом нации, есть давно осознанный политической наукой факт (Тишков, 2013). Важно отметить, что специфический гражданский национализм, порождающий соответствующую нацию и существенно отличающийся от этнонационализма (Хобсбаум, 2002: 334–335), как правило, появляется в демократических государствах, создавших прочные институты гражданского общества. Это требует сильных и жизнеспособных политических и социальных институтов. Но как возможен гражданский национализм в разделенном на политизированные сегменты обществе? Очевидно, что строительство гражданской нации в условиях этнокультурного разнообразия западных (социально гомогенных) стран осуществ-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-011-00906 «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов».

вляется принципиально иначе, чем в многосоставных (plural) обществах с этнокультурной сегментацией. Между тем такое строительство — это не утопическая мечта элит данных стран, а условие их выживания как государств. Так, в современной Нигерии концепция нациестроительства является важнейшей внутриполитической проблемой, причем уже в течение длительного времени. Однако призыв к формированию гражданской нации и так называемому restructuring (нигерийский термин, означающий перестройку) стал еще более актуальным с оживлением вопроса о «Биафре»² и в связи с угрозой сепаратизма со стороны различных этнических и социокультурных групп, в особенности с 2015 г. и вплоть до сегодняшнего дня. Крайне актуальным является вопрос о формировании и общероссийской гражданской нации, о чем свидетельствует непростая ситуация вокруг законопроекта о «русской нации» (Проект Федерального ..., 2017).³

Цель данной статьи состоит в том, чтобы предложить пока лишь в виде гипотезы общую концептуальную схему для осмысления нациестроительства в многосоставных обществах. Под ними мы подразумеваем политии, состоящие из различных этнокультурных, расовых, идеологических, лингвистических, религиозных и прочих сегментов (фрагментов) (Лейпхарт, 1997: 41–42). Эти сегментарные различия определяют то, что линии политического противостояния частично или полностью совпадают с линиями социального разделения (Lijphart, 1969: 222–225). Многосоставное общество — это общество с политизированными (а потому конфликтными) сегментами. При этом социальные институты — такие, как образование, СМИ, культурная сфера, НПО, партии и др., имеют тенденцию консолидироваться вдоль линий сегментарного политического противостояния.

Для реализации цели нашей работы мы, помимо концептуальной критики, воспользуемся методом анализа кейсов, а именно двумя его стратегиями, которые А. Лейпхарт квалифицировал как «интерпретативную» и «генерирующую гипотезу» (Lijphart, 1971: 691–692). В рамках этих стратегий мы опишем российский и нигерийский случаи с опорой на нашу трехчленную теоретическую конструкцию типов нациестроительства в многосоставных политиях. При этом главный наш исследовательский интерес будут представлять сами кейсы, прежде всего нигерийский случай, а не теоретическая конструкция во многом гипотетическая. Не менее гипотетическим выступает у нас концепт общественной нации, который мы формулируем при сопоставлении (но без сравнительного анализа) перспектив гражданского нациестроительства в России и Нигерии.

Национальная идентичность как проблематичный концепт

Нацию еще меньше, чем работающую демократию, можно симитировать: она подобно общине верующих есть феномен личностно-интимный. Нация возникает только тогда, когда формируется масса конкретных людей, которые умом и сердцем считают себя органической частью этого культурно-политического

² Самопровозглашенное и частично признанное государство в юго-восточной части Нигерии, существовавшее в период 1967–1970 гг.

³ Любопытно, что первоначально было предложено назвать данный документ «О единстве российской нации и управлении межэтническими отношениями» (Городецкая, 2017). Однако позже разработчики законопроекта – с учетом его критики со стороны разных политических сил – решили отказаться от упоминания в названии закона «единства российской нации» и предложили указанное выше в законопроекте наименование.

единства, т.е. обретают национальную идентичность. Соответственно вопрос о возможности гражданской нации в многосоставных обществах прежде всего упирается в специфику национальной идентичности как таковой в обществах подобного типа.

Стремление осмыслить многообразие типов идентичностей в современных обществах ведет к появлению целого набора концептов, из которых для нашего случая (плюралистических обществ) наиболее актуальными представляются понятия «сложносоставной», «гибридной», «двойной» и другой идентичности. Согласно Е.В. Морозовой, сложносоставная идентичность представляет собой «соотнесение индивида с такой референтной группой, в социокультурных паттернах которой неразрывно слиты две или более разнорядковые идентификационные характеристики» (Морозова, 2017: 325). Российский политолог вводит это понятие с опорой на теорию кливажей С. Роккана, причем именно «кумулятивных» кливажей, «когда линии нескольких разломов совпадают, а отдельные социальные отличия усиливают друг друга» (Морозова, 2017: 326). Таким образом, сложносоставная идентичность (Е.В. Морозова называет ее также «многосоставной идентичностью») может с определенными оговорками (об этом далее) трактоваться как воплощение интенции на строительство гражданской нации в условиях многосоставного общества.

Аналогом того, что в плюралистических обществах с этнокультурным многообразием можно назвать сложно- или *многосоставной* идентичностью, в культурно гомогенных полициях выступает *гибридная* идентичность. По словам И.В. Кудряшовой, такая идентичность «подразумевает мышление поверх исключающих бинарных понятий», а также процесс, в котором «новые социальные формы (комбинации ценностей, установок, предпочтений, факторов) не замещают старые, но соединяются с ними и переосмысливаются» (Кудряшова, 2017: 366). Сходными по смыслу являются, на наш взгляд, концепты *overlapping memberships* и *overlapping identities* (частично совпадающие членства и идентичности), широко используемые в современной политической науке (Rebouché, Fearon, 2005).

На первый взгляд, такие концепты, как «сложносоставная идентичность», «гибридная идентичность», «частично совпадающие идентичности» и т.п., точно описывают специфику идентичности в условиях обществ с этнокультурным многообразием. Но отражают ли эти концепты, строго говоря, условия формирования гражданско-национальной идентичности в многосоставных полициях? И могут ли национальные идентичности (в отличие от иных социальных идентичностей) быть сложносоставными, двойными, множественными или гибридными? Мы считаем, что не могут, потому что национальные идентичности суть идентичности *политические*, а это требует от их носителей сознательных действий, принятия конкретных решений; это не в последнюю очередь вопрос национальной (партийной в широком смысле) лояльности, причем нередко в жесткой форме. Например, быть «русским американцем» (американцем русского происхождения — *American of Russian decent*) — это нечто совсем иное, чем быть «американским русским» (россиянином американского происхождения). Здесь нет «двойной» (Беляева, 2011: 106–109)⁴ национальной идентичности, а есть только

⁴ Хотя именно такого рода феномены («русские евреи» в Израиле, «русские американцы в США, «тбилисские армяне» в Грузии и т.п.) приводятся в качестве примеров «двойной идентичности». Это

одна: русская (российская) или американская. И в пороговой ситуации человек действует и/или вынужден действовать как член российской (русской) либо американской нации, или он вообще в такой ситуации не способен к действию как член национальной общности.

В строгом смысле многосоставной или гибридной *национальной* идентичности не существует (даже если она — полезный пропагандистский концепт), но есть только национальная идентичность, в том числе и гражданского типа, единая и неделимая. И только по своей модификации, т.е. вторичным признакам своего проявления, а не по сути она может быть специфицирована как «многосоставная» либо «гибридная» гражданская идентичность. Из того, что у каждого человека есть множество идентичностей, еще не следует, что у него есть «множественная идентичность». В лучшем случае (а точнее, в случае гибридных и сложносоставных по своей модификации социальных идентичностей) иные идентичности низведены здесь до статуса отдельных идентификаций как моментов целого. Иначе мы бы получили нечто вроде «диссоциативного расстройства идентичности».

Концепт национальной идентичности маркирует чувство личной сопричастности человека к нации как воображаемому сообществу, которое осознается им как реально существующее и значимое для его самоидентификации (Семененко, 2017: 405–406). Заметим, что идентичность есть для нас категория субъективная, поэтому говорить об идентичности общества, нации, партии и т.п. можно только в метафорическом смысле, представляя их как совокупное «лицо» (личность).

Итальянский социолог А. Мелуччи, развивающий с опорой на конструктивистское понимание коллективных действий процессуальный подход к феномену коллективной идентичности, определяет последнюю как «интерактивное, сообща используемое определение, выработанное рядом лиц (или группами на более сложном уровне) относительно направлений их деятельности...» (Melucci, 1996: 70). Очевидно, что само по себе никакое «определение», тем более коллективно выработанное, не содержит характерной для самосознания автореферентности (аутопозности), без чего говорить об идентичности в строгом смысле слова проблематично. Приписывать же автореферентность человеческого сознания «коллективным субъектам» вроде нации или этноса — это значит их мистифицировать или, выражаясь философски, осуществлять их «гипостазирующую реификацию (овеществление)» (Малахов, 2002: 11). А. Мелуччи также пишет об опасности «реификации» (и соответственно необходимости дереификации) понятия коллективной идентичности, когда та рассматривается как «монолитное единство субъекта» (Мелуччи, С. 74). Понимая известную метафоричность (если не сказать оксюморонность) выражения «коллективная идентичность», А. Мелуччи подчеркивает, что она есть «понятие, аналитический инструмент, а не данность или сущность, “вещь” с “реальным” существованием. А когда мы касаемся концептов, никогда не

можно принять только с оговоркой: речь идет не о двойной национальной (политической) идентичности, а о частично перекрывающихся идентичностях разного порядка, пусть и «одинаково значимых для индивида». Говорить же о «двойной национальной идентичности, имея в виду идентификацию граждан с государственной общностью (страной) и одновременно с одной из наций (этнонациональных групп) в составе государства», на наш взгляд, некорректно. На самом деле, к примеру, родившиеся в Германии турки имеют не «двойную» или «гибридную» национальную идентичность, а германскую либо турецкую, и это — одна из причин серьезных трений между германским и турецким политическим руководством (Беляева, 2011).

следует забывать, что мы обращаемся не к “реальности”, а к инструментам или объективам, через которые мы эту реальность прочитываем» (Melucci, 1996: 77). Вся методологическая интрига в изучении любых коллективных идентичностей (в особенности тех, которые, как нации, относятся к идентификации с воображаемыми сообществами) лежит как раз в этом переходе от индивидуального уровня к уровню коллективному и социальному макроуровню. Между тем у некоторых авторов эти уровни просто ставятся рядом через запятую, как будто здесь вообще нет никакой проблемы⁵.

Овеществление коллективной (в частности, национальной) идентичности можно квалифицировать как методологическую крайность, характерную для эссенциалистского подхода к социальным явлениям. Но в качестве другой крайности выступает радикально-конструктивистский концепт идентичности, замечательную критику которого недавно дал российский политолог Э. Паин на материале представлений о нации, высказанных академиком В.А. Тишковым. Ключевым в этой критике является выражение «интеллектуальное разоружение» как неизбежный эффект парадоксально-релятивистских тезисов вроде: «нация есть лишь метафора», «российская нация — это нация наций», «Российская империя — это национальное государство», «гражданская нация — это и этническая нация» и т.п. (Тишков, 2011).

Нередко этот релятивизм выражен в наукообразных рассуждениях о неопределенном характере и самой социальной реальности, и формирующихся в ней идентичностей: все существует только в режиме плюралистичности, гибридности, гетерогенности, переходности и т.п. Сказать что-то определенное можно только об идеальных типах, да и те ведь, как признавался М. Вебер, суть лишь «утопии», удобные для упорядочения познавательного материала. Так что по сути всё вокруг, включая сферу этнополитических отношений, едино — разница только в оттенках и градациях. В таком именно духе высказывается, например, известный политик и политолог Р. Абдулатипов: «Род, племя, союз племен, народ, этнос, союз этносов, этнонация, многонациональная общность, политическая нация, нация-государство — это все ступеньки социализации и расширения пространства интеграции общности, этнических признаков в их социально-политической эволюции» (Абдулатипов, 2005).

Такой методологический туман есть не только следствие постмодернистской моды — он также востребован как политический (идеологический) инструмент.

Нужна ли нация России?

Эссенциалистский (овеществленный) и релятивистский (радикально-конструктивистский) концепты нации и национальной идентичности оказываются взаи-

---

⁵ К примеру, когда утверждается, что «идентификация – это процесс эмоционального и когнитивного самоотождествления индивида, социальной группы с другим человеком, группой или образцом, интериоризация ценностей, занимаемых социальных статусов и освоения значимых социальных ролей» (Ачкасов, 2012: 12). Получается, у группы как своего рода «толпочеловека» есть способность не только «эмоционально самоотождествляться с другими группами», но даже «интериоризировать ценности»! Полностью овеществленным представляется понятие коллективной идентичности и в утверждении, что «индивидуальная идентичность является видом групповой идентичности, существующей «в голове» индивида..., а групповая – это сумма общепринятых норм и образцов, когда-то берущих начало в поведении отдельных людей» (Ачкасов, 2012: 18).

модополняющими в рамках идеологического дискурса, который Э. Паин метко назвал «охранительным конструктивизмом» (Паин, Федюнин, 2017: 214). Суть его состоит в утверждении, что российскую нацию вообще не надо строить, ибо она уже существует, — «просто мы этого не понимаем или не хотим признать» (Миллер, 2008: 324).

Помимо этой точки зрения, Э. Паин выделяет еще две крайних позиции по вопросу о гражданской нации в России: «Вторая позиция состоит в сознательном отказе различать имперский и национальный типы взаимоотношений общества и государства. Наконец, третий подход утверждает неизбыточность империи и, следовательно, невозможность гражданской нации в России (Паин, Федюнин, 2017: 213). Имеются и смешанные варианты этих позиций⁶, но эффект во всех случаях примерно один и тот же: когда постмодернистский туман, растворяющий *differentia specifica* базовых понятий вроде нации, империи, идентичности и др., рассеивается, становится очевидным, что нация из современного феномена превратилась в извечную сущность с культурно-цивилизационными атрибутами. Это не только соответствует официальной позиции, фаворизирующей цивилизационный подход в трактовке российской идентичности (Путин, 2012), но и вполне отвечает мировому интеллектуальному тренду: «Сдвиг от политики к культуре, наблюдаемый в современном мире, создает благоприятную почву для замены понятия “нация” на “цивилизацию”» (Шнирельман, 2007: 85).

Упомянутый «охранительный конструктивизм» на самом деле идеологически обезоруживает российскую власть, потому что в мире, где нации и национальные государства продолжают оставаться главным способом политической легитимации, опасно брать на вооружение обветшалые имперские идеологемы позапрошлого века и закрывать глаза на этнонационалистическую мобилизацию, которая разворачивается в России и которая серьезно угрожает ее целостности⁷. Между тем у политического руководства страны не было за последние два десятилетия однозначной позиции относительно нациестроительства в России: президент В.В. Путин заявил еще в 2004 г. на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений в Чебоксарах, что «сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации» (Путин, 2012). А президент Д.А. Медведев в 2011 г. объявил: «Наша задача заключается в том, чтобы создать полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну» (Российская нация, 2011). Эта двусмысленность

⁶ Так, утверждается, что в России сложились «политическая нация и специфическая государственно-гражданская идентичность», но тут же признается, что они оказались «неспособными стать реальной основой культурно-аксиологической общности россиян» (Лубский, Посухова, 2016: 44). В связи с чем предлагается дополнить государственно-гражданскую идентичность россиян строительством их «национально-цивилизационной идентичности», соответствующей «трансэтнической нации-цивилизации», основанной на «общности государственных интересов и цивилизационных кодов» (Лубский, 2015: 32).

⁷ Как резонно замечает М. Ремизов (позицию которого по национальному вопросу мы не во всем разделяем), «если принять всерьез идею единой гражданской нации, то первая ее аксиома будет гласить, что никаких других наций внутри этой нации нет и быть не может... Мы часто забываем, что гражданская нация требует не менее интенсивной общности и даже однородности, чем этническая. Это однородность политической культуры и гражданского сознания. Есть ли она между разными частями “российской нации”? К сожалению, нет, особенно если иметь в виду ее северокавказскую часть» (Ремизов, 2011).

говорит о том, что по кардинальному вопросу модернизации страны нынешние элиты «де-факто реализуют сценарий стихийного самотека» (Кульпин, 2009: 161). Между тем верно было замечено: «если на территории Российской Федерации не возникнет нации в какие-то обозримые времена, то политические перспективы государства под названием Российская Федерация очень плохие» (Аузан, 2010: 50).

Таким образом, серьезный разговор о российской нации надо начинать, во-первых, с отказа от мистифицированных и релитивированных концептов нации и национальной идентичности, когда утверждается, к примеру, что «в много-составном и многокультурном государственном сообществе политическая нация — это своего рода ‘нация наций’» (Перегудов, 2017: 163). Но нация не может состоять из других наций примерно на том же логическом основании, на каком человек не может состоять из других «человеков», а только из вполне определенного набора органов. И национальная идентичность человека состоит лишь из аутопозной системы его национальных идентификаций, а не из каких-то других идентичностей.

Во-вторых, предпосылкой научного концепта российской нации является признание РФ как многосоставного общества с этнокультурной сегментацией, в котором гражданская нация еще не сформировалась. Эта ситуация отчасти унаследована от советской эпохи, но главным образом эффект постсоветский, который исследователи связывают с такими явлениями, как политизация институализированной этничности, потенциально нестабильная асимметричная федерация, разрывы в социально-экономическом и культурном развитии регионов РФ и т.п. (Ачкасов, 2012: 212). Недвусмысленным образом в пользу тезиса о многосоставном характере российского социума свидетельствуют данные социологических исследований, проведенных в последние годы.

Согласно авторитетному мнению российского этнополитолога Л.М. Дробижевой, в период 1990-х и 2000-х гг. в России были четко зафиксированы «две тенденции — роста сначала этнической, а затем государственно-гражданской идентичности и изменения в иерархии идентичностей. Прежде всего это проявилось у русских, живущих в районах с доминирующим русским населением. Российская государственно-гражданская идентичность стала у них приоритетной в сравнении с этнической» (Дробижева, 2010: 50). Схожий вывод делают отечественные социологи С.Ю. Иванова и М.М. Шульга на основе своего исследования социокультурной самоидентификации жителей Юга России: «приоритетными в “Мы-самоидентификации” жителей региона также являются российская и этническая самоидентификации, которые находятся *на одном уровне*, на третьем месте находится конфессиональная самоидентификация, на четвертом — региональная, на пятом — цивилизационная» (Иванова, Шульга, 2010: 96).

На первый взгляд, этнополитическая ситуация в современной России выглядит лучше, чем в расколотых на сегменты африканских странах. Однако нужно иметь в виду упомянутое ранее (вслед за Л.М. Дробижевой) отличие между национально-гражданской и государственно-гражданской идентичностями, которое по сути маркирует разные концепты нации. Поэтому идентификация гражданина с государством по имени Российская Федерация еще далеко не значит, что у данного гражданина есть российская национально-гражданская идентичность, что он соответственно считает себя вначале россиянином, а уже потом русским, татарин, чеченцем и т.д. Очень часто в опросах, особенно на российском Юге, порядок

как раз обратный. Так, «значимость российской гражданской идентичности для населения Северного Кавказа существенно ниже, чем для жителей других регионов страны, и при этом этническая и конфессиональная принадлежность даже у молодежи в данном регионе заметно опережает по значимости гражданскую» (Авксентьев, Аксюмов, 2010: 12).

Масштабное социологическое исследование российской идентичности, проведенное в 2000-х гг. учеными Института социологии РАН, дает основания заключить, что дефицит гражданской идентичности характеризует отнюдь не только Юг России. Но в целом «граждане современной России... испытывают серьезные проблемы с коллективной идентичностью — по большому счету их мало что объединяет: нет ни общей идеологии, ни общих целей и интересов, хотя за последние годы появилась надежда на возможность формирования “новой общей идентичности” — российской. Неопределенность общегражданской, государственной идентичности заставляет пристально всмотреться в альтернативные формы — этническую, конфессиональную, различные локальные идентичности, а также в исторические прошлые страны» (Российская идентичность, 2008: 9).

И судя по данным социологического опроса, проведенного учеными РАНХиГС в 2017 г., существенных изменений в этой этнополитической картине за прошедшее десятилетие не произошло. Если мы посмотрим на результаты упомянутого опроса с «мягкими» (более дифференцированными) альтернативами выбора, то увидим явные признаки многосоставности российского общества: «в большинстве регионов, как и в выборке в целом, ... большую значимость приобретает этническая составляющая; при этом в Республике Дагестан несколько более высокие баллы получила региональная идентичность, в Республике Крым равнозначимыми оказались этническая и региональная идентичности, а респонденты из Чеченской Республики как наиболее значимую ощущают принадлежность к своей религии». При этом в регионах и в выборке в целом гражданская идентичность оказывается лишь на 3–4-м местах по значимости. Настораживает и другое: по многим позициям обнаруживается обратная зависимость между возрастом респондента и его оценками близости «к россиянам» (Развитие общегражданской..., 2017: 42). Среди молодых респондентов сильнее, чем среди представителей поколения отцов и особенно дедов, выражена привязанность к примордиальным общностям и ценностям (родному краю, культуре, религии, народу и т.д.). Причем это, судя по данным упомянутого опроса, характеризует отнюдь не только исламскую молодежь России, но и молодых респондентов практически во всех регионах страны. И это позволяет сделать вывод о том, что мы имеем перед собой картину многосоставного российского общества, этнокультурные сегменты которого в тенденции продолжают дрейфовать друг от друга.

С учетом сказанного получается, что выводы относительно этнополитической ситуации в России, которые почти десять лет тому назад сделал российский политолог Ю.П. Шабаев, с тех пор лишь прибавили в своей актуальности. А писал он, «во-первых, о недостаточной консолидированности российского общества; во-вторых, о явно недостаточной интегрированности отдельных российских регионов и их населения в общероссийское политическое и культурное пространство; и, в-третьих, о явном отсутствии сколько-нибудь последовательной, ресурсно обеспеченной и концептуально оформленной политики нациестроительства» (Шабаев, 2011: 71).

К типологии нациестроительства в многосоставных обществах

Такие полиэтнические общества, как Россия, не могут по определению строить этническую нацию, но только нацию гражданскую⁸. Обе эти нации суть прежде всего политические сообщества, хотя адепты этнического национализма всячески акцентируют, напротив, их культурно-цивилизационные качества. Однако, как метко заметил Э. Геллнер, «национализм — совсем не то, чем он кажется, и прежде всего национализм — совсем не то, чем он кажется самому себе» (Геллнер, 1991: 128). Мы придерживаемся модернистского подхода к нации (Смит, 2004: 49–50), считая ее не только новым, но и в существенной мере (хотя и не полностью) конструируемым феноменом.

Гражданская нация — это солидарная политическая общность, которая предполагает не просто формально-правовое равенство своих членов, но (в идеале) равенство реальное и всеобъемлющее. Это несовместимо с наличием в обществе политических привилегий на основе сословных, классовых, расовых, этнических, религиозных, половых и прочих различий. Для создания такой всеобъемлющей национальной общности гражданам некоторым странам потребовались десятилетия модернизации и демократизации, и процесс этот продолжается. Гражданский и этнический виды национализма вдохновляются разными политическими идеологиями (поэтому абсурдно как раз в политической науке релятивировать существенность различия между этими типами национализма): гражданский — либеральной идеей универсальных прав человека, а этнический — консервативным по духу концептом прав отдельного народа. Поэтому гражданская национальная общность в тенденции инклюзивна, а этническая — эксклюзивна⁹. И восприятие исторического времени у этих национализмов тоже разное: гражданская нация воображается как современный феномен, а этническая — как седая древность.

Правда, гражданская нация как политическая общность поверх этнических различий не возникает сразу во всем блеске и широте своей общности. Как убедительно показывает немецкий историк О. Данн, она есть по своему происхождению продукт эволюции и взаимодействия классовых и партийных интересов. Вначале носителем

⁸ Мы находим вполне релевантным для наших кейсов предложенное в свое время Э. Смитом различие между гражданской моделью нации «civic model of the nation» (с акцентом на демократический конституционный порядок) и этнической концепцией нации «ethnic conception of the nation» (как политическое сообщество этнических родственников) (Smith, 1991: 9–11, 70).

⁹ Мы позволим себе пространную цитату из замечательной статьи Э. Хобсбаума, которая не только иллюстрирует актуальность различия между гражданским и этническим национализмом, но также показывает важность этого различия как для Европы, так и для других регионов планеты: «Классический либеральный национализм XIX века был прямо противоположен нынешним попыткам утвердить групповую идентичность посредством сепаратизма. Его цель заключалась в расширении масштабов социального, политического и культурного единства людей, то есть скорее в объединении и расширении, нежели в ограничении и обособлении. Это одна из причин того, что национально-освободительные движения 'третьего мира' находят традиции XIX века, одновременно либеральные и революционно-демократические, столь близкими себе по духу. ...Ганди и Неру, Мандела и Мугабе или в данном случае поздний Зульфикар Бхутто, сожалеющий об отсутствии у пакистанцев чувства национального единства, не были и не являются националистами в том же смысле, что Ландсбергис или Туджман. Они, по сути дела, занимали ту же самую позицию, что и Массимо д'Адзельо, который после политического объединения Италии говорил: "Мы создали Италию, теперь нам нужно создать итальянцев", то есть создать итальянцев из жителей полуострова, объединенных самыми разнообразными связями, кроме общего языка, которого у них не было, и государства, которое пришло к ним сверху, извне» (Хобсбаум, 2002: 335).

идеи политической нации были аристократы (идея сословной, дворянской нации), затем представители образованного (буржуазного) слоя, затем масса всех граждан, включая мелких собственников и рабочих. О. Данн обращает внимание на то, что борьба рабочих и крестьян за свои социальные права была фактически борьбой за их место под общим национальным солнцем, за право войти в нацию как носительницу государственности и государственного суверенитета. «С этой точки зрения рабочее движение и движение за женское равноправие тоже оказываются частью национального движения», — подчеркивает О. Данн (Данн, 2003: 17). Поэтому не должна удивлять та легкость, с какой классовое перетекает в национальное не только в социалистических, но и коммунистических движениях. При этом важно иметь в виду, что идея нации никогда бы не возникла в сознании людей, не будь у них изначально представления о том, что этой идее противостоят идеи других наций, а также сфера интер- и наднационального общения.

С учетом, с одной стороны, упомянутой историчности феномена гражданской нации, а с другой — специфики многосоставного общества мы выделяем, как минимум, три стратегии нациестроительства (соответственно три типа наций) в многосоставных обществах: собственно *гражданскую, государственную и общественную*.

Стремление определить разные формы нациестроительства в условиях полиэтнических государств уже не раз выражалось в исследовательской литературе. Как заметила Л.М. Дробижева, «для многих россиян понимание нации как гражданской общности не привычно», между тем как «понятие государственной общности как граждан страны широко распространено». В этой связи российский ученый видит разницу между «государственно-гражданской» и «национально-гражданской» идентичностями, помимо идентичности этнической (Дробижева, 2010: 49).

Еще ближе к различию упомянутых нами стратегий нациестроительства стоит предложенное американскими политологами А. Степаном и Х. Линцом, а также индийским политиком и политологом Ё. Ядавом, различие между государством-нацией (state-nation) и нацией-государством (nation-state) (Stepan, Linz, & Yadav, 2010: 51). Правда, из выделяемых ими (в зависимости от степени культурной унификации населения) трех типов общества только общества с явной многонациональностью, в особенности территориально и политически закрепленной, можно отнести к типу многосоставных политий. Прочие же типы отмечены лишь разной степенью культурной однородности. При этом нациестроительство по модели нации-государства, как его описывают упомянутые авторы, оказывается в многосоставных политиях невозможным. Ведь эта модель предполагает гомогенизирующую политику в области языка, образования, культуры и медиа, соответственно приверженность населения страны (включая мигрантов) одной культурно-цивилизационной традиции при унитарном либо моноэтническом федеративном устройстве государства. В одной из своих статей А. Степан (Stepan, 2005), развивая на украинском кейсе упомянутое различие между нацией-государством и государством-нацией, делает общий вывод, актуальный для всех многосоставных обществ, включая Россию: «агрессивное проведение политики ‘нации-государства’ при наличии более чем одной ‘мобилизованной национальной группы’ опасно для социальной стабильности и перспектив демократического развития» (Цит. по: Миллер, 2008).

Для многосоставных обществ чаще подходит модель «государства-нации», когда государством гарантируется свободное и даже политически артикулированное выражение социокультурных различий, а при необходимости предоставляется

механизм примирения этнокультурных конфликтов. Таковую политику «легче всего реализовать в форме федерации, чаще всего — асимметричной, возможно — в сочетании с консоциализмом (по А. Лейпхарту)» (Филиппова, 2016: 22). Формулой всех государств-наций можно считать уже упомянутое выражение М. д'Адзельо: «Мы создали Италию (РФ, Украину ...), теперь нам нужно создать итальянцев (россиян, украинцев ...)». Конечно, понятие «государства-нации» при любых попытках приложить его к конкретным кейсам требует дифференциации. В известной мере эту задачу решает концепт «национализирующих государств» (nationalizing states), предложенный Р. Брубейкером (Brubaker, 2011). Однако Р. Брубейкер не относит свой концепт к России и вообще оставляет открытым вопрос о его соотношении с многосоставными обществами.

Между тем все упомянутые ранее характеристики государства-нации можно считать общими для выделяемых нами государственной и отчасти общественной стратегий нациестроительства в многосоставных обществах. Однако между ними есть и различия, которые объясняются различием составляющих их сегментов. Принципиально важными представляются здесь два момента: 1) наличие либо отсутствие доминирующего сегмента; 2) идеологический либо этнокультурных тип сегментации.

Исторический опыт Голландии и Австрии показывает, что распадение общества на религиозно-идеологические сегменты со временем может преодолеваться, порождая однородный тип гражданско-национальной культуры с работоспособной демократией большинства. В случае же этнокультурной сегментации перспектива формирования в культурном отношении однородного общества не очевидна¹⁰. Соответственно многосоставные общества, в принципе, могут последовательно реализовывать общественную, государственную и гражданскую стратегии нациестроительства. Порядок здесь принципиален: любые попытки осуществить в многосоставном обществе, разделенном на множество примерно равных по величине сегментов, сразу же государственную или — тем более — гражданскую стратегию нациестроительства обречены на провал. При наличии же в многосоставной политике доминирующего сегмента стартовать можно и со стратегии государственного нациестроительства, но не без использования практик общности. Этот случай как раз характеризует Россию, в которой есть русские как доминирующий сегмент, тогда как в Нигерии, напротив, актуальнее стратегия общественного нациестроительства (о чем пойдет речь далее).

В целом успех государственной стратегии нациестроительства в условиях многосоставных политий зависит от наличия как минимум следующих условий: а) традиций централизованного государства и государственного патриотизма, когда приверженность разным культурным традициям не блокирует идентификацию с общим государством; б) де-факто централизованного государства, хотя и в условиях раздробленного на сегменты общества; в) общей и реальной экзистенции

¹⁰ А. Лейпхарт ссылается в своей книге на Б. Барри, который рекомендовал «проявлять сдержанность при переносе в этнически неоднородные общества общественных принципов, оказавшихся эффективными в разрешении религиозных или идеологических конфликтов между политическими субкультурами в Европе» (Лейпхарт, 1997: 270). Это Барри мотивировал, помимо прочего, тем, что к вопросам религии и идеологии общественные методы подходят лучше, чем к этническим различиям. Хотя Лейпхарт считал такой вывод некорректным, ссылаясь на недооценку в подходе Барри роли надсегментарных ориентаций в многосоставной политике, этот вопрос до сих пор остается открытым.

альной угрозы для формирующих нацию граждан; г) доминирующего сегмента; д) идеологического, а не этнокультурного характера сегментации.

Заметим, что строительство государственной нации возможно и в условиях авторитарных режимов — в отличие от гражданского нациестроительства, предполагающего институциональный дизайн типичной для Запада «демократии большинства», а также от общественной нации, отвечающей концепту общественной демократии (демократии консенсуса) как единственно возможной в условиях расколотого на сегменты общества. В.А. Тишков довольно убедительно разворачивает схожий тезис, проводя параллели с Россией, на примере государственного нациестроительства в Индии и Китае (Тишков, 2016: 15–17). Особенно интересен здесь китайский случай, показывающий, что массовые политические кампании под руководством коммунистической партии могут служить превосходным примером грандиозной национальной мобилизации (Barnes, 2013). В.А. Тишков подчеркивает, что как в Индии, так и в Китае были доминирующие этнокультурные сегменты, и в обоих случаях была налицо экзистенциальная угроза, сплавившая разные сегменты этих обществ. В России сейчас такой явной угрозы нет; память о Великой Отечественной войне не может играть такую роль, а Запад в качестве коллективного Врага — отнюдь не для всех убедительная конструкция. Вместе с тем, как верно было замечено, «Россия беременна политической нацией, и прежде всего в том отношении, что ее полиэтническое общество нуждается в консолидации не против вымышленных врагов, а на основе позитивных ценностей, механизмов поиска компромиссов и реальных горизонтальных практик» (Паин, Федюнин, 2017: 206). И здесь параллели с проблемами нациестроительства в других многосоставных обществах, включая Нигерию, могут оказаться полезными — если, конечно, отказаться от европоцентристского высокомерия, помноженного на политические сказки о «Святой Руси».

«Сообщественная нация» как феномен плюралистического общества: попытка концептуализации

Прецедентов использования терминов «общественная» или «многосоставная» нация (часто под этими терминами подразумевается одно и то же¹¹) в отечественной и зарубежной политологии не очень много. К примеру, В. Филиппов и Э. Дикко пишут о «многосоставной, сложной нации» применительно к Мали в постколониальный период (Филиппов, Дикко, 2016: 292). В западной политической науке данный концепт использовался голландским политологом Х. Даалдером. Он провел сравнительный анализ формирования «общественных наций» (consociational nations) в Нидерландах и Швейцарии. Правда, Х. Даалдер выбрал

---

¹¹ Для обозначения типа национальной идентичности, отвечающей специфике многосоставной политики, мы все же останавливаемся на термине «общественная» [consociational], а не «многосоставная» [plural] нация как минимум по трем соображениям: во-первых, первый термин семантически компактней, поскольку подразумевает, что общественная национальная идентичность может быть только в формально-юридическом смысле гражданской, а не одной из этнонациональных идентичностей в многосоставной политике; во-вторых, термин «многосоставная нация» ассоциируется с фактом сегментированного, разобщенного общества, а нация, напротив, предполагает преодоление этой разобщенности, что и выражается термином «общественный»; наконец, в-третьих, выражение «общественная нация» указывает на органическое единство обозначаемого им феномена с режимом общественной демократии.

эти случаи для доказательства тезиса, оппонирующего лейпхартовскому концепту общественной демократии. Голландский ученый считал, что общественность «является не ответом на опасности субкультурных расколов, но предваряющей их причиной, по которой субкультурные разделения никогда не становились опасными» (Daalder, 2011: 203). Х. Даалдер рассматривал формирование общественных наций в Голландии и Швейцарии как «результат медленного процесса подлинной национальной интеграции, а не преднамеренного нациестроительства. ...Сначала национальная интеграция медленно эволюционировала на уровне договаривающихся элит, чтобы затем просочиться к низовым, парохияльным слоям общества. Таким образом, медленное развитие более сильных национальных настроений среди населения в основном дополняет, а не разрушает старинные лояльности на местах» (Daalder, 2011: 196–197).

Нам такой концепт общественной нации не совсем подходит, потому что Нигерия, Замбия, Алжир, Малайзия и другие подобные государства суть де-факто расколотые на политизированные сегменты общества, у которых нет пары столетий, чтобы медленно вызревать к общественным нациям; счет в них идет максимум на десятилетия. Альтернативой этому является в лучшем случае относительно бескровный распад страны, а в более реалистичном варианте — та или иная форма военно-гражданского противостояния.

Причем это — типичная ситуация для многих современных многосоставных политий, особенно неевропейских. Так, известная в Малайзии политическая активистка З. Анвар, делясь в своем блоге впечатлениями от лекции местного политолога М. Алагаппа [Muthiah Alagappa], посвященной нациестроительству в азиатских странах, выделяет как раз концепт «многосоставной нации» [plural nation] как альтернативный дихотомии гражданской и этнической нации. М. Алагаппа, по словам З. Анвар, рассматривает Малайзию как пример «многосоставной нации», в которой есть «ядро» — малайская нация. Тем самым в концепте «малайзийской нации» обнаруживаются два измерения: этническое и гражданское. Этническое связано с особым положением малайцев как самого большого по численности и политически наиболее влиятельного этноса страны. А гражданское измерение акцентирует гражданство по рождению на государственной территории, а также демократию и конституционную основу малайзийского государства. Такое сочетание этнических и гражданских особенностей в процессе формирования нации было охарактеризовано малайзийским профессором как «историческая сделка, социальный договор». (Anwar, 2012). Как видим, малайзийский кейс ближе нигерийского к российской многосоставной федерации, где также имеется русский этнос в качестве ядерного сегмента и где перспектива формирования гражданской российской нации относится к наиболее острым вопросам политической повестки дня.

По словам А. Лейпхарта, «сотрудничество элит — первая и основная отличительная черта общественной демократии» (Лейпхарт, 1997: 36). Сотрудничество элит, основанное на их взаимном и прочном доверии, составляет основу и общественной нации — помимо формально-институционального дизайна, от которого мы в данной статье абстрагируемся.

Вопрос, который у А. Лейпхарта напрашивается постановкой проблемы общественного правления, — это вопрос о том, в чем состоят его недостатки (риски) с точки зрения гражданского нациестроительства в плюралистическом обществе. Успешное сотрудничество элит как суть общественного правления ведет

к внутренней консолидации сегментов, в том числе вокруг их лидеров, что делает сегменты более однородными и самодостаточными. Но это создает не только риск для демократического правления: в какой мере «изолированность и автономия сегментов могут служить препятствиями к достижению равенства в обществе в целом» (Лейпхарт, 1997: 84); одновременно это в тенденции затрудняет и формирование типичной для Европы гражданско-национальной идентичности поверх сегментарных различий в обществе. Но именно поэтому нужна общественная национальная идентичность как первый шаг на пути к гражданской нации, как национальная общность на уровне союза сегментарных элит — своего рода подобие сословной нации раннего Нового времени в Европе.

По словам О. Данна, «сословная нация как самая ранняя форма политической нации, уже могла претендовать на роль носительницы ранних форм современного национального движения и связанного с ними национализма; в союзе или в противоборстве с королевской властью она могла становиться сувереном национального государства в его ранней форме» (Данн, 2003: 12). Вызовов (геополитических, экономических, экологических и пр.), аналогичных прежней королевской власти, сегодня тоже может быть предостаточно, чтобы сплотить лидеров современных многосоставных политий в подобие сословной нации. Но и ограниченность такой основы нации тоже налицо: без дальнейшей трансформации общественной нации — через этап нации государственной — в полноценную гражданскую нацию с широким социальным базисом такая политическая конструкция вряд ли может быть долговечной.

Для обсуждения вопроса о перспективах формирования общественных наций в расколотых на сегменты многосоставных обществах следует ответить на принципиальные вопросы, которые ставит А. Лейпхарт в своем классическом труде: «Должны ли экономическое развитие и формирование нации стоять в нашей шкале ценностей выше, чем демократия? ...Может ли недемократический режим достичь этих целей быстрее и эффективнее, чем демократический?» (Лейпхарт, 1997: 263). Введением различия между общественной, государственной и собственно гражданской нациями мы отчасти смягчаем постановку этого вопроса, как бы дифференцируя его; но это не отменяет актуальности критики А. Лейпхартом тезиса, высказанного в свое время авторами, которые исследовали многосоставные постколониальные общества (прежде всего, Дж.С. Ферниваллом и М.Г. Смитом). А они утверждали, что последние *в принципе* не способны сохранить демократическое правление, даже если силой обстоятельств на время его обретают. В самом деле, многочисленные примеры не только постколониальных, но и постсоциалистических многосоставных политий этот тезис как будто подтверждают: они либо распались, либо перешли к авторитарным режимам, использующим силовое (физическое и ментальное) принуждение в качестве главного способа сохранения своей территориальной целостности.

Чтобы признать саму возможность относительно стабильного и продолжительного демократического правления в сложносоставном обществе, надо увидеть в его сегментарной структуре средство, а не препятствие для строительства демократического порядка. Но именно это не приемлют многие теории модернизации, разработанные на основе западного политического опыта и импортированные в иные политические пространства. Эти теории исходят из очевидного для них предположения, что необходимым предварительным условием для демократических

форм правления является культурная в широком смысле (включая и политическую культуру) однородность общества (Лейпхарт, 1997: 53). Западноевропейский же опыт подсказывает им, что такая однородность есть эффект нациестроительства. Отсюда делается вывод (для Лейпхарта, однако, отнюдь не очевидный), что проект nation building должен и в постколониальных странах опережать проект democracy building, подразумевая «искоренение первичной субнациональной идентификации» (т.е. традиционных, религиозных, семейных и этнических центров политического влияния) в пользу преданности «единой светской общенациональной политической власти» (Лейпхарт, 1997: 54).

На практике эта стратегия может выражаться в попытках ускорить гомогенизацию социокультурной структуры плюралистического общества путем интенсификации контактов между представителями разных сегментов. А. Лейпхарт советует не злоупотреблять такой практикой: ведь некоторые субкультурные образцы и ориентации могут резко противоречить друг другу, поэтому интенсификация контактов может привести не к «дружбе и сотрудничеству», а к эскалации межсегментарной напряженности, которую элитам потом трудно будет погасить. То, что кажется очевидным с точки зрения теории частично совпадающего членства в различных общностях (что контакты между разными людьми и группами способствуют развитию их взаимопонимания (Лейпхарт, 1997: 125)), в многосоставном обществе может производить обратный эффект. И это лишний раз показывает, что этнокультурное многообразие западных обществ есть нечто принципиально иное, чем этнокультурная сегментация многосоставных политий.

Расколотому на враждующие политизированные сегменты многосоставному обществу до сильного, пусть даже авторитарного, государства надо еще дожить, чтобы вручить ему миссию строительства нации; а пока такого государства нет, «демократия, особенно в ее общественной форме, является лучшим объединителем нации, чем недемократический режим. В краткосрочной перспективе общественная демократия обычно усиливает неоднородность плюралистического общества, однако за более продолжительный период своего успешного функционирования общественная система может разрешить по крайней мере некоторые наиболее острые противоречия между сегментами и тем самым лишить межсегментарную рознь политического характера. Она способна также значительно укрепить взаимное доверие как среди элит, так и на массовом уровне, после чего надобность в общественности отпадает» (Лейпхарт, 1997: 265).

Тезис о том, что непрямым предварительным условием демократии является национальная консолидация, верен только при переходе от государственной к гражданской нации, от state-nation к nation-state. И такие случаи есть везде, включая Африку. Но в условиях сегментарных расколов многосоставного общества А. Лейпхарт предостерегает от «далеко идущих последствий» такой политики, замечая, что «ввиду особой устойчивости чувства принадлежности к первичным общностям любая попытка резко ослабить его не только имеет ничтожно малые шансы на успех, особенно в краткосрочной перспективе, но может дать обратный эффект и стимулировать сплочение внутри сегментов, даже спровоцировать насилие в отношениях между ними, а не общенациональное единение» (Лейпхарт, 1997: 59).

Конкретизируем теперь постановку вопроса о перспективах образования общественной нации на конкретном случае современной Нигерии.

Нигерия как расколотое общество

Из-за неразвитости гражданского общества «наиважнейшей особенностью процесса формирования наций в постколониальных странах является изначально ведущая роль в нем не общества, а государства» (Бондаренко, 2016: 225), как замечает известный российский антрополог-африканист Д.М. Бондаренко. Поэтому общественный тип нациестроительства остается, наверное, единственной возможностью для многосоставных политий, где наличные структуры государства слабы, а традиции сильной централизованной государственности отсутствуют; где нет доминирующего сегмента с ведущей культурой, нет общей для страны экзистенциальной угрозы; наконец, где с трудом конструируется общая историческая память. Так, Д.М. Бондаренко, сравнивая случаи африканского нациестроительства, замечает, что в отличие от Танзании, представляющей «счастливое исключение из правила, Замбия, как и большинство постколониальных государств Африки, не имеет такой 'объективной' — хотя бы отчасти доколониальной — основы национального единства» (Бондаренко, 2016: 233).

К таким «несчастливым» случаям относится и Нигерия.

Эта страна на протяжении всей своей истории является одним из наиболее проблемных (с политической точки зрения) многосоставных обществ (Osaghae, Suberu, 2005: 5). Важно отметить, что с момента своего становления в качестве независимого государства Нигерия столкнулась с многолетним кризисом территориальной и государственной легитимности, который препятствовал демократизации, стабильности и экономическим преобразованиям в стране (Maier, 2000: 368). В настоящий момент население Нигерии насчитывает более 190 млн. чел. и представлено более 374 этническими группами разной численности. При этом каждая группа часто отождествляется с определенным языком, культурой и/или религией. Три крупнейшие народности — хауса-фулани на севере (29% всего населения), йоруба на юго-западе (21%) и игбо на юго-востоке (18%) (Maier, 2000: 66) — составляют более половины всего населения Нигерии, тогда как все остальные этнические группы (более двух сотен) квалифицируются как меньшинства. В конфессиональном плане страна разделена на «мусульманский Север» и «христианский Юг», и в то же время северо-центральная часть Нигерии (так называемый средний пояс [middle belt region]) представляет собой смесь христианского и мусульманского населения.

С учетом указанных особенностей Нигерия характеризуется в трудах современных исследователей как расколотое общество, в котором основные политические проблемы активно оспариваются по линии сложных этнических, религиозных и региональных разделений (Smyth, 2001: 17). Соответственно анализ нигерийской политики всегда осуществлялся на основе определенного набора понятий, среди которых наиболее значимыми были этническая и религиозная идентичность. Этническая идентичность многими учеными считается наиболее значимой среди прочих идентичностей в Нигерии, причем ей — как фактору, способствующему поляризации и конфликтам, — приписывается в основном дестабилизирующее влияние на демократию (Lewis, 2007: 3, 11). Однако в научной литературе высказывается и мнение, что господствующей формой идентичности в Нигерии является скорее религиозная, чем этническая (Deneulin, Rakodi, 2011).

Общепризнано, что религия всегда занимала важное место в жизни нигерийского общества, будучи значимым фактором в нигерийской политике (Ifeanyi, Enwerem, 1995: 56). Дж. Паден, известный американский профессор, изучающий влияние

религии на формирование идентичности нигерийцев, утверждает: уровень религиозной привязанности в Нигерии считается одним из самых высоких в мире (Paden, 2008: 44). Такой порядок вещей усугубляется географической локализацией религиозных и этнических групп, члены которых имеют разную социокультурную идентичность (или — как обычно пишут в СМИ — «мусульманский Север» и «христианский Юг»), что часто создает вероятность конфликтов (Paden, 2006: 125). Данный вывод подтверждается тем фактом, что нигерийцы прежде всего отождествляют себя с религиозной группой, к которой принадлежат. Это ярко иллюстрируют данные социологического опроса «Религия и общественная жизнь в Нигерии», проведенного в 2006 г. американской социологической службой «The Pew Forum on Religion & Public Life» (Ruby, Shah, 2007).

Особый интерес в контексте нашего исследования представляет позиция нигерийцев относительно того, что является главным при формировании идентичности: национальность, религия, этническая группа, принадлежность к категории «африканец» или другое. Заметим, что понятие национальности в Нигерии специфично. Каждый нигериец имеет паспорт, в котором — как и в паспорте россиян — указываются фамилия, имя, отчество, место рождения, где, кем и когда выдан документ. Однако наряду с паспортом еще одним гражданским документом, обязательным для всех граждан Нигерии, является так называемый сертификат этнической принадлежности (Indigene certificate). В нем указывается место этнического происхождения человека, его «историческая родина». Это информация о том, к какой именно этнической группе нигериец относится, тогда как паспорт удостоверяет, что данный человек является гражданином государства Федеративная Республика Нигерия.

Согласно данным социологического опроса, проведенного в 2016 г. «Центром социологических и экономических исследований» в г. Ибадан, 76% нигерийских христиан убеждены, что религия для них важнее, чем их идентичность в качестве африканцев, нигерийцев или представителей той или иной этнической группы. При этом среди мусульман число тех, кто назвал религию наиболее важным фактором при определении идентичности, оказался ещё выше и составил 91% (Uwah, 2017). Этот разрыв доказывает, что религия, а не национальность (этническая принадлежность), является принципом, в соответствии с которым большинство нигерийцев предпочитают себя идентифицировать.

С исторической точки зрения идентичность всегда была важным фактором в нигерийском политическом процессе, еще с колониального периода и до наших дней. В колониальную эпоху британцы создавали и распространяли идеологию разделения по принципу «Мы vs. Они»: мусульмане были настроены против христиан; северяне против южан; люди, говорящие на языке хауса-фулани против говорящих на йоруба, а те были против говорящих на игбо и т.д. Таким образом британцами реализовывался принцип «разделяй и властвуй» (divide and rule) (Acemoglu, Verdier, Robinson, 2004), причем манипулирование идентичностями и целенаправленное создание социально-политической напряженности между разными группами нигерийского общества наблюдалось и в период деколонизации, даже при осуществлении конкурентной политики в постколониальную эпоху (Jega, 2000: 24).

Вследствие этого наблюдается сильное недоверие между различными религиозными группами в Нигерии. Упомянутый социологический опрос позволил зафиксировать, что большинство христиан страны (62%) почти не доверяют либо совсем не доверяют представителям других религий. Аналогичное мнение вы-

сказали и нигерийские мусульмане (61%). Важно отметить, что согласно данным социологического опроса 2016 г., проведенного «Центром гуманитарного диалога Нигерии», существует тенденция к усилению взаимного недоверия среди представителей различных этнорелигиозных групп страны. Почти 90% респондентов отождествляют себя на основе религиозной и этнической, а не гражданско-национальной идентичности.

Согласно данным проведенного нами в 2017 г. в Нигерии экспертного интервью, 80% респондентов считают, что этническая и религиозная идентичность для нигерийцев важнее, чем общенациональная. В ходе интервью мы также обсудили вопрос: «Доверяют ли друг другу различные этнические и религиозные группы в Нигерии настолько, чтобы в перспективе жить друг с другом в мире и согласии?». При этом 90% экспертов ответили отрицательно. Так, К. Багу, руководитель «Движения когнитивной юстиции» в Нигерии, считает, что «доверие этнических групп друг к другу утрачено». По его мнению, это, с одной стороны, стало результатом исторических обид, которые накапливались в течение долгих лет внутреннего конфликта и породили в итоге сильную отчужденность внутри нигерийского общества. С другой стороны, это следствие глубокой преданности конкретной этнической и религиозной группы своим традициям, верованиям, социокультурным ценностям, что влечёт за собой отторжение всего, что обозначается социальным маркером «чужое».

Доверие между лидерами политизированных этнокультурных сегментов является, как уже указывалось, ключевым моментом в строительстве общественной нации в расколотых обществах вроде Нигерии. По мнению профессора М. Хаггай из университета Джоса, высказанному ей в нашем интервью, общее социальное доверие в Нигерии по-прежнему разрушается в результате того, что снижается уровень доверия к органам местного самоуправления, местным (региональным) лидерам и местным (региональным) средствам массовой информации, где часто манипулируют фактами, что порой непреднамеренно усиливает этнические разногласия. Нигерийский социолог Дж. Малами подтверждает, что между нигерийскими этническими и религиозными группами царит взаимное недоверие. Во многом это обусловлено низким уровнем осведомленности жителей Нигерии о других этнокультурных группах, населяющих страну. В силу этого нигерейцы, вступая в отношения с соотечественниками, принадлежащими к другим этнорелигиозным группам, как правило, полагаются на социальные мифы и стереотипы.

О перспективах нигерийской общественной нации

Обсуждая пути консолидации разных этнических групп нигерийского многосоставного общества и создание в нем атмосферы доверия, мы обсудили в наших интервью следующий вопрос: «Каким образом экономическое и социальное неравенство влияет на социальную сплоченность и этнополитическую стабильность нигерийского общества?» В целом эксперты считают, что социально-экономическое неравенство создает негативную атмосферу в обществе, порождает взаимное недоверие и неприязнь. Известный нигерийский социолог Д. Лука, профессор университета Джос, прокомментировал свою позицию следующим образом: «Препятствием на пути к социальной сплоченности на основе доверия являются не этнические или религиозные различия внутри нигерийского общества, а неравный доступ к экономическим ресурсам. Дело здесь только в том, что исторически сложилось так:

одна этническая группа, получив к ним доступ, занимает доминирующую позицию и не пускает других».

Впрочем, запрос на гражданскую нацию в Нигерии — судя по данным социологических опроса и результатам проведенного нами экспертного интервью — имеется. Так, в ходе дальнейшей беседы мы задавали экспертам вопрос о том, «*нужна ли Нигерии национальная стратегия по строительству гражданской нации?*» Подавляющее большинство экспертов ответили утвердительно. И важно отметить эту интенцию на гражданский идеал нации — независимо от того, насколько велики шансы его реализации в многосоставной политике. Наличие этой перспективы, такой интенции в сознании элит де-факто расколотого общества очень важно — это позволяет говорить о возможности общей концептуальной основы, логики нациестроительства в многосоставных политиках.

Проблема формирования нигерийской нации — это не только предмет озабоченности местного экспертного сообщества, но и актуальный вопрос политической повестки дня в этой стране. В частности, он был в центре внимания Национальной конференции, прошедшей 17 марта 2014 г. в г. Абуджа, нынешней столице Нигерии. Там обсуждались вопросы укрепления гражданской нации и гражданского самосознания нигерийцев. В ходе состоявшейся дискуссии участники конференции пришли к выводу, что идентичность гражданской нигерийской нации — это чувство принадлежности к нигерийскому обществу, народу, территории, осведомленность об истории, традициях страны, этническом разнообразии. В то же время это символы и ценности, язык и культура, совместно пережитые победы и поражения. Это готовность идти и бороться за общие наши интересы, а именно такое чувство формируется в общественном сознании путем распространения идеологии «единства в многообразии».

Участники конференции составили своего рода обобщенную карту интересов всех нигерийцев, независимо от их этнической принадлежности. И главными среди этих интересов касаются реализации универсальных гражданско-демократических принципов: равенство всех перед законом, соблюдение прав человека, реализация социальной справедливости, уважение достоинства людей. Важно на уровне общественной нации элит внушать мысль, что все эти высокие принципы можно реализовать в условиях нигерийского многосоставного общества не отменой национальности (этничности), но объединением людей всех национальностей (народов, народностей, этносов) на основе гражданского согласия. Как заметил в ходе проведенного нами экспертного интервью Д. М. Бондаренко, «несмотря на внутренние противоречия, существующие в Нигерии, на протяжении минувшего десятилетия выработалось нигерийское самосознание, выраженная тезисом "one people — one nation". По мнению российского ученого-африканиста, формирование гражданской нации — это длительный процесс, который должен происходить при непосредственном участии таких социальных и политических институтов, как СМИ и образовательная система. Немаловажно при этом, какие идеи и ценности, какая в широком смысле идеология транслируется в медийной и образовательной системах общества. Аргументируя свою позицию по вопросу о стратегии строительства нигерийской гражданской нации, М. Лаваль, политолог федерального университета Зари, отметил в ходе нашего с ним экспертного интервью, что необходима не просто стратегия, «но национальная идеология, на основе которой должно происходить строительство гражданской нации».

Вопрос идеологии как неформального института нациестроительства особенно важен в случае общественной нации, поскольку зачастую формальные институты — из-за проблем межсегментарного взаимодействия — здесь слабые, краткосрочные, неэффективные. В этой ситуации особую роль играют два взаимосвязанных момента: во-первых, культурный обмен между сегментами расколотого общества и, во-вторых, апелляция к общим (прежде всего для самой Африки) гуманистическим идеалам и ценностям.

Первый момент непосредственно связан с тем, что американский антрополог Д. Дж. Краули назвал «аккультурацией» (Crowley, 1957). Под этим феноменом понимается результат продолжительного непосредственного контакта групп индивидов различных культур с последующим изменением изначальных культурных черт одной или обеих групп. Аккультурация — если она не имитируется и не навязывается силой — работает на строительство национальной идентичности многосоставного общества: когда все его члены осведомлены об этнокультурных особенностях входящих в него групп и уважительно к ним относятся, это рождает взаимопонимание и доверие, предотвращая социальную фрагментацию (Crowley, 1957: 820). К примеру, в Мали, расколотом сразу по нескольким линиям (религиозным, языковым, расовым, имущественным) обществе, эффект аккультурации рождает всем понятная музыка, а также творчество гриотов, профессиональных исполнителей фольклорного наследия местных племен, которых В.Р. Филиппов и Э.Т. Дикко прямо называют «непосредственными участниками процесса строительства нации» (Филиппов, Дикко, 2016: 291). Помимо гриотов, эти авторы указывают также на позитивную интегративную роль традиционных форм ритуального упреждения конфликтов вроде встречающегося в Западной Африке обычая сенанкуя (взаимного вышучивания с опорой на семейные легенды)¹².

Что касается второго момента, связанного с пропагандой гуманизма, то здесь следует указать на значительный интегративный потенциал африканской философии убунту (слово *ubuntu* в зулусском языке означает человечность, доброту, гуманизм). Семантика концепта убунту не ограничивается его партикулярными смыслами в языках банту, использующих слово убунту или его эквиваленты, но включает в себя мировоззрение других африканских этносов к югу от Сахары, разделяющих сходные идеалы. Нобелевский лауреат и известный религиозный деятель Африки Д.М. Туту, характеризуя убунту и ее социальную значимость, писал: «человек с убунту открыт и доступен для других, принимает других, не страдает от того, что другие лучше и способнее, и все это — на основе глубокой убежденности, идущей от понимания того, что он или она принадлежит великому целому и умаляется, когда другие страдают или угнетены» (Tutu, 1999: 271).

---

¹² «Сенанкуя признает особые родственные связи между семьями посредством социального обычая публичного оскорбления и высмеивания друг друга. Например, всякий раз, когда встречаются два человека с древними именами Траоре и Конде, один из них обязательно объявит другого своим «рабом». Тот в ответ будет смеяться и отвергать это, называя, в свою очередь, «рабом» своего собеседника. Эти двое могут продолжать смеяться и оскорблять друг друга в течение нескольких минут, рассказывая смешные истории о семьях друг друга. Местные прохожие ценят этот юмор и, вероятно, делают то же самое, когда встречают кого-то из семьи, с которой у них отношения сенанкуи. Такого рода обмена напоминают членам обеих семей об их исторических связях и показывают, что между ними никогда не может быть ничего плохого» (Conrad, 2005: 91).

По мнению некоторых исследователей, концепт убунту присутствует едва ли не во всех регионах Африки; в частности, в Танзании он нашел отражение в теории африканского социализма уджамаа¹³, выдвинутой первым президентом этой страны Дж. Ньерере (Sigger, Polak, & Pennink, 2010: 10). Основу такой смысловой общности убунту, уджамаа и подобных им концептов составляет гуманистическая идея культурной близости и родства африканских народов (Ramose, 1999: 46). По нашему мнению, данная философско-мировоззренческая система доказала свое право на практическое применение при урегулировании актуальных этнокультурных противоречий и формировании национальной идентичности в условиях этнокультурного и религиозного многообразия большинства африканских стран. В известном смысле общественная нация в условиях разделенного на сегменты общества просто вынуждена практиковать и пропагандировать *communitas*, апеллируя к общечеловеческим идеям, а не к партикулярным языкам, традициям и обычаям.

Выводы

Концепты, описывающие проблемы идентичности в западных обществах с этнокультурным разнообразием (сложносоставная, двойная, гибридная и т.п. идентичность), требуют уточнения в случае многосоставных политий, где они тоже являются цельными и однозначными по своей природе. Мы считаем понятие многосоставной (двойной, гибридной) национальной идентичности, «нации наций» и т.п. типичной для эссенциалистского подхода мистификацией концепта идентичности. Вместе с радикально-конструктивистским концептом национальной идентичности, стирающим существенность как ее внутренних различий, так и ее отличий от других социальных общностей, эти две методологические крайности, во-первых, обезоруживают политическую науку в анализе проблем нациестроительства; во-вторых, выполняют идеологическую функцию, конструируя псевдотеоретическое обоснование тезиса о наличии в России гражданской нации.

Мы понимаем под национальной идентичностью относительно заверченный результат идентификационной практики индивидов, которая заключается в сознательном отнесении себя к социальной общности, обладающей признаками нации, которую мы анализируем в духе модернистской, а не примордиалистской парадигмы. Это предполагает существенность отличия нации от других социальных общностей, а также принципиальность отличия гражданской нации от других типов нации. Излишне оптимистические выводы относительно развития в России гражданской идентичности есть результат идеологических пристрастий либо теоретических дефицитов при проведении эмпирических, в частности социологических, исследований. Интерпретация данных социологических опросов с позиции концепта многосоставных обществ позволяет точнее идентифицировать структуру российского общества как расколотого на этнокультурные сегменты и в этом смысле аналогичного другим многосоставным политиям с незавершенным гражданским нациестроительством.

---

¹³ Слово *ujamaa* в суахили буквально значит деревенская община, семья, а также чувство семейной и вообще любой человеческой общности.

Мы рассматриваем национальное строительство, отвечающее специфике многосоставных политий, как исторический процесс, в ходе которого последовательно сменяют друг друга три национальных проекта: общественный, государственный и собственно гражданский. Данная типология корреспондирует с концептами «государства-нации» (А. Степан, Х. Линц, Ё. Ядав) и «национализирующего государства» (Р. Брубейкер). Из упомянутых трех типов нации только первый и последний требуют в качестве необходимого условия демократические порядки, хотя и разные: в случае гражданской нации — демократию большинства, а в случае общественной нации — демократию консенсуса. Случай России мы относим ко второму (государственному) типу нациестроительства в многосоставных политиях, трактуя его по аналогии с нациестроительством в Индии и Китае. Нигерийский случай мы рассматриваем по модели общественного нациестроительства.

Сообщественную нацию мы понимаем — отчасти с опорой на аналогичный концепт, используемый Х. Даалдером, — как эффект межсегментарного взаимодействия (прежде всего на уровне договаривающихся элит) в условиях многосоставного общества и как первый шаг на пути к гражданской нации, которая в условиях такого общества возможна только в отдаленной исторической перспективе. В этой связи остаются актуальными предостережения А. Лейпхарта о рисках авторитарной политики ускоренного нациестроительства в многосоставных политиях. Ввиду устойчивости идентификационных связей с сегментарными общностями, любые попытки резко их ослабить не столько приведут к национальному единению этих общностей, сколько спровоцируют между ними насильственные конфликты. Напротив, система общественной демократии, основанная на сотрудничестве элит, способна в значительной мере деполитизировать межсегментные различия, повысить общий уровень доверия в плюралистическом обществе и сформировать у элит чувство национальной солидарности.

Нигерия как расколотое по целому ряду признаков общество представляет собой один из наиболее проблемных случаев нациестроительства в современной Африке. Нигерийский кейс характерен для тех постколониальных стран, где структуры государства не настолько сильны, чтобы организовать строительство нации поверх сегментарных элит, где нет доминирующего (политически и/или культурно) сегмента, где отсутствует очевидная общая угроза в настоящем и объединяющая все сегменты общества историческая память. В этой ситуации выстраивание доверительных отношений между лидерами сегментов нигерийского общества выступает ключевым моментом строительства общественной нации как первого этапа на пути нигерийцев к гражданской нации.

Нигерийский кейс показывает, что общественная нация имеет в двояком смысле узкую социальную базу по сравнению с упомянутыми ранее государственной и гражданской нациями: во-первых, она ограничена элитами многосоставного общества; во-вторых, она во многом носит не столько «воображаемый» (в смысле Б. Андерсона), сколько «переживаемый» (в личном доверительном и символически усиленном общении элит) и «осмысляемый» (в философско-идеологических концептах вроде убунту) характер. Кроме того, важна изначальная интенция акторов проекта общественной нации на идеалы и принципы гражданской нации, а также на использование практик аккультурации как стратегической культурной основы гражданского вектора национального развития.

Библиографический список

- Абдулатипов, Р. Г. (2005). *Российская нация. Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях*. М.: Научная книга. Режим доступа <https://history.wikireading.ru/24534>
- Авксентьев, В. А., Аксумов, Б. В. (2010). Портфель идентичностей молодежи юга России в условиях цивилизационного выбора. *Социологические исследования*, 2, 18–27.
- Аузан, А. (2010). *Национальные ценности и модернизация*. М.: ОГИ; Полит. ру.
- Ачкасов, В. А. (2012). *Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
- Беляева, Н. Ю. (2011). Двойная национально-политическая идентичность. В И. С. Семененко (ред.) *Политическая идентичность и политика идентичности*. В 2 т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий (с. 106–109). М.: РОССПЭН.
- Бондаренко, Д. М. (2016). Постколониальный мир: формирование наций и историческое прошлое. В В. А. Тишков, Е. И. Филиппова (ред.) *Культурная сложность современных наций* (224–240). М.: Политическая энциклопедия.
- Геллнер, Э. (1991). *Нации и национализм*. М.: Прогресс.
- Городецкая, Н. (2017, Март 7). Единство нации не выдержало критики. *Коммерсантъ*. Режим доступа <https://www.kommersant.ru/doc/3235995>
- Данн, О. (2003). *Нации и национализм в Германии 1770–1990*. С.-Петербург: Наука.
- Дробижева, Л. М. (2010) Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде. *Социологические исследования*, 12 (320), 49–58.
- Иванова, С. Ю., Шульга М.М. (2010). «Русская этническая» и «Российская» идентичность: соотношение понятий. *Вестник Южного научного центра РАН*, 6 (4), 96–104.
- Кудряшова, И. В. (2017). Гибридная политическая идентичность. В И. С. Семененко (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (с. 365–368). М.: Весь Мир.
- Кульпин, Э. С. (2009). Альтернативы российской модернизации, или реставрация Мэйдзи по-русски. *Полис. Политические исследования*, 5, 158–169.
- Лейпхарт, А. (1997). *Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование*. М.: Аспект Пресс.
- Лубский, А. В. (2015). Государство-цивилизация и национально-цивилизационная идентичность в России. *Гуманитарий Юга России*, 2, 30–45.
- Лубский, А. В., Посухова, О. Ю. (2016). Проекты нациестроительства и модели национальной интеграции в России. *Власть*, 8, 39–47.
- Малахов, В. (2002). Преодолимо ли этноцентрическое мышление? В В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова (ред.) *Расизм в языке социальных наук* (с. 9–22). СПб.: Алетейя.
- Миллер, А. (2008). Нация-государство или государство-нация? *Россия в глобальной политике*, 5. Режим доступа http://www.globalaffairs.ru/number/n_11632
- Миллер, А. (2008). Тема нации в российской политике последних лет. В Н. Ю. Лапкина (ред.) *Два президентских срока В.В. Путина: динамика перемен*. М.: ИНИОН РАН.
- Морозова, Е. В. (2017). Сложносоставная идентичность. В И. С. Семененко (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (с. 325–334). М.: Весь Мир.
- Паин, Э., Федюнин, С. (2017). *Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием*. М.: Мысль.
- Перегудов, С. П. (2017). Российская гражданская идентичность и политическая нация: проблемы формирования и консолидации. В И. С. Семененко (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (с. 163–170). М.: Весь Мир.

- Проект Федерального Закона № 369190–3 «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации» (2017). *Зона закона.РУ*. Режим доступа <https://www.zonazakona.ru/law/projects/217/>
- Путин, В. В. (2012, Февраль 5). Вступительное слово на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений. Режим доступа <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22349>
- Путин, В. В. (2012, Январь 23). Россия: национальный вопрос. *Независимая газета*. Режим доступа http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html
- Ремизов, М. (2011, Сентябрь 12). Пять причин быть русскими. *Русский обозреватель*. Режим доступа <http://www.rus-obr.ru/ru-web/13505>
- Степанова Л. А. (ред.). (2017). *Развитие общегражданской идентичности в поликультурном пространстве российского общества*. М.: Народное образование.
- Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Часть 3. Историческое самосознание и национальный менталитет россиян. Социокультурные аспекты европейской идентичности россиян (2008). *Полис. Политические исследования*, 3, 9–28.
- Российская нация должна состоять из самобытных народов — Медведев. (2011, Февраль 11). *РИА Новости*. Режим доступа <https://ria.ru/politics/20110211/333366199.html>
- Семененко, И. С. (2017). Национальная идентичность. В И. С. Семененко (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (с. 365–368). М.: Весь Мир.
- Смит, Э. (2004). *Национализм и модернизм*. М.: Праксис.
- Тишков, В. А. (2011). *Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг.* Оренбург: Издательский центр ОГАУ.
- Тишков, В. А. (2013). Понимание нациестроительства в России в мировом контексте. В От Древней Руси к Российской Федерации. *История Российской государственности. (Материалы международной научной конференции. Москва, МГУ, 28–29 сентября 2012)* (с. 58–67). СПб.: Алетейя.
- Тишков, В. А. (2016). Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить. В В. А. Тишков, Е. И. Филиппова (ред.) *Культурная сложность современных наций*. М.: Политическая энциклопедия, 7–18.
- Филиппов В. Р., Дикко, Э. Т. (2016). Мали на пути к национальному единству. В В. А. Тишков, Е. И. Филиппова (ред.) *Культурная сложность современных наций*. М.: Политическая энциклопедия, 274–294.
- Филиппова, Е. И. (2016). Нации, государства, культуры. В В. А. Тишков, Е. И. Филиппова (ред.) *Культурная сложность современных наций*. М.: Политическая энциклопедия, 19–34.
- Хобсбаум, Э. Дж. (2002). Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе. В Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. (ред.) *Нации и национализм* (с. 332–346). Москва: Праксис.
- Шабаев, Ю. П. (2011). Этнический национализм и гражданская нация в современной России. В В. А. Тишков и В. В. Степанова (ред.) *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад* (с. 69–83). М.: Институт этнологии и антропологии РАН.
- Шнирельман, В. А. (2007). Цивилизационный подход как национальная идея. В В. А. Тишков, В. А. Шнирельман (ред.) *Национализм в мировой истории* (с. 82–104). М.: Наука.
- Acemoglu, D., Verdier, T., & Robinson, J. A. (2004). Kleptocracy and Divide-and-Rule: A Model of Personal Rule. *Journal of the European Economic Association*, 2 (2–3), 162–192.
- Anwar, Z. (2012, June 3). Sharing the Nation. *From Ethnic to Civic Nation Building*. Retrieved from <https://documents.tips/documents/ethniccivic-nation-building.html>.
- Barnes, M. L. (2013). *Mobilization nation: mass movements in the People's Republic of China*. Thesis submitted to the Graduate Faculty as partial fulfillment of the requirement for the Master of

- Arts Degree in History. The University of Toledo. Retrieved from <http://utdr.utoledo.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1041&context=theses-dissertations>
- Brubaker, R. (2011). Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States. *Ethnic and Racial Studies*, 34 (11), 1785–1814.
- Conrad, D. C. (2005). *Empires of medieval West Africa: Ghana, Mali, and Songhay*. New York: Facts On File, Inc.
- Crowley, D. J. (1957). Plural and differential acculturation in Trinidad. *American Anthropologist*, 59 (5), 817–824.
- Daalder, H. (1971). On Building Consociational Nations: The Cases of the Netherlands and Switzerland. *International Social Science Journal*, 23 (3), 355–370.
- Daalder, H. (2011). *State Formation, Parties and Democracy. Studies in Comparative European Politics*. Colchester: ECPR Press.
- Deneulin, S., & Rakodi, C. (2011). Revisiting Religion: Development Studies Thirty Years on. *World Development*, 39, 1, 45–54.
- Ifeanyi, M., & Enwerem, O. P. (1995). *A Dangerous Awakening: The Politicization of Religion in Nigeria*. Berlin: IFRA.
- Jega, A. (2000). *Identity transformation and identity politics under structural adjustment in Nigeria*. Stockholm: Elanders Gotab.
- Lewis, P. (2007). *Identity, Institutions and Democracy in Nigeria. African Barometer Working Paper*. Cape Town: IDSA.
- Lijphart, A. (1971). Comparative Politics and the Comparative Method. *The American Political Science Review*, 65 (3), 682–693.
- Lijphart, A. (1969). Consociational Democracy. *World Politics*, 21 (2), 207–225.
- Maier, K. (2000). *This House Has Fallen: Midnight in Nigeria*. New York: Public Affairs.
- Melucci, A. (1996). *Challenging codes: collective action in the information age*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Osaghae, E. E., Suberu, R. T. (2005, January). A History of Identities, Violence and Stability in Nigeria. *Centre for Research on Inequality, Human Security and Ethnicity. Crise Working Paper*, 6. Oxford: University of Oxford.
- Paden, J. N. (2008). *Faith and Politics in Nigeria: Nigeria as a Pivotal State in the Muslim World*. Washington DC: United States Institute of Peace.
- Paden, J. N. (2006). *Muslim civic cultures and conflict resolution: the challenge of democratic federalism in Nigeria*. Washington DC: Brookings Institution Press.
- Ramose, M. B. (1999). *African Philosophy through Ubuntu*. Harare: Mond Books.
- Rebouché, R., & Fearon, K. (2005). Overlapping Identities: Power Sharing and Women's Rights. In I. O'Flynn and D. Russell (Eds.) *Power Sharing. New Challenges for Divided Societies* (pp. 155–171). London –Ann Arbor, MI: Pluto Press.
- Ruby, R., & Shah, T. S. (2007, March 21). Nigeria's Presidential Election: The Christian-Muslim Divide. *Pew Forum on Religion & Public Life*. Retrieved from <http://www.pewforum.org/2007/03/21/nigerias-presidential-election-the-christian-muslim-divide/>
- Sigger, D. S., Polak, B. M., & Pennink, B. J. W. (2010, July). 'Ubuntu' or 'humanness' as a management concept: Based on empirical results from Tanzania. *CDS Research Report*, 29 (ISSN1385–9218).
- Smith, A. D. (1991). *National Identity*. London: Penguin Books.
- Smyth, M., Robinson, G. (2001). *Researching Violently Divided Societies: Ethical and Methodological Issues*. London: Pluto Press.
- Stepan, A. (2005). Ukraine: Improbable democratic “nation-state” but possible democratic “state-nation”? Post-Soviet affairs. *Columbia*, 4, 279–308.

- Stepan, A., Linz, J. J., & Yadav, Y. (2010). The Rise of "State-Nations". *Journal of Democracy*, 21 (3), 50–68.
- Tutu, D. (1999). *No Future without Forgiveness: A Personal Overview of South Africa's Truth and Reconciliation Commission*. London: Rider.
- Uwah, I. E. (2017). The Representation of African Traditional Religion and Culture in Nigeria Popular Films. *Politics and Religion Journal*, 5 (1), 81–102.

Статья поступила в редакцию 04.07.2018

Статья принята к публикации 03.09.2018

Для цитирования: Поцелуев С.П., Тимкук Дж.А. Многосоставные общества между государственной и общественной нацией. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 3. С. 96–125.

PLURAL SOCIETIES BETWEEN THE STATE NATION AND CONSOCIATIONAL NATION

S. P. Potseluev, J. A. Timkuk

Sergey P. Potseluev, Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya Str, Rostov-on-Don, 344006, Russia

E-mail: spotselu@mail.ru · <https://orcid.org/0000-0002-8562-6541>

Julfa A. Timkuk, Ministry of Foreign Affairs, Plot 465, Alex Ekueme Way, Jabi District, Abuja, Nigeria

E-mail: julfa.timkuk@gmail.com

Acknowledgements. The paper was written within the framework of the research supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project № 18-011-00906 "Cognitive and Ideological matrix of perception of modern socio-political crises by the students in the South of Russia".

Abstract. This paper is aimed at understanding the problems of nation-building in plural societies. For this purpose, the authors carry out a critical analysis of the key concepts actively used by Russian scientists in the discussion of the correlation of the terms: nation, national identity, civil nation, Russian nation, etc. The authors reject the essentialist mystification (reification) and postmodern relativization of the above-mentioned concepts as counterproductive in scientific terms and politically biased. Based on the modernist-constructivist interpretation of the nation phenomenon, the authors propose a three-term scheme to better understand nation-building in plural societies, highlighting the consociational, state and civil types. The Russian case is hypothetically referred to the state type of nation-building. In this regard, the authors criticize the view, according to which there is no need for the construction of the Russian nation at all. To justify their approach, the authors base themselves on the concept of plural Russian society and the relevant sociological data. In view of their hypothetical concept, the authors consider Nigeria a "consociational nation". The paper draws a detailed picture of the plural Nigerian polity split along ethnic, religious, linguistic and other lines. The authors come to the conclusion that in this situation, the building of trustful relations between the segment leaders of the Nigerian society is the key point in the construction of a consociational nation and the first step on Nigeria's way to a civil nation of full value. A significant role of cultural and artistic acculturation, as well as philosophical ideas of Ubuntu, is emphasized in the paper.

Key words: plural society, national identity, the Russian nation, civic nation, nation-state, consociational nation, the Nigerian nation, trust, Ubuntu

DOI: 10.31429/26190567-19-3-96-125

References

- Abdulatipov, R. G. (2005). *Rossiyskaya natsiya. Etnonatsional'naya i grazhdanskaya identichnost' rossiyan v sovremennykh usloviyakh* [The Russian Nation. Ethnic and Civil Identity of the Russians in Modern Conditions]. M.: Nauchnaya kniga. Retrieved from <https://history.wikireading.ru/24534>
- Acemoglu, D., Verdier, T., & Robinson, J. A. (2004). Kleptocracy and Divide-and-Rule: A Model of Personal Rule. *Journal of the European Economic Association*, 2 (2–3), 162–192.
- Achkasov, V. A. (2012). *Politika identichnosti mul'tietnichnykh gosudarstv v kontekste resheniya problemy bezopasnosti* [Policy of Identity in Multiethnic States in the Context of a Solution of the Problem of Security]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. Univ.
- Anwar, Z. (2012, June 3). From Ethnic to Civic Nation Building. Sharing the Nation. Retrieved from <https://documents.tips/documents/ethniccivic-nation-building.html>
- Auzan, A. (2010). *Natsional'nyye tsennosti i modernizatsiya* [National Values and Modernization]. M.: OGI; Polit. ru.
- Avksent'yev, V. A., & Aksyumov, B. V. (2010). Portfel' identichnostey molodezhi yuga Rossii v usloviyakh tsivilizatsionnogo vybora [Portfolio of Youth Identities in the South of Russia in Terms of Civilizational Choice]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 2, 18–27.
- Barnes, M. L. (2013). *Mobilization nation: mass movements in the People's Republic of China*. Thesis submitted to the Graduate Faculty as partial fulfillment of the requirement for the Master of Arts Degree in History. The University of Toledo. Retrieved from <http://utdr.utoledo.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1041&context=theses-dissertations>
- Belyayeva, N. Yu. (2011). Dvoynaya natsional'no-politicheskaya identichnost' [Double national and Political Identity]. In I. S. Semenenko (Ed.) *Politicheskaya identichnost' i politika identichnost'. V 2 t. T. 1 Identichnost' kak kategoriya politicheskoy nauki: slovar' terminov i ponyatiy* [Political Identity and Identity Politics: in 2 Vols. Vol. 1. Identity as a Category of Political Science: a Dictionary of Terms and Concepts] (pp. 106–109). Moskva: ROSSPEN, 106–109.
- Bondarenko, D. M. (2016). Postkolonial'nyy mir: formirovaniye natsiy i istoricheskoye proshloye [Post-colonial World: Formation of Nations and Historical Past]. In V. A. Tishkov, Ye. I. Filippova (Eds.) *Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsiy* [The Cultural Complexity of Modern Nations] (pp. 224–240). M.: Politicheskaya entsiklopediya.
- Brubaker, R. (2011). Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States. *Ethnic and Racial Studies*, 34 (11), 1785–1814.
- Conrad, D. C. (2005). *Empires of medieval West Africa: Ghana, Mali, and Songhay*. New York: Facts On File, Inc.
- Daalder, H. (1971). On Building Consociational Nations: The Cases of the Netherlands and Switzerland. *International Social Science Journal*, 23, 3.
- Daalder, H. (1971). On Building Consociational Nations: The Cases of the Netherlands and Switzerland. *International Social Science Journal*, 23 (3), 355–370.
- Daalder, H. (2011). *State Formation, Parties and Democracy. Studies in Comparative European Politics*. Colchester: ECPR Press.
- Dann, O. (2003). *Natsii i natsionalizm v Germanii 1770–1990* [Nations and Nationalism in Germany 1770–1990]. S.-Peterburg: Nauka.
- Deneulin, S., & Rakodi, C. (2011). Revisiting Religion: Development Studies Thirty Years on. *World Development*, 39, 1, 45–54.
- Drobizheva, L. M. (2010) Identichnost' i etnicheskiye ustanovki russkikh v svoey i inoetnicheskoy srede [Identity and Ethnic Regulations of the Russians in Their Own and Other Ethnic Environments]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 12 (320), 49–58.
- Filippov V. R., Dikko, E. T. (2016). Mali na puti k natsional'nomu yedinstvu [Mali is on Its Way to National Unity]. In V. A. Tishkov, Ye. I. Filippova (Eds.) *Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsiy* [The Cultural Complexity of Modern Nations] (pp. 274–294). M.: Politicheskaya entsiklopediya.

- Filippova, Ye. I. (2016). Natsii, gosudarstva, kul'tury [Nations, States, Cultures]. In V.A. Tishkov, Ye.I. Filippova (Eds.) *Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsiy* [The Cultural Complexity of Modern Nations] (pp. 19–34). M.: Politicheskaya entsiklopediya,
- Gellner, E. (1991). *Natsii i natsionalizm* [Nations and nationalism]. M.: Progress.
- Gorodetskaya, N. (2017, March 3). Yedinstvo natsii ne vyderzhalo kritiki [The Unity of the Nation Did Not Stand Up to Criticism]. *Kommersant* [Businessman], Retrieved from <https://www.kommersant.ru/doc/3235995>
- Hobsbawm, E. Dzh. (2002). Printsip etnicheskoy prinadlezhnosti i natsionalizm v sovremennoy Yevrope [The Principle of Ethnic Identity and Nationalism in Modern Europe]. In Anderson B., Bauer O., Hroch M. et al. (Eds.) *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism] (pp. 332–346). Moskva: Praksis.
- Ifeanyi, M., & Enwerem, O. P. (1995). *A Dangerous Awakening: The Politicization of Religion in Nigeria*. Berlin: IFRA.
- Ivanova, S. Yu., Shul'ga M. M. (2010). "Russkaya etnicheskaya" i "Rossiyskaya" identichnost': sootnosheniye ponyatiy ["Russian Ethnic" and "Russia's" Identity: Correlation of Concepts]. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Southern Scientific Center of RAS], 6 (4), 96–104.
- Jega, A. (2000). *Identity transformation and identity politics under structural adjustment in Nigeria*. Stockholm: Elanders Gotab.
- Kudryashova, I. V. (2017). Gibridnaya politicheskaya identichnost' [Hybrid Political Identity]. In I.S. Semenenko (Ed.) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition] (pp. 365–368). M.: Ves' Mir.
- Kul'pin, E. S. (2009). Al'ternativy rossiyskoy modernizatsii, ili restavratsiya Meydzi po-russki [The Russian Modernization Alternatives, or Meiji Restoration in Russian]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political studies], 5, 158–169.
- Lewis, P. (2007). *Identity, Institutions and Democracy in Nigeria. African Barometer Working Paper*. Cape Town: IDSA.
- Lijphart, A. (1969). Consociational Democracy. *World Politics*, 21 (2), 207–225.
- Lijphart, A. (1997). *Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh: sravnitel'noye issledovaniye* [Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration]. Moskva: Aspekt Press.
- Lijphart, A. (1971). Comparative Politics and the Comparative Method. *The American Political Science Review*, 65 (3), 682–693.
- Lubskiy, A. V. (2015). Gosudarstvo-tsivilizatsiya i natsional'no-tsivilizatsionnaya identichnost' v Rossii [State-civilization and National-Civilizational Identity in Russia]. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanitarians of the South of Russia], 2, 30–45.
- Lubskiy, A. V., Posukhova, O. Yu. (2016). Proyekty natsiyestroitel'stva i modeli natsional'noy integratsii v Rossii [Projects of Nation-Building and National Integration in Russia]. *Vlast'* [The Authority], 8, 39–47.
- Maier, K. (2000). *This House Has Fallen: Midnight in Nigeria*. New York: Public Affairs.
- Malakhov, V. (2002). Preodolimo li etnotsentricheskoye myshleniye? [Is Ethnocentric Thinking Surmountable?]. In V. Voronkova, O. Karpenko, A. Osipova (Eds.) *Rasizm v yazyke sotsial'nykh nauk* [Racism in the Language of Social Sciences] (pp. 9–22). SPb.: Aleteyya.
- Melucci, A. (1996). *Challenging codes: collective action in the information age*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Miller, A. (2008). Natsiya-gosudarstvo ili gosudarstvo-natsiya? [Nation-state or State-nation?]. *Rossiya v global'noy politike* [Russia in Global Politics], 5. Retrieved from http://www.globalaffairs.ru/number/n_11632
- Miller, A. (2008). Tema natsii v rossiyskoy politike poslednikh let ["Nation" in Russian Politics in the Recent Years]. In N. Yu. Lapkina (Ed.) *Dva prezidentskikh sroka V. V. Putina: dinamika peremen* [Two Presidential Terms of V. Putin: Dynamics of Changes]. M.: INION RAN.

- Morozova, Ye. V. (2017). Slozhnosostavnaya identichnost' [Compound Identity]. In I. S. Semenenko (Ed.) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition] (pp. 325–334). M.: Ves' Mir.
- Osaghae, E. E., Suberu, R. T. (2005, January). A History of Identities, Violence and Stability in Nigeria. *Centre for Research on Inequality, Human Security and Ethnicity. Crise Working Paper*, 6. Oxford: University of Oxford.
- Paden, J. N. (2006). *Muslim civic cultures and conflict resolution: the challenge of democratic federalism in Nigeria*. Washington DC: Brookings Institution Press.
- Paden, J. N. (2008). *Faith and Politics in Nigeria: Nigeria as a Pivotal State in the Muslim World*. Washington DC: United States Institute of Peace.
- Pain, E., & Fedyunin, S. (2017). *Natsiya i demokratiya: perspektivy upravleniya kul'turnym raznoobraziyem* [Nation and Democracy: Perspectives on Managing Cultural Diversity]. M.: Mysl'.
- Peregudov, S. P. (2017). Rossiyskaya grazhdanskaya identichnost' i politicheskaya natsiya: problemy formirovaniya i konsolidatsii [Russian Civil Identity and Political Nation: Problems of Formation and Consolidation]. In I. S. Semenenko (Ed.) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition] (pp. 163–170). M.: Ves' Mir.
- Proyekt Federal'nogo Zakona № 369190–3 “Ob osnovakh gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii” (2017). [Draft of Federal Law No. 369190–3 “On the Basis of the National State Policy of the Russian Federation” (2017)]. *Zona zakona.RU* [Area of the Law.RU]. Retrieved from <https://www.zonazakona.ru/law/projects/217/>
- Putin, V. V. (2012, February 5). Vstupitel'noye slovo na rabochey vstreche po voprosam mezhnatsional'nykh i mezkhkonfessional'nykh otnosheniy [Opening Remarks at the Working Meeting on Interethnic and Interreligious Relations]. Retrieved from <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22349>
- Putin, V. V. (2012, January 23). Rossiya: natsional'nyy vopros [Russia: the National Question]. *Nezavisimaya gazeta*. Retrieved from http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html
- Ramose, M. B. (1999). *African Philosophy through Ubuntu*. Harare: Mond Books.
- Rebouché, R., Fearon, K. (2005). Overlapping Identities: Power Sharing and Women's Rights. In I. O'Flynn and D. Russell (Eds.) *Power Sharing. New Challenges for Divided Societies* (pp. 155–171). London – Ann Arbor, MI: Pluto Press.
- Remizov, M. (2011, September 12). Pyat' prichin byt' russkimi [Five Reasons to be Russian]. *Russkiy obozrevatel'* [Russian columnist]. Retrieved from <http://www.rus-obr.ru/ru-web/13505>
- Rossiyskaya identichnost' v sotsiologicheskoy izmerenii. Analiticheskiy doklad. Chast' 3. Istoriicheskoye samosoznaniye i natsional'nyy mentalitet rossiyan. Sotsiokul'turnyye aspekty yevropeyskoy identichnosti rossiyan [Russian Identity in the Sociological Dimension. Analytical Report. Part 3. Historical Consciousness and National Mentality of the Russians. Sociocultural aspects of the European Identity of the Russians] (2008). *Polis. Politicheskoye issledovaniye* [Polis. Political studies], 3, 9–28.
- Rossiyskaya natsiya dolzhna sostoyat' iz samobytnykh narodov — Medvedev [The Russian Nation Should Consist of Distinctive Peoples — Medvedev]. (2011, February 11). *RIA Novosti* [RIA News]. Retrieved from <https://ria.ru/politics/20110211/333366199.html>
- Ruby, R., Shah, T. S. (2007, March 21). Nigeria's Presidential Election: The Christian-Muslim Divide. *Pew Forum on Religion & Public Life*. Retrieved from <http://www.pewforum.org/2007/03/21/nigerias-presidential-election-the-christian-muslim-divide/>
- Semenenko, I. S. (2017). Natsional'naya identichnost' [National Identity]. In I. S. Semenenko (Ed.) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition] (pp. 365–368). M.: Ves' Mir.
- Shabayev, Yu. P. (2011). Etnicheskiy natsionalizm i grazhdanskaya natsiya v sovremennoy Rossii [Ethnic nationalism and civil nation in modern Russia]. In V. A. Tishkov, V. V. Stepanova (Eds.)

- Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2010 godu. Yezhegodnyy doklad* [Ethno-political Situation in Russia and n\Neighboring States in 2010. Annual Report] (pp. 69–83). M.: Institut etnologii i antropologii RAN.
- Shnirel'man, V. A. (2007). Tsvivilizatsionnyy podkhod kak natsional'naya ideya [Civilizational Approach as a National Idea]. In V.A. Tishkov, V.A. Shnirelman (Eds.) *Natsionalizm v mirovoy istorii* [Nationalism in World History] (pp.82–104). M.: Nauka.
- Sigger, D. S., Polak, B. M., & Pennink, B. J. W. (2010, July). 'Ubuntu' or 'humanness' as a management concept: Based on empirical results from Tanzania. *CDS Research Report*, 29 (ISSN1385–9218).
- Smith, A. D. (1991). *National Identity*. London: Penguin Books.
- Smith, E. (2004). *Natsionalizm i modernism* [Nationalism and Modernism]. M.: Praksis.
- Smyth, M., Robinson, G. (2001). *Researching Violently Divided Societies: Ethical and Methodological Issues*. London: Pluto Press.
- Stepan, A. (2005). Ukraine: Improbable democratic “nation-state” but possible democratic “state-nation”? Post-Soviet affairs. *Columbia*, 4, 279–308.
- Stepan, A., Linz, J. J., & Yadav, Y. (2010). The Rise of “State-Nations”. *Journal of Democracy*, 21 (3), 50–68.
- Stepanova L.A. (Ed.). (2017). *Razvitiye obshchegrazhdanskoj identichnosti v polikul'turnom prostanstve rossiyskogo obshchestva* [Development of Civil Identity in the Multicultural Space of Russian Society]. Moskva: Narodnoye obrazovaniye.
- Tishkov, V. A. (2011). *Yedinstvo v mnogoobrazii: publikatsii iz zhurnala “Etnopanorama” 1999–2011 gg* [Unity in Diversity: Publications from the Journal “Ethnopanorama” 1999–2011]. Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU.
- Tishkov, V. A. (2013). Ponimaniye natsiyestroitel'stva v Rossii v mirovom kontekste [Understanding of Nation-building in Russia in the World Context]. In *Ot Drevney Rusi k Rossiyskoy Federatsii. Istoriya rossiyskoy gosudarstvennosti (Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, MGU, 28–29 sentyabrya 2012)* [From Ancient Russia to the Russian Federation. The History of Russian Statehood (Materials of the International Scientific Conference. Moscow, MSU, September 28–29, 2012)] (pp. 58–67). S.-Peterburg: Aleteyya.
- Tishkov, V. A. (2016). Uslozhnyayushcheye raznoobraziye: kak yego ponimat' i uporyadochit' [Complicating Diversity: How to Understand and Organize It]. In V.A. Tishkov, Ye.I. Filippova (Eds.) *Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsiy* [The Cultural Complexity of Modern Nations]. Politicheskaya entsiklopediya, 7–18.
- Tutu, D. (1999). *No Future without Forgiveness: A Personal Overview of South Africa's Truth and Reconciliation Commission*. London: Rider.
- Uwah, I. E. (2017). The Representation of African Traditional Religion and Culture in Nigeria Popular Films. *Politics and Religion Journal*, 5 (1), 81–102.

Received 04.07.2018. Accepted 03.09.2018

For citation: Potseluev S.P., Timkuk J.A. Plural societies between the state nation and consociational nation. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 3. Pp. 96–125.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

СТАНОВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТОРНОСТИ ГЕРМАНСКИХ СМИ

И. М. Ерофеев

Ерофеев Илья Михайлович, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, пр-т Вернадского, 76, Москва, 119200, Россия
E-mail: erofeevilja@mail.ru

Аннотация. Процесс формирования международно-политической акторности германских СМИ необходимо рассматривать с учетом социально-исторического пути Германии. Этапы эволюции СМИ Германии и увеличение их роли как политического инструмента тесно связаны с социально-экономическим развитием германского общества с одной стороны, и внедрением научно-технических инноваций в сфере распространения информации — с другой. Системы средств массовой информации Германии претерпели глубокую трансформацию на пути к формированию информационных структур, пригодных для трансляции политических взглядов различных субъектов политического процесса. Настоящая статья раскрывает особенности исторических этапов становления германских СМИ в контексте социально-экономических и политических процессов в Германии. Рассматриваются важнейшие вехи в истории германских СМИ: с момента возникновения по настоящее время. Цель работы — определить основные этапы развития германских СМИ как акторов международной политики, проследив тем самым их эволюцию в данном аспекте с XIX в. до настоящего времени. Методология исследования базируется на основе историко-генетического метода, предполагающего отслеживание изменений при рассмотрении того или иного явления, института, процесса. Исследуется влияние, оказываемое СМИ на формирование общественного мнения. Ряд системно-структурных изменений германских СМИ произошел во время мировых войн, в ходе которых трансформировались базовые функции германских СМИ. В условиях общественно-политических трансформаций сменились механизмы функционирования СМИ: на первый план вышли идеологическая и пропагандистская деятельность. В послевоенный период политическая система и система СМИ Германии пережили ряд стремительных изменений, коренным образом преобразовавших саму структуру немецкого общества. Живо протекавшие в этот период процессы трансформации информационной и политической сфер показали возможность построения «с нуля» системы демократических СМИ и развитого информационного общества. Современные германские СМИ оказывают большое влияние на общественную, социальную и политическую жизнь граждан. Сейчас рынок средств массовой информации Германии представляет собой широкое разнообразие различных источников информации: от традиционных печатных СМИ до активно развивающегося электронного сегмента медиарынка. В статье рассматриваются вопросы нормативного правового регулирования деятельности СМИ в Германии и степень влияния государственного аппарата на германскую медиасферу в настоящее время.

Ключевые слова: германские СМИ, информация, общественное мнение, государственные органы.

Введение

В современном мире невозможно представить существование политического процесса без средств массовой информации. Телевидение, печать, радио, Интернет призваны не только освещать текущие события, но и побуждать граждан к политической активности.

Будучи актором мировой политики, СМИ все чаще проявляют способность влиять на интенсивность политического диалога между различными странами. Сегодня ни одно политическое мероприятие не обходится без активного медий-

ного сопровождения, формирующего общественное мнение на внутривнутриполитическом и международном уровне.

Все судьбоносные социальные и политические события, происходившие в мире, сопровождались усилением роли средств массовой информации, которое во многом происходило за счет их использования как инструмента продвижения интересов государственной власти или пропаганды информационной повестки дня, актуальной для определенного исторического периода.

Увеличение скорости передачи данных, отсутствие каких-либо международных договоренностей, ограничивающих распространение информации в Интернете, массовое использование коммуникационных технологий и социальных сетей самым существенным образом повлияли на повышение роли СМИ в сфере безопасности и распространение их применения в информационных и гибридных войнах.

Говоря о развитии германских СМИ, следует отметить, что их формирование как политического инструмента необходимо рассматривать в контексте развития социально-экономических и политических процессов в самой Германии.

Цель работы — определить основные этапы развития германских СМИ как акторов международной политики, проследив тем самым их эволюцию в данном аспекте с XIX в. до настоящего времени. Исследование выполнено на основе историко-генетического метода, предполагающего отслеживание изменений при рассмотрении того или иного явления, института, процесса.

Возникновение и становление германских СМИ. Начало развития современной германской прессы — эпоха Римской империи. Информационные бюллетени, именуемые «Gazetta», начали издаваться сначала в Италии. Чуть позже они стали выходить в Священной Римской империи германской нации. Примечательно, что само слово «газета», на немецком языке — «Zeitung», восходит к слову «Zidunge» (послание, весть, новость) и до XVIII в. обозначало «новое известие политического характера» (Stöber, 2005).

До изобретения Иоганном Гуттенбергом печатного пресса в середине XV в. в Германии широкое распространение получили рукописные газеты, которые уже тогда использовали графические средства передачи информации.

Техника И. Гуттенберга позволила в сжатые сроки наладить производство печатной продукции. Первоначально она использовалась в интересах церкви, в частности для ведения межконфессиональной борьбы в период Реформации (1517–1648 гг.). Первые же печатные вестники появились в Германии в конце XV в. и выходили ограниченным тиражом. Только в XVII в. в стране появились периодические издания, тираж которых достигал нескольких тысяч экземпляров. Первыми германскими еженедельниками стали «Релацион» (1605 г., Страсбург) и «Авизо» (1609 г., Вольфенбюттель), первыми ежедневными газетами — политические издания «Теглих ной айнлауфенден крингс-унд вельтхендельн» (1650 г., Лейпциг) и «Ляйпцигер цайтунг» (1661 г., Лейпциг). В XVII в. в Германии также появились журналы «Акта публика» (1621 г., Франкфурт-на-Майне), «Театрум-ойропеум» (1634 г., Франкфурт-на-Майне) и «Диариум-ойропеум» (1659 г., Франкфурт-на-Майне), ставшие предшественниками современных германских историко-политических изданий. К началу XVIII в. число периодических изданий в Германии достигло двухсот (Solomon, 1906).

С самого начала германская пресса была призвана освещать прежде всего политические процессы, происходящие в стране. После Революции 1848 г., обра-

зования Германской империи и принятия в 1874 г. Имперского закона о печати германской прессе была гарантирована свобода в общенациональном масштабе. Кроме того, внедрение телеграфа в 1940 х гг., изобретение в 1860 г. ротационной машины, позволившей ускорить процесс размножения полиграфической продукции, а также появление в период с 1871 г. по 1883 г. трех крупных концернов периодической печати, образованных Р. Моссе, Л. Ульштайном и А. Шерлем, сделали, по мнению ряда германских исследователей (Huber, 2008; Scharf, 1975; Wenkel, 1926; Fischer, 1975; Titel, 2015; Erman, 1954; Treude, 1975), прессу Германии массовой, а газету — практически исключительным информационным и политическим инструментом.

В XIX в. в Германии сформировалась ежедневная пресса в современном ее понимании. Этому в частности способствовало удешевление печати, распространение подписки и розничной продажи за счет появления рекламы. В конце XIX в. в Германии печаталось более 3 тыс. газет, а их средний тираж достигал 6 тыс. экземпляров (Koszyk, 1966).

СМИ как политический инструмент

С развитием печати политическая элита Германии стала все больше осознавать эффективность ее воздействия на общественное мнение и начала активно использовать прессу в качестве политического инструмента. Так, канцлер Германии Отто фон Бисмарк активно задействовал германских журналистов для нагнетания информационного фона в 1870 г. в целях развязывания войны с Францией (Stürmer, 1994).

В период Первой мировой войны периодические издания Германии не менее активно задействовались для информационного обеспечения военной риторики государства. Согласно германскому исследователю П. Обергасснеру, «Первая мировая война превратилась в настоящую бойню. Пресса и стоящая за ней пропаганда представляли ее в рыцарском и героическом образе, требуя вместе с тем от населения быть готовым к испытаниям и трудностям» (Obergaßner, 2014). Так, в газете «Мюнхнер Нойстен Нахрихтен» в начале августа 1914 г., сразу после начала войны, указывалось: «Во всех слоях общества царит невероятное воодушевление. Огромное количество людей вышло на улицы. Толпы скандируют “Ура Кайзеру!”. Повсюду звучат патриотические песни и национальные гимны» (Obergaßner, 2014). Германская пресса бушевала в борьбе за аудиторию. В целях направления информационной работы изданий в «правильном» русле в Германии появилась жесткая цензура. Первым государственным подразделением, отвечавшим за взаимодействие с прессой, стал Отдел информации и шпионажа Генерального штаба в Берлине (Obergaßner, 2014). Население получало военную прессу и брошюры вместе с талонами на питание, которые расходилась миллионными тиражами. Вместе с тем обыкновенные периодические издания стремительно сокращались (Koszyk, 1972).

Первая мировая война дала небывалый толчок развитию средств массовой информации. Каждая из сторон, вовлеченных в конфликт, стремилась максимально дискредитировать правящий режим и армию противника, активно используя при этом возможности печати. В своей автобиографии «Майн Кампф» («Моя борьба») Адольф Гитлер, рассуждая о причинах поражения Германии в Первой мировой войне, говорил о провале «сдержанной» германской пропаганды и обозначил ряд

установок, необходимых для успеха информационной войны. Он считал: «Пропаганда, используя правильные формы психологического воздействия, должна быть способна проложить путь в интуитивный мир представлений широкой общечеловечности и к сердцам большинства людей» (Hitler, 1998).

Война изменила расстановку сил на политической карте мира. Перестали существовать Османская империя и Австро-Венгрия, в России и Германии произошли революции, приведшие к смене правящего режима и социально-экономического строя. В 1918 г. в Германии была образована Веймарская республика (1913–1933 гг.). С момента основания Республика испытывала серьезные финансовые трудности, связанные с выплатой репараций по Версальскому мирному договору (132 млрд. марок), экономической и политической блокадой страны. Сложная финансовая ситуация — в сентябре 1923 г. одна золотая марка стоила 38,1 млн. бумажных марок (Биск, 1995) — привела к переделу рынка периодической печати в Германии и усилению позиций крупных издательств (Литвиненко, 2007). В 1916 г. председатель финансовой дирекции «Фридрих Крупп АГ» Альфред Гугенберг приобрел издательство А. Шерля, а также германское информационное агентство «Телеграфен-Унион», заняв лидирующие позиции в сфере периодической печати (Fischer, 1975). Вместе с тем в начале 1930-х гг. конфигурация медиарынка Германии начала меняться. В 1923 г. берлинская компания «Функштунде АГ» совершила первую трансляцию радиопередачи на территории страны (Breßler, 2009). При участии частного капитала в 1924 г. были созданы девять региональных радиостанций (Manteuffel, 1994), а уже к началу 1940-х гг. количество домохозяйств в Германии, использовавших радиоприемники, превысило отметку 4 млн. (Breßler, 2009).

В 1933 г. в Германии было образовано Рейхсминистерство народного просвещения и пропаганды, которое взяло под контроль прессу и радио в стране, полностью ограничив их информационную свободу. Период Третьего рейха (1933–1945 гг.) в истории германской журналистики отмечен абсолютным господством фашистской идеологии и военной риторики. Тоталитарный режим Адольфа Гитлера создал чрезвычайно эффективный аппарат по использованию германских СМИ для идеологической обработки населения, сделав прессу и радио своими союзниками в пропаганде идей превосходства немецкой нации, порабощения и истребления других народов (Пратканис, 2002).

Принципы информационной работы Рейхсминистерства, возглавляемого Йозефом Геббельсом, можно наглядно охарактеризовать несколькими его цитатами: «Чем чудовищнее ложь, тем охотнее толпа верит в нее»; «Худший враг любой пропаганды — интеллектуализм»; «Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой»; «Пропаганда должна быть популярной, а не приятной интеллектуально» (Рисс, 2006).

«Пропагандистская машина» Й. Геббельса на деле доказала, что СМИ «можно успешно использовать для массового манипулирования общественным сознанием и подготовки чудовищных преступлений против человечности» (Павлов, 2013). Так, в 1939 г. германская пресса и радио были задействованы для нагнетания международно-политической напряженности вокруг «Гляйвицкого инцидента», инспирированного самой же Германией (в рамках операции «Гиммлер» отрядами СС было инсценировано нападение польских военнослужащих на немецкую радиостанцию в г. Гляйвиц) и послужившего удобным поводом для на-

чала военной операции против Польши и развязывания Второй мировой войны (Хёне, 2003).

К концу 1933 г. в Германии возникла полностью «новая» печать, унифицированная по содержательному наполнению и редакционной политике.

Трансформации германских СМИ в послевоенный период

С разгромом фашистской Германии в стране были начаты политические преобразования по принципу «пять Д» — денацификация, демилитаризация, демократизация, децентрализация и декартелизация, выработанному странами-союзниками на «Потсдамской конференции» 1945 г. Созданные «с чистого листа» германские СМИ следовали в том же политическом русле. За использование фашистской символики и пропаганду нацизма законодательством Германии была предусмотрена уголовная ответственность, которая сохраняется до настоящего дня.

Учитывая уроки прошлого и нежелание впредь иметь дело с германской пропагандой, западные оккупационные власти решили максимально децентрализовать медиаландшафт Германии и воссоздавать его, используя общественно-правовую форму организации СМИ¹. Они же создали модели и сформулировали политические установки «новых» СМИ.

Уже в первые послевоенные дни в Германии было организовано издание прессы. Во Франкфурте-на-Майне 1 августа 1945 г. был выпущен первый номер «Франкфуртер Рундшау» — «Франкфуртское обозрение», газета способствовала «формированию основ информационного пространства Германии» (Вороненкова, 1999). В Мюнхене 6 октября 1945 г. впервые вышла «Зюддойче Цайтунг», со временем ставшая не только ведущей газетой юга Германии, но и одним из самых авторитетных периодических изданий страны. В Гамбурге 21 февраля 1946 г. появилась политическая еженедельная газета «Ди Цайт». Там же 2 апреля 1946 г. начала выходить информационная ежедневная газета «Ди Вельт». С 4 января 1947 г. в Ганновере начал издаваться информационно-политический еженедельник «Дер Шпигель», ставший всемирно известным благодаря качественным аналитическим публикациям по общественно-политической проблематике. А 1 августа 1948 г. увидел свет первый номер политического журнала «Штерн».

Всего в период с 1945 г. по 1949 г. при непосредственном участии оккупационных властей в Германии было начато издание около 120 газет общим тиражом свыше 80 млн. экз. (Stöber, 2014). Таким образом, была сформирована новая система СМИ Германии. Вместе с тем образование в 1949 г. ФРГ и ГДР привело к соответствующему разделению германских СМИ на два противоборствующих блока и изменению парадигмы их развития.

---

¹ Общественно-правовая форма собственности предполагает, что медиаресурс не принадлежит ни частным лицам, ни государству, а находится в «собственности общества». Стратегическое управление компаний осуществляется специальным наблюдательным советом, формируемым из представителей крупных партий, значимых общественных организаций, церквей, профсоюзов и т. д., что должно обеспечивать максимально взвешенную программную политику. Наблюдательный совет назначает управляющий совет, занимающийся «тактическим планированием» действий СМИ и назначающий интенданта — генерального директора, который осуществляет непосредственное руководство. Такая сложная система управления, позаимствованная у Британии, была призвана обеспечить демократическое развитие германских средств массовой информации.

Западная Германия (ФРГ) активно включилась в идеологическое противостояние с Советским Союзом. Коммунистическая партия была запрещена, а социалистические идеи целенаправленно отвергались. Конституция ФРГ, принятая в 1949 г., законодательно закрепила свободу печати. В то же время общенациональной германской прессы создано не было, развитие журналистики носило региональный характер.

В 1955 г. были установлены дипломатические отношения между ФРГ и СССР. Тем не менее холодная война в политике и журналистике продолжалась, достигнув пика в 1961 г. во время берлинского политического кризиса. В 1970 г. ФРГ подписала договоры о признании послевоенных границ с Польшей и Советским Союзом, что положило начало политической разрядке и ослаблению идеологизации западногерманской журналистики.

Говоря о судьбе радиовещания в Германии, следует отметить, что радиотрансляционная сеть была восстановлена в стране сразу по окончании войны. Союзное командование использовало радио как наиболее простое и доступное средство массовой информации. Первые радиопередачи в послевоенной Германии начались как раз в тот период, когда нацистской прессы уже не существовало, а новые периодические издания еще не появились. В западных секторах оккупации Германии была введена система общественно-правового радиовещания, предусматривавшая участие в выработке информационной политики правительства, парламента и общественных организаций. В советском секторе оно оставалось исключительно государственным.

В 1948–1949 гг. в Западной Германии были созданы правовые основы радиовещания, которое, как и пресса, развивалось по земельному принципу. В 1950 г. все радиокomпании ФРГ были объединены в «Рабочее содружество общественно-правовых радиокomпаний Германии» («АРД»). В 1954 г. к «АРД» присоединилось телевидение, вещание которого было начато в ФРГ в 1953 г. В 1955 г. ФРГ получила политический суверенитет, что кардинальным образом отразилось на информационной политике страны. С этого момента также началось уверенное развитие германского телевидения, которое вплоть до января 1985 г. (момента появления частной телерадиокomпании «РТЛ» носило исключительно общественно-правовой характер).

Говоря о Восточной Германии, следует отметить, что журналистика в ГДР была воссоздана по примеру советской медиамодели, в основе которой лежала жесткая цензура и вертикальная система организации средств массовой информации. Система СМИ ГДР датировалась из государственного бюджета и управлялась централизованно — Центральным комитетом правящей Социалистической Единой партии Германии (СЕПГ). Основной газетой СЕПГ и всей ГДР вплоть до падения берлинской стены была «Нойес Дойчланд» (тираж — 1 млн. экз.). СЕПГ также издавала 16 ежедневных газет общим разовым тиражом более 5 млн. экз. (Вороненков, 2004). Важное место в журналистике Восточной Германии уделялось молодежной и профсоюзной печати. Так, печатный орган Союза свободной немецкой молодежи газета «Юнге Вельт» имела тираж 1 млн. 120 тыс. экз. Профсоюзная газета «Трибуне» выходила тиражом более 400 тыс. экземпляров (Вороненков, 2004).

В Восточной Германии радиовещание возобновилось в 1945 г., телевизионная трансляция появилась в декабре 1952 г. Телевидение и радио были подчинены соответствующим комитетам при совете министров ГДР. Граждане ГДР были

информационно изолированы от ФРГ и Западного Берлина. Даже обычные контакты между берлинцами, разделенными стеной, долгие годы были крайне ограничены. С падением Берлинской стены 9 ноября 1989 г. в Восточную Германию стала поступать западногерманская пресса, что привело к «коллапсу системы СМИ и пропаганды ГДР» (Stöber, 2014), а 3 октября 1990 г. произошло объединение Германии.

Германские СМИ на современном этапе

В настоящее время германский рынок печатных СМИ — пятый по объему в мире, в 2016 г. в Германии выходило более 1500 ежедневных газет общим тиражом 20 млн. экз. и 30 еженедельных и воскресных газет тиражом 5 млн. экз. Германский журнальный рынок насчитывает 900 наименований с тиражом 115 млн. экз., а также около 3700 специализированных изданий с тиражом 15 млн. экз. Сегодня в каждой семье в Германии есть телевизор, а в стандартный ТВ-пакет входит 27 каналов. Более половины домашних хозяйств в Германии имеют спутниковое телевидение, 70% населения страны обладает доступом к кабельным ТВ-каналам (Das Statistik-Portal...). На сегодняшний день в Германии насчитывается более 500 информационных агентств, занимающихся сбором общественно-политической информации. Основным является созданное в 1949 г. по принципу общества с ограниченной ответственностью Германское агентство прессы («ДПА»).

Германия также занимает лидирующие позиции в мире по использованию и развитию информационно-коммуникационной сети Интернет. Первое интернет-подключение в Германии было зарегистрировано в 1989 г., в настоящее же время Интернетом активно пользуется 89% населения страны (Internet usage statistics...). Интенсивное развитие сети Интернет, использование продвинутых коммуникационных устройств, а также развитие рынка мобильных приложений уже в 2000-х гг. привело германские СМИ к осознанию необходимости развивать электронный сегмент медиарынка. На сегодняшний день 45% населения или 58% интернет-пользователей в Германии (из них порядка 66% мужчин и 50% женщин), относит интернет-медиа к основным источникам информации (Germany Freedom House...). Следует также отметить растущую роль социальных сетей в германской медиасфере. Так, согласно статистическим исследованиям 2018 г., порядка 66% германских интернет-пользователей на регулярной основе используют социальные сети, в том числе в качестве информационного ресурса (Welche der folgenden...).

Становление международно-политической акторности германских СМИ необходимо рассматривать в контексте развития социально-экономических и политических процессов в самой Германии, а также эволюции средств передачи информации. Таким образом, этапы развития СМИ Германии и возрастания их роли как политического инструмента можно соотнести с социально-экономическим развитием германского общества и в то же время с внедрением научно-технических разработок в сфере распространения информации.

Появление первых средств информации — прообразов современных германских медиа обусловлено прежде всего политическими целями. Последующее развитие СМИ Германии также было неразрывно связано с политической жизнью страны. Принципиальное влияние на формирование германских СМИ как политического инструмента оказал канцлер Германии Отто фон Бисмарк

(1871–1890 гг.). В ходе Первой мировой войны германские СМИ активно использовали политическим истеблишментом для пропаганды, а с введением Рейхсминистерства народного просвещения и пропаганды в 1933 г., фактически срослись с госаппаратом, став его рупором. Поражение Германии во Второй мировой войне привело к полному переформатированию германских СМИ и воссозданию их уже на основе англо-саксонской и социалистической медиамодели. Разделение Германии между союзниками и начавшаяся холодная война привели к идеологизации и политизации вновь созданных СМИ. Лишь после объединения ФРГ и ГДР средства массовой информации Германии приобрели относительную свободу и современные очертания. Вместе с тем современные германские медиа вынуждены сталкиваться с еще большими вызовами, лежащими как в политической, так и в технической плоскости. Глобализация медиасферы и повсеместная информатизация обусловили размывание четких политических ориентиров и слом сложившихся традиций и установок в работе германских СМИ. На медиарынке Германии с 1985 г. начали появляться частные, в том числе иностранные, медиакомпании. Распространение Интернета, интернет-медиа и социальных сетей привело к развитию новой системы взаимодействия германских СМИ с аудиторией, а также новых принципов журналистской работы.

Следует также отметить ряд отличительных черт, формирование которых неразрывно связано с особенностями становления германских СМИ в послевоенный период. Одной из них является организация деятельности СМИ на общественно-правовой основе, что было обусловлено стремлением западных оккупационных стран предотвратить попытки оказания на них влияния как со стороны государственных органов, так и со стороны третьих лиц. Другой отличительной чертой является отсутствие в Германии государственных органов, непосредственно руководящих деятельностью германских СМИ (Ведомству печати и информации Федерального правительства отведена лишь функция посредника во взаимодействии госаппарата с медиа), а также отсутствие закона о средствах массовой информации. Гарантом свободы слова, печати и информации в стране является Конституция. В частности параграф 1 ст. 5 Основного закона Германии гласит: «Каждый имеет право свободно выражать и распространять свое мнение устно, письменно и посредством изображения, а также беспрепятственно получать информацию из общедоступных источников. Гарантируется свобода печати и свобода передачи информации посредством радио и кино. Цензуры не существует» (Das Grundgesetz der BRD...).

Отказ от цензуры, государственного управления средствами массовой информации, организация СМИ на общественно-правовой основе, а также законодательно закрепленная свобода слова и распространения информации способствовали обеспечению высокой степени доверия германского общества к СМИ и их эволюции как политического инструмента. Оставаясь средством распространения информации, современные германские медиа в то же время являются силой, имеющей значительные возможности для самостоятельного предопределения характера публикуемого контента. Очевидно, что в ближайшей перспективе они приобретут еще большее влияние на германскую общественную и социальную жизнь, осваивая и используя новые коммуникационные технологии, транслируя

точку зрения различных политических движений и настраивая необходимым образом восприятие германского социума.

Библиографический список

- Беспалова, А. Г., Корнилов, Е. А., Короченский, А. П. и др. (2003). *История мировой журналистики*. Ростов н/Д: МарТ.
- Биск, И. Я. (1995). *Пресса Веймарской Германии*. Иваново: Изд-во Ивановск. ун-та.
- Вартанова, Е. Л. (2003). *Медиаэкономика зарубежных стран*. Учебное пособие. М.: Аспект Пресс.
- Вороненков, М. Ю. (2004). *Средства массовой информации Восточной Германии: от тоталитаризма к демократии* (Докторская диссертация). Москва.
- Вороненков, М. Ю. (2002). *Журналистика восточной Германии: от тоталитаризма к демократии*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета.
- Вороненкова, Г. Ф. (2001). Средства массовой информации ФРГ в 2000 году. *Вестник Московского университета*, 5, 52–56.
- Вороненкова, Г. Ф. (2003). Средства массовой информации ФРГ в 2002 году. *Вестник Московского университета*, 2, 32–36.
- Вороненкова, Г. Ф. (1998). *Средства массовой информации Германии в 90-е годы*. Москва.
- Вороненкова, Г. Ф. (1999). *Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества. Национальное своеобразие средств массовой информации Германии* (Докторская диссертация). Москва.
- Вороненкова, Г. Ф. (2002). Средства массовой информации ФРГ в 2001 году. *Вестник Московского университета*, 5, 25–30.
- Вороненкова, Г. Ф., Чесанов, А. А. (2001). *Периодическая печать Германии*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета.
- Литвиненко, А. А. (2007). *Пресса ФРГ начала XXI века: модернизация оргструктур и содержания газет в условиях кризиса медиарынка* (Канд. диссертация). Санкт-Петербург.
- Орлов, Ю. Я. (1970). *Печать ФРГ*. Москва: Изд-во Моск. ун-та.
- Пратканис, Э. Р. (2003). *Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление*. СПб: Прайм-Еврознак.
- Рисс, К. (2006). *Кровавый романтик нацизма. Доктор Геббельс. 1939–1945*. Москва: Центр-полиграф.
- Хеллак, Г. (2002). *Печать, радио и телевидение в Германии*. Бонн: Интер Национес.
- Хене, Х. (2003). *Черный орден СС. История охранных отрядов*. Москва: ОЛМА-ПРЕСС.
- Branahl, U. (2000). *Medienrecht*. Wiesbaden.
- Breßler, E. S. (2009). *Die Rundfunkwirtschaft in der Weimarer Republik. In: Von der Experimentierbühne zum Propagandainstrument*. Köln: Böhlau Verlag.
- Das Grundgesetz der BRD. Режим доступа http://www.bundestag.de/parlament/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgesetz/gg_01/245122
- Das Statistik-Portal. Режим доступа <https://de.statista.com/themen/101/medien/>
- Erman, H. (1954). *August Scherl. Dämonie und Erfolg in Wilhelminischer Zeit*. Berlin: Universitas Verlag.
- Fischer, E. (1975). Leopold Ullstein (1826–1899). In: Fischer H.-D. (Hrsg.) *Deutsche Presseverleger des 18. bis 20. Jahrhunderts*. Pullach bei München.
- Fischer, H.-D. (1975). Alfred Hugenberg (1865–1951). In: Ders. (Hrsg.) *Deutsche Presseverleger des 18. bis 20. Jahrhunderts*. Pullach bei München.
- Germany Freedom House mit dem Freedom of the Net Report 2015. Retrieved from <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2015/germany>

- Hitler, A. (1998). *Mein Kampf*. Originally 1925–1926. Mariner Books.
- Huber, C. K. (2008). Medienkonzerne. In: Hachmeister L. (Hrsg.) *Grundlagen der Medienpolitik. Ein Handbuch*. München: DVA.
- Internet usage statistics. The Internet Big Picture Internet World Stats. Retrieved from <https://internetworldstats.com/stats.htm>
- Kassautzki, C. (2000). *Presse in der Bundesrepublik Deutschland*. Stuttgart.
- Koszyk, K. (1966). Deutsche Presse im 19. Jahrhundert. *Geschichte der deutschen Presse*. Bd. 2. Berlin: Colloquium.
- Koszyk, K. (1972). Deutsche Presse 1914–1945. *Geschichte der deutschen Presse*. Bd. 3. Berlin: Colloquium.
- Manteuffel, P. (1994). *Wie der Rundfunk in Deutschland begann*. ELRO Verlagsgesellschaft mbH, Königs Wusterhausen.
- Meyn, H. (2004). *Massenmedien in Deutschland*. Konstanz.
- Obergaßner, P. Erster Weltkrieg und Propaganda. Der geheuchelte Krieg. (2014, 21 Oktober). *Süddeutsche Zeitung*. Режим доступа <http://www.sueddeutsche.de/politik/erster-weltkrieg-und-propaganda-der-geheuchelte-krieg-1.1891071>
- Scharf, W. (1975). Rudolf Mosse (1843–1920). In: Fischer H.-D. (Hrsg.) *Deutsche Presseverleger des 18. bis 20. Jahrhunderts. Publizistik-historische Beiträge*. Band 4. Pullach bei München.
- Solomon, L. (1906). *Geschichte des Deutschen Zeitungswesens*. Erster Band. Oldenburg / Leipzig, Schulzesche Hof-Buchhandlung.
- Stöber, R. (2005). *Deutsche Pressegeschichte*. Konstanz: UVK.
- Stöber, R. (2014). *Deutsche Pressegeschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. 3., überarbeitete Auflage*. Konstanz, München: UVK.
- Stürmer, M. (1994). *Das ruhelose Reich. Deutschland 1866–1918*. Berlin: Siedler.
- Treude, B. (1975). August Hugo Friedrich Scherl (1849–1921). In: Fischer H.-D. (Hrsg.) *Deutsche Presseverleger des 18. bis 20. Jahrhunderts*. Pullach bei München.
- Welche der folgenden sozialen Netzwerke haben Sie in den vergangenen drei Monaten genutzt? (2018). Retrieved from <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/589708/umfrage/nutzung-von-sozialen-netzwerken-in-deutschland/>
- Wenkel, K. (1926). Rudolf Mosse — ein Schöpfer des deutschen Zeitungswesens. In: *Der Kaufmann und das Leben. Beiblatt zur Zeitschrift für Handelswissenschaft und Handelspraxis*. Heft 6. Juni, 41–45.

Статья поступила в редакцию 16.06.2018

Статья принята к публикации 28.08.2018

Для цитирования: Ерофеев И. М. Становление международно-политической акторности германских СМИ. — Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 3. С. 126–138.

FORMATION OF INTERNATIONAL-POLITICAL ACTORSHIP IN GERMAN MEDIA

I. M. Erofeev

Ilja M. Erofeev, Moscow State Institute of International Relations, Smolenskaya-Sennaya Sq., 30, building 2, Moscow, 2119200, Russia

E-mail: erofeev@ilja@mail.ru

Abstract. To analyze the way German Mass Media have acquired their political weight on the international arena, it is necessary to do so against the background of the socio-historical development of Germany. On the one hand, the stages of German Mass Media evolution and their growth as a political instrument are closely connected with the socio-economic development of German society and, on the other hand, with the introduction of scientific and technological innovations into the sphere of information dissemination. The systems of Mass

Media in Germany have undergone deep transformations on their way to form informational structures able to relay political views of different participants of the political process. The aim of the paper is to determine the main stages in the development of German Mass Media as an influential participants of international politics, parallel with following their evolution as such, since the XIXth century up to nowadays. The methodology of the research is based on the historical-genetic method which presupposes tracking the changes while analyzing any phenomenon, institution, or process. The paper analyzes how Mass Media exert their influence on forming public opinion. A number of changes in the system and structure of German Mass Media occurred during World Wars when their main functions were transformed. In view of social and political transformations, Mass Media functioning mechanisms were replaced: now, ideology and propaganda came to the fore. In the post-war period, both the political system and Mass Media in Germany went through a number of swift alterations that have radically changed the very structure of German society. The active flow of transformations in the informational and political spheres gave the opportunity to build the system of democratic Mass Media and a developed information society from the very beginning. Contemporary German Mass Media exert a great influence upon the citizens' public, social and political life. Nowadays, Mass Media information market in Germany represents a wide variety of different sources of information, from traditional printed press to an actively developing electronic segment of the mediamarket. The paper analyzes the problems of normative and legal regulation of the activity of Mass Media in Germany and the level of state influence upon German media sphere at present.

Key words: German Mass Media, information, public opinion, state bodies

DOI: 10.31429/26190567-19-3-126-138

References

- Bespalova, A. G., Kornilov, E. A., & Korochenskij, A. P. (2003) *Istoriya mirovoj zhurnalistiki* [History of World Journalism]. Rostov-na-Donu: Mart.
- Bisk, I. Ya. (1995). *Pressa Vejmarskoj Germanii* [Press in Weimar Germany]. Ivanovo: Izd-vo Ivanovsk. un-ta.
- Branahl, U. (2000). *Medienrecht*. Wiesbaden.
- Breßler, E. S. (2009). Die Rundfunkwirtschaft in der Weimarer Republik. In: *Von der Experimentierbühne zum Propagandainstrument*. Köln: Böhlau Verlag.
- Das Grundgesetz der BRD. Retrieved from http://www.bundestag.de/parlament/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgesetz/gg_01/245122
- Das Statistik-Portal. Retrieved from <https://de.statista.com/themen/101/medien/>
- Erman, H. (1954). *August Scherl. Dämonie und Erfolg in Wilhelminischer Zeit*. Berlin: Universitas Verlag.
- Fischer, E. (1975). Leopold Ullstein (1826–1899). In: Fischer H.-D. (Hrsg.) *Deutsche Presseverleger des 18. bis 20. Jahrhunderts*. Pullach bei München.
- Fischer, H.-D. (1975). Alfred Hugenberg (1865–1951). In: Ders. (Hrsg.) *Deutsche Presseverleger des 18. bis 20. Jahrhunderts*. Pullach bei München.
- Hellak, G. (2002). *Pечат, радио и телевидение в Германии* [Printed Press, Radio and Television in Germany]. Bonn: Inter Nationes.
- Hitler, A. (1998). *Mein Kampf*. Originally 1925–1926. Mariner Books.
- Huber, C. K. (2008). Medienkonzerne. In: Hachmeister L. (Hrsg.) *Grundlagen der Medienpolitik. Ein Handbuch*. München: DVA.
- Hyone, H. (2003) *Chyornyj orden SS. Istoriya oxrannyh otryadov* [The Black SS Order. The History of Secret Police Groups]. Moscow: OLMA-PRESS.
- Internet usage statistics. The Internet Big Picture Internet World Stats. Retrieved from <https://internetworldstats.com/stats.htm>
- Kassautzki, C. (2000). *Presse in der Bundesrepublik Deutschland*. Stuttgart.

- Koszyk, K. (1966). *Deutsche Presse im 19. Jahrhundert. Geschichte der deutschen Presse*. Bd. 2. Berlin: Colloquium.
- Koszyk, K. (1972). *Deutsche Presse 1914–1945. Geschichte der deutschen Presse*. Bd. 3. Berlin: Colloquium.
- Litvinenko, A. A. (2007). *Pressa FRG nachala XXI veka: modernizaciya orgstruktur i sodержaniya gazet v usloviyax krizisa mediarynka* [German Press at the Beginning of the XXI century: Structural Modernization of Organizational Structures and Updating of Newspaper Content under Media Market Crisis]. (Cand. Dissertation). S.-Petersburg.
- Manteuffel, P. (1994). *Wie der Rundfunk in Deutschland begann*. ELRO Verlagsgesellschaft mbH, Königs Wusterhausen.
- Meyn, H. (2004). *Massenmedien in Deutschland*. Konstanz.
- Obergaßner, P. Erster Weltkrieg und Propaganda. Der geheuchelte Krieg. (2014, 21 Oktober). *Süd-deutsche Zeitung*. Retrieved from <http://www.sueddeutsche.de/politik/erster-weltkrieg-und-propaganda-der-geheuchelte-krieg-1.1891071>
- Orlov, Yu. Ya. (1970). *Pechat FRG* [The Press in Germany]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Pratkanis, E. R. (2002). *Epoha propagandy: Mexanizmy ubezhdeniya, povsednevnoe ispolzovanie i zloupotrebleniye. Psixologicheskaya enciklopediya* [The Age of Propaganda: Everyday Use and Abuse of Persuasion]. S.-Petersburg: Praim-Evroznak.
- Riss, K. (2006). *Krovavyy romantik nacizma. Doktor Gebbels. 1939–1945* [The Bloody Romantic of Nazism. Dr. Goebbels, 1939–1945]. Moscow: Centrpoligraf.
- Scharf, W. (1975). Rudolf Mosse (1843–1920). In: Fischer H.-D. (Hrsg.) *Deutsche Presseverleger des 18. bis 20. Jahrhunderts. Publizistik-historische Beiträge*. Band 4. Pullach bei München.
- Solomon, L. (1906). *Geschichte des Deutschen Zeitungswesens. Erster Band*. Oldenburg / Leipzig, Schulzesche Hof-Buchhandlung.
- Stöber, R. (2005). *Deutsche Pressegeschichte*. Konstanz: UVK.
- Stöber, R. (2014). *Deutsche Pressegeschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart*. 3., überarbeitete Auflage. Konstanz, München: UVK.
- Stürmer, M. (1994). *Das ruhelose Reich. Deutschland 1866–1918*. Berlin: Siedler.
- Treude, B. (1975). August Hugo Friedrich Scherl (1849–1921). In: Fischer H.-D. (Hrsg.) *Deutsche Presseverleger des 18. bis 20. Jahrhunderts*. Pullach bei München.
- Vartanova, E. L. (2003). *Mediaekonomika zarubezhnyx stran* [Media Economics Abroad]. Moscow: Aspekt Press.
- Voronenkov, M. Yu. (2002). *Zhurnalistika vostochnoy Germanii. Ot totalitarizma k demokratii* [Journalism in East Germany. From Totalitarianism to Democracy]. S.-Petersburg: izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta.
- Voronenkov, M. Yu. (2004). *Sredstva massovoy informacii Vostochnoy Germanii: ot totalitarizma k demokratii* [The Mass Media in East Germany: from Totalitarianism to Democracy]. (Doctoral dissertation). Moscow.
- Voronenkova, G. F., & Chesanov, A. A. (2001). *Periodicheskaya pechat Germanii* [Periodical Press in Germany]. S.-Petersburg.
- Voronenkova, G. F. (1998). *Sredstva massovoy informacii Germanii v 90-e gody* [The Mass Media in Germany in the 90s]. Moscow.
- Voronenkova, G. F. (1999). *Put dlinoyu v pyat stoletij: ot rukopisnogo listka do informacionnogo obshchestva. Nacionalnoe svoeobrazie sredstv massovoy informacii Germanii* [A Five-centuries-long Path: from a Handwritten Sheet to Information Society. National Originality of the German Media]. (Doctoral dissertation). Moscow.
- Voronenkova, G. F. (2001). *Sredstva massovoy informacii FRG v 2000 godu* [Mass Media in Germany in 2000]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 5, 52–56.

- Voronenkova, G. F. (2002). Sredstva massovoj informacii FRG v 2001 godu [Mass Media in Germany in 2001]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 5, 25–30.
- Voronenkova, G. F. (2003) Sredstva massovoj informacii FRG v 2002 godu [Mass Media in Germany in 2002]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2, 32–36.
- Welche der folgenden sozialen Netzwerke haben Sie in den vergangenen drei Monaten genutzt? (2018). Retrieved from <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/589708/umfrage/nutzung-von-sozialen-netzwerken-in-deutschland/>
- Wenkel, K. (1926). Rudolf Mosse — ein Schöpfer des deutschen Zeitungswesens. In: *Der Kaufmann und das Leben. Beiblatt zur Zeitschrift für Handelswissenschaft und Handelspraxis*. Heft 6. Juni, 41–45.

Received 16.06.2018. Accepted 28.08.2018

For citation: Erofeev I.M. Formation of international-political actorship in German media.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 3. Pp. 126-138.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕНТ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ONLINE-ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА¹

Н.А. Рябченко, В.В. Катермина, А.А. Гнедаш, О.П. Малышева

Рябченко Наталья Анатольевна

E-mail: rrrnatali@mail.ru · <https://orcid.org/0000-0001-6980-2894>

Катермина Вероника Викторовна.

E-mail: veronika.katermina@yandex.ru · <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>

Гнедаш Анна Александровна.

E-mail: anna_gnedash@inbox.ru · <https://orcid.org/0000-0002-3516-107X>

Малышева Ольга Петровна.

E-mail: malisheva_83@mail.ru · <https://orcid.org/0000-0001-8285-0508>

Кубанский государственный университет, Ставропольская ул., 149, Краснодар, 350040, Россия.

Аннотация. Online-пространство, характеризующееся как безграничными возможностями коммуникации, так и способами ограничения информационных потоков, в настоящее время является основной площадкой для конструирования и функционирования различных социальных движений, в том числе создания ими политического контента. Данные движения в виду их активной (конструктивной и / или деструктивной) online-и offline-деятельности не могут быть исследованы при помощи классических методов анализа. Цель нашего исследования — разработка гибридной трехступенчатой методологии исследования политического контента, продуцируемого в online-пространстве современными социальными движениями. Авторская методология включает применение структурного сетевого анализа (количественное исследование и моделирование социального движения в виде социального графа), реляционного анализа (качественный анализ сетевых данных смоделированного социального графа), лингводискурсивного анализа (анализ смыслов, дискурсов, репертуаров и норм социального движения). Апробация трехступенчатой методологии анализа проведена на примере исследования одного из самых крупных (в глобальном, региональном и локальном форматах) и результативных социальных движений современности — движения «Women’s March». Посредством структурного сетевого анализа сетевых данных социальной платформы Twitter за период январь-июнь 2018 г. была смоделирована сетевая структура движения «Women’s March» в виде социального графа. Реляционный анализ смоделированного социального графа позволил выделить и описать дискуссионное ядро «Women’s March» как совокупность кластеров, определяющих основные направления дискурса в сетевом сообществе данного движения. Лингводискурсивный анализ выделенных кластеров проводился как семантический и дискурсивный анализ тегов и хэштегов (фолксономический анализ) смоделированного дискуссионного ядра политического контента, продуцируемого социальным движением «Women’s March». Данная методология позволяет проанализировать, насколько любое исследуемое социальное движение является устойчивой сетевой структурой; визуализировать структуру движения (акторы, подсообщества, ядро, периферия, участники, сторонники, потребители контента); выявить качественные характеристики, определяющие взаимосвязи внутри самого сообщества / движения, и взаимодействие с внешней средой; определить возможные точки роста и векторы трансформации социального движения как в online-, так и в offline-про-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-011-00910 «Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды».

странствах; спрогнозировать дальнейшее развитие движения и характер его действий в online- и offline-пространствах.

Ключевые слова: политический контент, социальные движения, сетевые сообщества, структурный сетевой анализ, реляционный анализ, лингводискурсивный анализ, хэштеги, online-пространство, социальные медиа.

Введение и постановка исследовательских вопросов

Исследования online-пространства развиваются, как и само пространство, изменяя не только социальную среду, но и создавая новые научные области, например, такие, как BigData и сетевой анализ. Всего в мире насчитывается около 4 млрд. пользователей Интернета. За одну секунду пользователи online-пространства публикуют 8 тыс. новых сообщений в микроблоге Twitter, размещают 854 тыс. новых фотографий в Instagram, формируют 68 тыс. запросов в поисковой системе Google, просматривают 74 тыс. видео в YouTube, посылают 2,7 млн. электронных писем (In 1 second..., 2018). В online-пространстве пользователи / акторы создают и воспроизводят огромное количество всевозможного контента, который определяет формат и содержание различных социально-политических дискурсов, имеющих высокий потенциал социального действия — способность приводить к изменениям социально-политических систем, так как результатом взаимодействия пользователей / акторов в процессе создания и потребления политического контента становится накопленный в online-пространстве политический капитал, который можно конвертировать из online-пространства в offline. Такой контент мы будем называть политическим контентом и определять его как часть отраженной сознанием акторов и воспроизведенной в вербальной и невербальной форме социально-политической действительности. Политический контент образует непрерывную среду — информационно-новостное поле, состоящее из дискретных сообщений, посредством которых взаимодействуют социально-политические акторы публичной сферы. Политический контент способен трансформировать социально-политическую действительность, продуцируя события — сообщение или совокупность сообщений, способных изменить расстановки сил или интересов в обществе.

Исследование дискурсов и определение их потенциала социального действия становится сложной исследовательской задачей в виду нелинейности и динамичности процесса производства и воспроизводства контента, а также наличия у контента характеристик BigData, например, таких как неструктурированность. Классические методы анализа социально-политического дискурса, формирующегося в online-пространстве, не могут быть применены так же, как они применяются для дискурсов, формирующихся offline, поскольку стадия выбора контента, составляющего набор исследовательских данных, становится нетривиальной задачей (Бонцанини, 2018; Knoke, 2008).

Как и почему политический контент, продуцируемый одними акторами, движениями или пользователями остается «невидимым», проходным, неактуальным, а контент, продуцируемый другими, моментально становится популярным, ключевым и формирует политическую повестку дня? Как из тысяч терабайтов разнообразных сетевых данных сформировать целевую выборку для проведения исследований контента, продуцируемого в online-пространстве? Очевидный ответ на последний исследовательский вопрос заключается в выборе современной и достоверной исследовательской оптики, которая бы включала как математические методы исследования, так и методологию Social Science с упором на лингвисти-

ческий поворот в общественных науках. Результаты исследования политического контента, продуцируемого самым крупным и актуальным социальным движением современности, мы приведем далее.

Методология исследования политического контента

Анализ сетевых данных в online-пространстве основывается на структурном сетевом анализе, который заключается в рассмотрении социально-политических процессов и их участников как глобальных социальных графов (Barabasi, 2009; Харари, 2006). Глобальный социальный граф базируется на том, что окружающий нас мир состоит из сетей, а не групп, а природа участников сетевого взаимодействия определяется пересечением этих сетей. Структурный сетевой анализ позволяет произвести количественное исследование социальных графов (Martin, 2011; Wasserman, 1994), определяя их основные характеристики: количество вершин, количество связей, среднее количество связей, диаметр социального графа, модулярность, количество сообществ, количество слабо связанных компонентов социального графа, средний коэффициент кластеризации. Структурный сетевой анализ является первым этапом проведения исследования, на котором формируется релевантная выборка количественных сетевых данных и осуществляется построение социального графа по заданным исследовательским параметрам (Управление публичной политикой, 2015). Второй этап заключается в применении реляционного анализа к созданному социальному графу: формирование релевантной выборки исследования и включение качественных сетевых данных в проводимый анализ. Реляционный анализ заключается в том, чтобы рассматривать социально-политическую реальность как динамичные разворачивающиеся отношения (транзакции), продолжающиеся и непрерывные процессы, неотделимые от контекстов (Erikson, 2013). Транзакции в сетевых сообществах как динамический процесс, а не составляющие их элементы (как в структурном анализе), становятся главным объектом анализа реляционной социологии. Данная методология позволяет исследовать не только структурные, но и культурные компоненты (понимаемые как локальные практики и смыслы, дискурсы, репертуары и нормы), которые рассматриваются неотделимо друг от друга. Дополнение структурного сетевого анализа реляционной социологией позволяет анализировать социальные графы, продуцирующие политический контент, не как «статичные узлы среди инертных сущностей» (Emirbayer, 1997), а в качестве динамичных акторов, осуществляющих управленческие воздействия посредством создания, воспроизводства и потребления политического контента другими пользователями / гражданами.

На третьем этапе к выбранным исследовательским данным применяется лингводискурсивный анализ. Он необходим для изучения процессов интерпретации и создания значений и смыслов в дискурсах, продуцируемых акторами в процессе создания, распространения и потребления политического контента в исследуемом социальном графе. Лингводискурсивный анализ включает в себя: контент-анализ, дискурсивный анализ, семантический анализ хэштегов (фолксономический анализ). Контент-анализ посредством различных формализованных процедур позволяет выявлять закономерности и основные тенденции в организации информационного потока, составленного из политического контента, и определяет намерения коммуникатора при тиражировании этого потока. Это позволяет прогнозировать возможные реакции аудитории (потребителей политического контента) на потребляемый из информационного потока политический контент. Сетевые данные, в том числе и медиатекст, составляю-

щий основу политического контента, при таком подходе рассматривается в качестве объективного (однако опосредованного) отражения интересов или запросов сторон, участвующих в процессе коммуникации (Рябченко, 2018). Правомерность использования контент-анализа в исследованиях политического контента online-пространства определяется тем, что online-контент, являющийся для контент-анализа реальностью первого порядка, есть всегда продукт человеческой деятельности. Поэтому он содержит следы влияния разнообразных социальных и психологических факторов. Отсюда проистекает возможность обнаружения и измерения данных факторов путем регистрации соответствующих индикаторов или референтов этих факторов в тексте. Таким образом, целью контент-анализа является постижение более глубокой — внетекстовой реальности. На основе такого анализа мы делаем выводы о потенциале наступления политического события или явления, всесторонне анализируя его (принимая во внимание не только количественные, но и качественные характеристики), и, таким образом, прогнозируем тенденции его развития, как и вероятные реакции социума на наступление данного политического события или явления.

Дискурсивный анализ — специфический метод современного научного исследования, который сформировался на основе многочисленных теорий, относящихся к различным сферам научного знания: этнографии, социальной и культурной антропологии, лингвистике и т.д. Наиболее важным, ключевым понятием в большинстве теоретических подходов к дискурсивному анализу становится понятие сообщества (Fairclough, 2003), в котором формируются особые способы говорения и мышления социальных акторов, определяющие в дальнейшем участие данных акторов в реализации тех или иных социальных практик. Дискурс-аналитические теоретические построения обладают меньшим уровнем спекулятивности и расширяют наши представления о сущности, структурных компонентах и функциях исследуемых феноменов. В то же время дискурс-анализ выделяется и среди иных качественных социологических методик, таких как конверсационный анализ, этнометодология или нарративный анализ, поскольку в дискурс-анализе конкретный текст или коммуникативная ситуация исследуются всегда в рамках более глобальных социально-политических структур — корпусов текстов, дискурсивной формации, исторического контекста (Gee, 2001). Еще одним отличительным моментом дискурс-анализа является то, что социально-политическая реальность в рамках этого исследовательского направления рассматривается не как данность, но как постоянно изменяющийся конструкт. Акцент, таким образом, делается на процессе, на исследовании способов производства, воспроизводства и потребления политического контента. В связи с этим дискурс-анализ позволяет рассмотреть не только то, как язык создает, отражает и выражает политический контент, но и другую сторону этого сложного взаимодействия — как язык формирует и конструирует сущность коммуникативных процессов в эпоху постправды как online, так и offline (Tambuscio, 2015). Иными словами, дискурс-анализ основывается на представлении о диалектическом рекурсивном взаимодействии между языковой и социально-политической реальностью, а в наиболее радикальных случаях («теория дискурса») отождествляет эту реальность с дискурсивной.

Семантический анализ тегов и хэштегов (фолксономический анализ) — это методика анализа практики совместной категоризации пользователями создаваемого, воспроизводимого и потребляемого ими контента (тексты, медиатексты, страницы сайтов, ссылки, посты в блогах, изображения, аудиозаписи, фото-, видеоклипы и т.п.)

в online-пространстве посредством произвольно выбираемых меток, называемых тегами и хэштегами. В настоящее время хэштеги открыли в online-коммуникации новое измерение — они связывают пользователей online-пространства между собой, даже если те не состоят ни в каких отношениях друг с другом (не являются подписчиками / друзьями, фолловерами друг друга). Вследствие чего контент, размещаемый на разных социальных платформах, в том числе и на разных языках, объединяется и систематизируется благодаря маркированию его хэштегами. Фолксономический анализ позволяет выделить структурные и качественные характеристики политического контента в online-пространстве (Гнедаш, 2015; Николаева, 2018; Szomszor, 2018). Интерпретация результатов фолксономического анализа создает матрицу дискурсивных и содержательных смыслов медиаэкосистемы online-пространства.

Хэштеги как триггеры социально-политических процессов в online-пространстве

Социальные платформы (Instagram, Facebook, Twitter, Odnoklassniki) утвердили использование символа «#» как технологию маркирования контента. Хэштег (англ. hashtag от hash — символ «решётка»/ «#») — слово в социальных платформах, начинающееся с символа «#» и служащее для маркирования сообщения с целью обозначения его принадлежности к какому-либо событию, теме или обсуждению (Хэштеги..., 2018). В более широком смысле хэштег — метка, используемая для распределения сообщений по темам в блогах и социальных сетях. Сообщения, в которых присутствует тот или иной хэштег, становятся маркированными и дают возможность интернет-пользователям найти тематическую информацию с помощью инструмента поиска. Первоначально выступая как форма индексирования, хэштег позднее становится средством обозначения определенного настроения, проявления сарказма, внутреннего монолога или подсознания автора (Щурина, 2015). Б. Солис рассматривает хэштеги как явление, которое вышло за пределы виртуальной реальности (Solis, 2011): «Хэштеги перетекают от одной формы коммуникации к другой за пределы микроблога... Хэштеги не должны быть брендированными, но должны вызывать ассоциации... Они обладают культурной релевантностью, соединяют интеллектуальный и эмоциональный уровни до того, как будут запущены в три блока социальных медиа (действия, реакции, транзакции)».

Хэштег рассматривается нами как свернутый текст, способный передать информацию об источнике либо о целом культурном / историческом событии в сжатом виде. Это позволяет обеспечить «узнавание» данного феномена адресатом и его последующую интерпретацию. Восстановление культурных коннотаций и определенных ассоциативных связей оказывается необходимым для достижения коммуникативного эффекта.

К основным функциям хэштегов вслед за Ю.Е. Галяминой можно отнести следующие:

1. Тематический маркер — хэштег как семантический, синтаксический и материальный маркер связанности разных сообщений / текстов / событий; одновременное обозначение не только темы сообщения, но и участника ситуации (актант или сирконстант), когда «в тему превращается наименование участников или места, в котором происходит то или иное событие» (Галямина, 2014).

2. Оценочное имя — хэштег как массовая этикетка в медийном дискурсе; такой приём часто используется в политическом или рекламном дискурсе (Катермина, 2017).

3. Предикативно-классифицирующая функция хэштегов — приписывание событию, явлению или персонажу свойств, которые позволяют отнести его к тому или иному классу события, объектов, состояний и т.п.

4. Модальная функция — хэштеги могут выражать модальность высказывания и одновременно соотносят данное высказывание с классом высказываний подобной модальности.

5. Хэштег как маркер самого себя — хэштег выполняет металингвистическую функцию и относит сообщение / событие / текст к не связанным друг с другом сообщениям / событиям / текстам, объединённых только фактом использования данного слова.

Хэштеги не только группируют сообщения схожего содержания в микроблогах и обеспечивают возможность быстрого поиска нужной информации, но и приобретают творческий характер (Кан, 2017). Хэштег служит для более ёмкого выражения значений без использования средств синтаксиса естественного языка и более того нередко приобретает в предложении особый коммуникативный статус. Именно поэтому необходим тщательный анализ хэштегов как нового лингвистического явления.

Результаты исследования политического контента, продуцируемого социальным движением «Women's March», в глобальном online-пространстве

По мнению Организации Объединённых Наций в настоящее время «Women's March» является самым актуальным и проактивным социальным движением в глобальном, региональном и локальном форматах (UN Women Annual Report, 2018). Созданное на базе социальных платформ Facebook и Twitter в конце 2016 г. и сформировавшееся в международное движение 21 января 2017 г., оно не затухает и по сей день. Не смотря на последовательное решение всех поставленных задач, «Women's March» постоянно находит и включает в свою проблематику новые социальные лакуны, связанные с артикуляцией, защитой и совершенствованием законодательства и политики в области прав человека: прав женщин, иммигрантов, репродуктивных прав, реформ здравоохранения, вопросов расового неравенства, экологических вопросов, прав трудящихся и т.д. (About Women's March, 2018). Именно решение задач и переключение на новые социальные проблемы позволяют движению не «затухать», а набирать новые обороты в разных странах и в разных социально-политических сферах. Именно работа с политическим контентом — его создание, распространение и постоянное привлечение внимания к движению через различные социальные платформы, ключевых интернет-акторов (блогеры, лидеры мнения, социальные медиа, СМИ) — позволило движению «Women's March» стать не одноразовой акцией протеста в отношении дискриминационной позиции Д. Трампа в период предвыборной кампании и накануне инаугурации (Malone, 2017), а сформировать глобальную сеть и пул определённых акций и задач, которые систематически проводятся и позволяют участникам движения как привлекать внимание, так и решать социально-политические проблемы различных групп населения (Гнедаш, 2018). На сегодняшний день «Women's March» — это крупнейшее и мощнейшее движение, мобилизующее людей на совершение активных социально-политических действий как в online-, так

и в offline-пространствах; действий, меняющих поле публичной политики (Tolentino, 2017; Przybyla, 2017; Cauterucci, 2016; Heyboer, 2017; Tiefenthäler, 2018).

Исследуем политический контент, продуцируемый социальным движением «Women's March» в online-пространстве современных государств, согласно авторской исследовательской методологии, описанной выше. Посредством структурного сетевого анализа сетевых данных социальной платформы Twitter за период январь–июнь 2018 г. мы выделили и смоделировали движение «Women's March» в виде социального графа, включившего основных акторов, прямых и опосредованных участников движения, а также потенциальных участников движения — пользователей, потребляющих и распространяющих контент исследуемого движения. Реляционный анализ дискурса смоделированного социального графа² позволил нам выделить и описать дискуссионное ядро «Women's March» (см. рисунок), состоящее из 467 вершин-хэштегов, которыми участники движения маркируют размещаемый и потребляемый ими контент и тем самым формируют политический контент — информационно-новостное поле исследуемого социального движения.

Вершины дискурса смоделированного социального графа находятся в постоянном взаимодействии, о чем свидетельствует наличие 1154 связей. Это означает, что продуцируемый социальным движением контент не является статичным, а находится в динамике относительно многочисленных дискуссий, которые он порождает. Применяя кластерный анализ, можно выделить в дискуссионном ядре кластеры, определяющие основные направления дискурса в сетевом сообществе движения «Women's March». В результате мы выделили восемь крупных кластеров, отмеченных на рисунке. Применив к выделенным кластерам лингводискурсивный анализ, мы определили их содержание и направленность (этап 3 в авторской исследовательской методологии).

1-й кластер «Women's March 2018» (на рис. 1 обозначен номером 1) — это центр дискуссионного ядра исследуемого политического контента. Центральным хабом дискурса в этом кластере является хэштег #womensmarch2018, который возник для маркирования всех акций, событий и сообщений движения «Women's March» в 2018 г.; основное событие этого года для участников движения — это второй женский марш, прошедший в январе 2018 г. в 250 городах США и 57 странах мира. Данный кластер, помимо «женских маршей» во всем мире, посвящен обсуждению следующих тем (тематика и содержание твитов, маркированных хэштегом #womensmarch2018):

— уважение к женщине; женщины у власти; нарушение избирательного права женщин; доминирование мужчин над женщинами, в частности, мужчин у власти, принимающих законы, дискриминирующие женщин; сексуальные домогательства и половая дискриминация в разных сферах жизни;

² Под социальным графом мы понимаем неиерархичное и самовоспроизводящееся социальное объединение акторов / групп акторов, связанных общими ценностями, целями и участием в едином информационно-коммуникационном поле. Выявление и фиксация связей обмена контентом между пользователями / участниками сетевого сообщества позволяет математически смоделировать социальный граф сообщества / сети (операционализация понятия и объяснение методики построения социальных графов приведены в монографии «Управление публичной политикой», 2015). Отметим также, что без моделирования социального графа движения невозможно выявить политический контент (и далее дискурс), который это движение продуцирует — в противном случае мы получаем многослойное наложение контента и дискурсов других движений / акторов / сетей и сообществ.

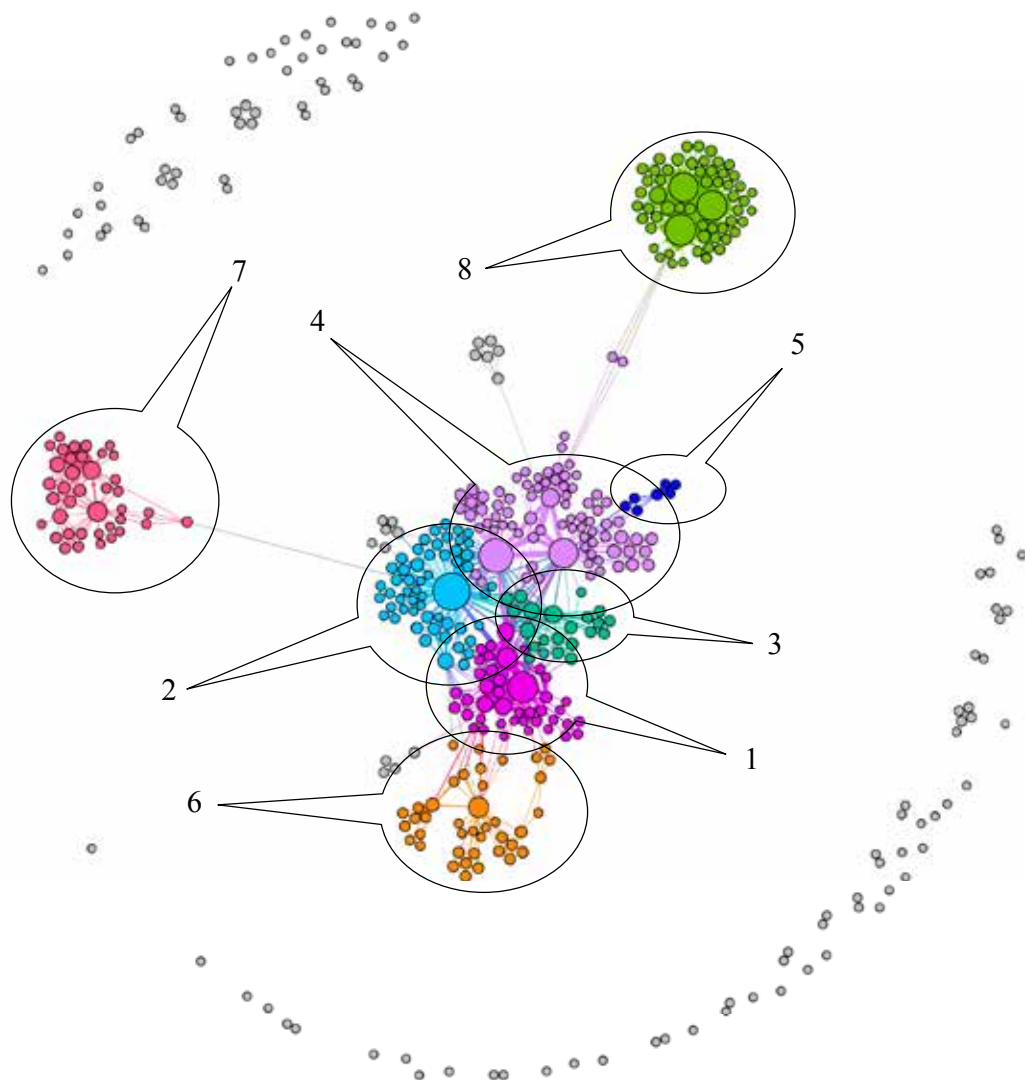

Рис. 1. Дискуссионное ядро политического контента, продуцируемого социальным движением «Women's March» в online-пространстве современных государств

Fig. 1. The discursive core of political content produced by the "Women's March" social movement in the online space of modern states

- проблема расизма;
- выражение страха, беспомощности и отчаяния в создавшейся социально-политической обстановке, осуждение взглядов и политики Д. Трампа (пристрастное отношение к иммигрантам, нетерпимость, репродуктивное право женщин);
- обсуждение подверженности Д. Трампа влиянию России, Китая и Северной Кореи; призывы сопротивляться тем силам, «которые представляет Д. Трамп» (во взаимосвязи с хэштегом #resist);

- проблема низкого политического участия граждан США; ранние выборы в Конгресс США; переизбрание сенаторов; голосование в поддержку фискальной реформы; помощь работающим семьям; иммиграционная реформа; призыв голосовать за кандидатов женщин на выборах в Конгресс (во взаимосвязи с хэштегом #vote);
- мероприятия, организованные женскими организациями; военные преступления Израиля против Палестины (в частности против женщин и детей) (во взаимосвязи с хэштегом #women).

Тематика данного кластера является связующей и основной в процессе создания векторов дискуссий в других кластерах, а также в силу актуальности и востребованности самого движения «Women's March».

2-й кластер «MeToo» (на рис. 1 обозначен номером 2), представляет собой дискурс, маркирующий и отражающий деятельность движения «#MeToo», центральным хабом которого является одноименный хэштег #metoo. Движение «#MeToo» выступает против сексуального насилия. Оно включает признания известных и неизвестных женщин о сексуальных домогательствах, насилии, гендерной дискриминации и мизогинии на рабочем месте³. Признания с хэштегом #MeToo начались в октябре 2017 г. именно как online-акция / флешмоб участников движения / потребителей контента сетевого сообщества «Women's March» для того, чтобы показать размеры сексуального насилия, домогательств и преследования на рабочем месте. Результатом признаний голливудских актрис, певиц и спортсменов (MeToo: Why are women..., 2017; An incomplete, depressingly long list..., 2017; #MeToo: Social media flooded..., 2017) стала гендерная модернизация американских киностудий, а также включение вопросов защиты женщин от насилия и домогательств на рабочих местах в трудовые контракты в других разнообразных отраслях и профессиональных сферах США (спорт, армия, сельское хозяйство, музыкальная индустрия, наука и академическое сообщество, политика и сфера органов власти, предприятия силиконовой долины). Отметим, что уровень доверия к сообщениям, маркированным данным хэштегом, очень высок, именно поэтому к подобного рода сообщениям подключилось огромное количество женщин в разных странах мира, которые стали делиться собственным опытом домогательств и насилия на рабочем месте (How Companies..., 2018; Senators say #MeToo..., 2017). Помимо публичной артикуляции вопросов сексуальных домогательств на рабочем месте, основным результатом движения «#MeToo» стало смещение с должностных позиций, проведение внутренних проверок и возбуждение судебных дел в отношении продюсеров, тренеров, актеров, профессоров, чиновников, политиков, бизнесменов в 85 странах мира (в том числе США, Великобритании, Испании, Индии, Пакистана, Китая, России и др.). Тематика дискурса в кластере «MeToo» помимо тематики самого движения сосредоточена на следующих темах и проблемах:

- сексуальное насилие над женщинами; запугивание женщин мужчинами как реакция на движение «#MeToo»; цель движения «#MeToo» — уважительное и бе-

³ Хэштег #MeToo был впервые использован известной американской актрисой Алисией Милано около полудня 15 октября 2017 г. и к концу дня использовался другими пользователями более 200 000 раз; 16 октября количество твитов с этим хэштегом было опубликовано более 500 000 раз. Facebook констатирует, что хэштег #MeToo был использован более чем 4,7 млн человек в 12 млн сообщений в течение первых 24 ч 15–16 октября 2017 г.; социальная платформа также отметила, что у 45% пользователей в Соединенных Штатах был друг, который опубликовал этот термин (More than 12M “MeToo” Facebook posts..., 2017).

режное отношение к женщине, а не дискриминация и запугивание мужчин; ответ на обвинения «#MeToo» в злоупотреблении ценностями, которые они отстаивают; высмеивание движения «#MeToo» политиками, отдельными личностями и организациями;

- Тим Джордан и сексуальное насилие над женщинами-спортсменками;
- поддержка движения «#MeToo» известными голливудскими актрисами (осуждение программы «Planned Parenthood», которая поддерживает сексуальное насилие);
- просвещение по вопросу обоюдного согласия на половые отношения; флирт и насилие; оказание поддержки жертвам насилия; страх женщин открыто говорить о личном опыте сексуального насилия над ними;
- реклама мероприятий с посылом «хватит терпеть» (насилие, вооруженное насилие, насилие в школах); проблема отношения к иммигрантам как людям второго сорта; выступления против лечения психотропными препаратами, вызывающими агрессивное поведение; призыв к действию (во взаимосвязи с хэштегом #enough);
- иммиграция и дети; акции протеста; лицемерие; религия и политика; мексиканские иммигранты (во взаимосвязи с хэштегом #dreamactnow).

Как видно на рисунке, дискурс «MeToo» напрямую связан с центром («Women's March 2018») дискуссионного ядра исследуемого политического контента. Это означает, что участники социального движения «Women's March» активно включены в дискурс и имеют устойчивые связи с контентом, продуцируемый движением «#MeToo», но при этом два этих кластера четко отделены друг от друга. Разделение базируется на том, что первыми и наиболее читаемыми лидерами мнения — создателями дискурса «MeToo» — стали и продолжают становиться известные люди в разных странах мира; остальные пользователи либо потребляют и распространяют этот контент, либо также совершают публичные признания в рамках акции #MeToo, но уже среди своих читателей и подписчиков, которых значительно меньше, чем у «звезд» — известных людей или популярных блогеров.

3-й кластер «Women's Rights» (на рис. 1 обозначен номером 3). С дискурсом в кластере «Women's March 2018» непосредственно связан дискурс кластера «Women's rights». Смысл хэштега #womensrights заключается в маркировании сообщений, тематика которых связана с правами и возможностями женщин. Дискурс в кластере «Women's rights» фокусируется на обсуждении следующих вопросов:

- нарушение и защита прав женщин в отношении репродуктивного права (в частности заявление Д. Трампа о том, что женщины должны нести наказание за аборт); социально-культурные различия между женщинами и мужчинами в отношении чести и достоинства; женщины как средство;
- деятельность активистов; победа активистов в борьбе за отмену закона, запрещающего легальные аборты;
- борьба за свободу и равные права; притеснение женщин в Иране (проблема ношения хиджаба),
- отклонение закона о гендерном равенстве в России; отношения Д. Трампа и России;
- бессмысленность Билля о правах женщин в плане борьбы с дискриминацией, насилием, бедностью и установлением равных прав;
- феминизм в художественной литературе; готовность женщин к борьбе; честь и достоинство женщин; нетерпимость к женщинам-феминисткам; половая дискриминация на рабочем месте; несерьезное отношение правительства к проблеме

насилия в отношении женщин; директивное поведение консерваторов в отношении феминизма; противопоставление истинного феминизма в арабских странах «ненастоящему» феминизму на Западе; разрушительная сила феминизма в отношении семейных ценностей; сокращение финансирования женских организаций; нечестное поведение женщин (в правительстве Индии), дискриминирующее мужчин (во взаимосвязи с хэштегом #feminism, #feminist);

— женский футбол в США; возможности и достижения (в том числе известных и обычных женщин); саморазвитие; моральные ценности; мудрость; известные женщины; мироощущение; красота вместо ненависти; призыв не подстраиваться под других, а ценить себя и свою жизнь; любовь животных к людям как показатель благочестия последних; поиск правильного пути в жизни (во взаимосвязи с хэштегом #quote);

— лицемерие Д. Трампа, высмеивание Д. Трампом движения «#MeToo» (во взаимосвязи с хэштегом #MeToo);

— продвижение и обсуждение детской книги о феминизме «She Persisted» Челси Клинтон (во взаимосвязи с хэштегом #shepersisted). Хэштег #shepersisted также связан с современным слоганом американских феминисток;

— художественная литература и фильмы о духовной и физической силе женщин; природная красота женщин; женщины, вдохновившие на достижения; здоровое питание и образ жизни; личные достижения (во взаимосвязи с хэштегом #strongwomen).

Как видно на рисунке дискурс «Women's Rights» напрямую связан с центром («Women's March 2018») дискуссионного ядра исследуемого политического контента, это означает, что создатели и потребители контента «Women's march» активно включены в общую социально-политическую проблематику, связанную с правами женщин, а также создают и потребляют дискурс «Women's Rights». При этом мы отмечаем, что эти кластеры не слиты в единое ядро: общую проблематику могут разделять многие online-пользователи, но не все из них являются сторонниками и акторами движения «Women's Rights».

4-й кластер «Time's Up» (на рис. 1 обозначен номером 4) представляет собой дискурс, центральным хабом которого является одноименный хэштег #timesup, маркирующий и отражающий деятельность движения «Time's Up». Данное социальное движение, выступающее против сексуальных домогательств, основано 1 января 2018 г. голливудскими знаменитостями (как женщинами, так и мужчинами) в поддержку «Эффекта Вайнштейна» и движения «#MeToo». «Эффект Вайнштейна» — это глобальная тенденция, согласно которой обычные / известные люди открыто признаются в социальных медиа в том, что в отношении них известными персонами были совершены насильственные сексуальные действия для того, чтобы первые получили контракт или продвижение по службе, сохранили свое рабочее место. Данное явление имеет место в связи с первыми независимыми сообщениями-признаниями в октябре 2017 г. актрис Алисии Милано (#MeToo) и Роуз МакГоуэн (#RoseArmy) в том, что они были подвергнуты сексуальному насилию со стороны известного кинопродюсера Харви Вайнштейна ради заключения голливудских контрактов (The Harvey Weinstein effect, 2018). Действие «Эффекта Вайнштейна» также приобрело международный характер. Движение «Time's Up» включило следующие инициативы: создание Фонда правовой защиты «The Time's Up Legal Defense Fund» для женщин с низкими доходами, подвергшимся сексуальным домогательствам и нападениям

на рабочем месте (жертвователями Фонда в основном являются известные актеры и актрисы из разных стран мира); достижение гендерного паритета в актерских студиях и агентствах талантов (в том числе и достижение равной оплаты труда в киноиндустрии); протест знаменитостей против домогательств и сексуального насилия (акция «черных нарядов» знаменитых мужчин и женщин на церемонии вручения 75-й премии «Золотой глобус» в январе 2018 г. в США и на церемонии вручения кинопремии «BAFTA» в феврале 2018 г. в Великобритании); значки «Time's Up» почти на всех знаменитостях на церемонии вручения «Оскар» в марте 2018 г. в США. Тематика дискурса в кластере «Time's Up»:

- общественное игнорирование проблем сексуального насилия над детьми, сексуального насилия над женщинами на рабочем месте; поддержка людей, которые подверглись сексуальному насилию (#timesup);

- гендерное равенство; семейные ценности; права человека; проблема нищеты; насаждение гендерных стереотипов продвижения гендерного неравенства в рекламе на телевидении; литература о женщинах и их внутренней силе; гендерная дискриминация на работе; недофинансирование; проекты, направленные на поддержание и продвижение женщин во власти (во взаимосвязи с хэштегом #genderequality);

- проект #HeforShe и результаты его деятельности в странах мира (во взаимосвязи с хэштегом #HeforShe). «#HeforShe» — это международный проект ООН, включивший уже более 1 млрд. участников, в большей степени мужчин, которые в социальных медиа рассказывают, что они сделали и делают для гендерного равенства в собственной стране, городе, семье и в отношении родственников, друзей и коллег женского пола. Некоторые известные актеры и актрисы являются «двигателями» и популяризаторами проекта «#HeforShe»;

- тема образования, пристрастности в образовании, образование детей (обучение девочек в частности);

- широко представлена тема лжи, верификации фактов, а также пристрастного отношения к женщинам / мужчинам на уровне государства (во взаимосвязи с хэштегами #fakecases, #falsecases, #falsedv, #false498a, #factcheck, #biasedsystem).

Как видно на рисунке дискурс «Time's Up» напрямую связан с центром («Women's March 2018») дискуссионного ядра исследуемого политического контента, это означает, что участники социального движения «Women's March» активно включены в потребление дискурса и контента, продуцируемого движением «Time's Up», но при этом два этих кластера четко отделены друг от друга, так как пользователи, создающие дискурс кластера «Time's Up», — это известные и знаменитые люди, и именно они производят контент, совпадающий с ожиданиями участников и сторонников движения «Women's March» и широко востребован другими online-пользователями.

5-й кластер «edd18» (на рис. 1 обозначен номером 5), представляет собой дискурс, центральным хабом которого является одноименный хэштег #edd18, маркирующий и отражающий процесс подготовки и проведения Европейского Форума по развитию «European Development Days»/«EDD» («Европейские дни развития»). Ведущий Европейский Форум по развитию «European Development Days» проводится ежегодно Европейской Комиссией для обмена идеями и опытом в целях поиска инновационных решений насущных мировых проблем. В 2018 г. ключевой темой Форума «EDD2018» стала тема «Women and Girls at the Forefront of Sustainable Development: protect, empower, invest» («Женщины и девочки в авангарде устойчивого развития: защита, расширение прав и возможностей, инвестиции»): обеспечение

физической и психологической целостности девочек и женщин; содействие и расширение экономических и социальных прав и возможностей девочек и женщин; активизация политического участия женщин и девочек (European Development Days, 2018). Именно с связи с темой Форума, близкой к деятельности движения «Women's March», потребители контента «Women's March» включились в дискурс, маркированный #EDD18, а потребители контента «edd18» включились в дискурс «Women's March». Тематика дискурса в кластере «edd18»:

- конференции, мероприятия по защите прав человека (во взаимосвязи с хэштегом #europeandevdevelopmentdays);

- конференция «EDD2018» по вопросам развития девочек и женщин; роль медиа в обеспечении равноправия мужчин и женщин и расширении возможностей женщин в обществе (во взаимосвязи с хэштегом #hernarrative);

- достижения; призыв к борьбе; стеклянный потолок; поддержка акций #MeToo и #Timesup; деятельность активистов в Афганистане; женщины — коренные жители Америки (во взаимосвязи с хэштегом #womenleaders);

- низкая зарплата специалистов в Германии; равная оплата женщин и мужчин; достойная заработная плата (во взаимосвязи с хэштегом #fairpay).

Как видно на рисунке дискурс «edd18» опосредовано (через кластер «Time's Up») связан с центром («Women's March 2018») дискуссионного ядра исследуемого политического контента. Кластеры «Time's Up» и «edd18» связаны посредством событий Каннского фестиваля-2018. Пользователи и потребители дискурса «Time's Up» активно обсуждали в online-пространстве иностранные фильмы, представленные в программе фестиваля. Данные фильмы были посвящены вопросам прав девочек в африканских странах. Эти же фильмы привезли на открытый показ на Форум «EDD2018», что вызвало вторую волну дискуссии. Помимо этого, 82 известные женщины провели акцию протеста против сексизма в киноиндустрии на каннской «красной дорожке», что также было позитивно отмечено и обсуждено в дискурсе «Time's Up». Помимо влияния лидеров мнения (известных персон) на производство и распространение векторов дискуссий в политическом online-контенте и наличие дискуссий, вызванных общественно-политическими действиями в offline- и online-пространствах, эти факты подтверждают мысль о политизации современных культурных событий.

6-й кластер «Power to the polls» (на рис. 1 обозначен номером 6), представляет собой дискурс, маркирующий и отражающий деятельность «Power to the Polls» — главного проекта движения «Women's March». Центральным хабом 6-го дискурса является одноименный хэштег #powertothepolls. Целью проекта «Power to the Polls» является увеличение числа женщин-кандидатов на выборах всех уровней. Представители движения «Women's March» проводят масштабные акции «Power to the Polls» в США с целью проведения митингов, выступлений, встреч с местными сообществами для привлечения женщин в ряды как избирателей, так и кандидатов. Последним оказывается информационная, организационная и финансовая поддержка. Упор также делается на активизацию «небелых» женщин, представительниц сообществ мигрантов мусульманского вероисповедания и коренного населения (Power to the Polls, 2018; A Year Ago, They Marched..., 2018). Результатом деятельности этого проекта в течение 2017–2018 гг. стало беспрецедентное увеличение женщин-кандидатов, в подавляющем большинстве от Демократической партии США, баллотирующихся как на должности в Сенат и законодательные органы США, так и в местные школьные

советы: в легислатуру штата Вирджиния из 15 выбранных демократов — 11 женщин; Кэтрин Кортес Масто выиграла выборы в Сенат США от штата Невада и стала первой женщиной, представляющей данный штат, и первой латиноамериканкой в американском Сенате; в 7 городах США — благодаря поддержке движения «Women's March» — мэрами впервые стали афроамериканцы (Women's March focuses..., 2017; Nevada Senate Election Results, 2018). По состоянию на январь 2018 г. 79 женщин зарегистрировали свои кандидатуры на пост губернаторов американских штатов, что уже удвоило рекорд 1994 г. Число женщин-кандидатов от Демократической партии США, которые будут баллотироваться в Палату представителей США в 2018 г., увеличилось почти на 350% по сравнению с количеством кандидатов-женщин (41 женщина) в 2016 г. На локальных выборах женщин-кандидатов от Демократической партии США в 4 раза больше, чем кандидатов от Республиканской партии США (A Year Ago, They Marched..., 2018). Тематика дискурса данного кластера:

- обсуждение деятельности и участие в движении «Women's March»;
- обсуждение кандидатов на пост губернатора в разных штатах; выступления студенческих лидеров на заседаниях демократической партии; призыв голосовать, обращенный к американцам, живущим за рубежом; призыв регистрироваться для участия в выборах; заявления об официальной поддержке кандидатов организацией «Women for Justice»; победа кандидатов на праймериз; призыв к гражданам агитировать других и участвовать в выборах (#Powertothepolls);
- женщины-кандидаты от штатов; организация предвыборных кампаний; проблемы граждан; местная политическая реклама (во взаимосвязи с хэштегами #pennsylvania, #nebraska, #oregon, #idaho);
- мотивирующие фразы, фото, ролики и истории, спорт, здоровье, истории, которые заставляют задуматься о смысле жизни и социально-политической ситуации; неравенство; призыв менять ситуацию и голосовать за «правильных» кандидатов (во взаимосвязи с хэштегом # mondaymotivation);
- битва при Геттисберге в Штате Пенсильвания; угощение капкейками с символикой «Women's March» в Геттисберге во время агитационных мероприятий; советы по выпечке; картинки с выпечкой (во взаимосвязи с хэштегами #cupcakes, #Gettysburg, #cupcake);
- обсуждение голосования за Х. Клинтон; критика Д. Трампа; Д. Трамп как предатель и марионетка; новая волна выборов в 2018 г. (во взаимосвязи с хэштегом #voteblue);
- поддержка Б. Обамы; критика Д. Трампа и его администрации (во взаимосвязи с хэштегом #Obama);
- политика Д. Трампа; протесты против Д. Трампа; подорванное доверие граждан (во взаимосвязи с хэштегами #fascism, #trumpworstdealmakerever, #gopfraud);
- примеры, сравнение с другими странами, где количество женщин в парламенте и региональных органах власти достигло паритета (Швеция, Финляндия, Исландия), как доказательство роста конструктивности государственной политики от увеличения процента женщин в органах власти и управления (равная оплата труда, оплачиваемые семейные отпуска, развитие национальной системы ухода за детьми и т.д.); обсуждение того, что нынешние мужчины-депутаты в США разных уровней уходят от артикуляции и решения данных вопросов.

Как видно на рисунке дискурс «Power to the Polls» напрямую связан с центром («Women's March 2018») дискуссионного ядра исследуемого политического кон-

тента. Это означает, что участники социального движения «Women's March» активно включены в дискурс и контент, продуцируемый движением «Power to the Polls», но при этом два этих кластера четко отделены друг от друга. Структурный анализ дискуссионного ядра показал, что отделение происходит за счет того, что акторами, продуцирующими этот дискурс, являются главные акторы движения «Women's March» и сами женщины-кандидаты, а потребителями — все остальные пользователи и сторонники движения. Можно отметить определенную динамику движения «Women's March»: в 2016 г. эти женщины и мужчины были рядовыми избирателями; в 2017 г. они стали активистами, спровоцированными поражением Х. Клинтон на президентских выборах, при этом победил кандидат, долгое время отличавшийся крайне мизогинистическими высказываниями; в 2018 г. эти женщины и мужчины решили стать кандидатами.

Лингводискурсивный анализ дискуссионного ядра показывает, что участницы движения говорят о том, что они пришли к мысли о необходимости не пассивной (когда нужно просто голосовать за женщин-кандидатов и ждать, когда кандидат исполнит обещания), а активной позиции — движение зародило и развило в них мысль, что нужно самим становится кандидатами, чтобы добиться разрешения тех проблем, которые они видят в обществе. Нужно не связывать свои надежды с женскими «иконами» политики, но делать это самим. Интересно, что жертвоприношения женщин — сторонниц Демократической партии США увеличиваются в том случае, если кандидат-демократ позиционирует себя в online-пространстве в качестве прогрессивного защитника вопросов гендерного равенства.

Гендерные разрывы в избирательных кампаниях были выявлены, начиная с победы Дж. Ф. Кеннеди в 1960 г. В тот период и в период избирательных кампаний Б. Клинтона и Б. Обамы в большей степени для женского электората играли внешние имиджевые составляющие кандидатов. После проигрыша Х. Клинтон и победы кандидата, отличавшегося крайне женоненавистническими высказываниями, и последующей политикой президента Д. Трампа, направленной на сокращение социальной поддержки и социальной политики в отношении мигрантов, матерей-одиночек, бедных слоев населения, коренных народов США, для демократически настроенного электората в первую степень политических и избирательных приоритетов стали возводиться именно гендерные обещания и манифестации кандидатов.

7-й кластер «EndVAW» (на рис. 1 обозначен номером 7), представляет собой дискурс (находящийся на периферии дискуссионного ядра), центральным хабом которого является хэштег #EndVAW, маркирующий и отражающий деятельность коалиции «End Violence Against Women» («Прекращение насилия в отношении женщин»). End Violence Against Women — это коалиция специализированных служб поддержки женщин, детей и семей, исследователей, активистов, лиц, переживших насилие и общественных организаций в Великобритании, которая проводит кампании по всему миру по прекращению всех форм насилия в отношении всех женщин и девочек; основана в 2005 г. и зарегистрирована как благотворительная организация в 2015 г. В настоящий момент коалиция включает более 55 неправительственных организаций Соединенного Королевства (About the ERAW Coalition, 2018). Проекты коалиции «ERAW» направлены на (ERAW Campaigns, 2018): продвижение законодательной инициативы «Domestic Violence Bill» («Билль о защите от домашнего насилия») — с 8 марта по 18 мая 2018 г. Правительство Великобритании проводило консультации с английскими партиями о содержании законопроекта «Domestic

Violence Bill», в которых коалиция «EVAW» выступала основным общественным экспертом; создание правительственной структуры Уполномоченного по вопросам насилия в отношении женщин и девочек; работа со всеми английскими партиями, участвовавшими в досрочных выборах 2017 г. в парламент Великобритании, по вопросу включения в их предвыборные манифесты и партийные программы вопросов, связанных с #ENDVAW; консультации со всеми кандидатами на государственные должности, в том числе и на должности руководителей полицейских управлений по вопросам #ENDVAW; программы по предотвращению домогательств и насилия в школах «Schools Safe 4 Girls» («Безопасные школы для девочек») и университетах «Women Students: Safe & Equal» («Студенты-женщины: безопасность и равноправие»); участие в создании и поддержка системы публичных сервисов для женщин и девочек, переживших насилие и домогательства; работа в отношении недопущения распространения сексистских и женоненавистнических стереотипов в традиционных СМИ и в социальных медиа, а также в рекламной продукции, художественных фильмах и музыкальных клипах. Тематика дискурса данного кластера:

- жертвы «преступления чести»; центры помощи пострадавшим от сексуального насилия; цитаты известных людей, выступающих против насилия; призыв бороться против насилия — расового, сексуального, этнического; домашнее насилие (#ENDVAW);

- домашнее насилие; домашнее насилие в Великобритании и Австралии; ложные обвинения мужчин в домашнем насилии; связь случаев домашнего насилия с чемпионатом мира по футболу (например, показатель случаев домашнего насилия увеличивается на 26%, когда играет сборная Англии); описания случаев домашнего насилия (над детьми, мужчинами, женщинами, пожилыми людьми); призыв остановить домашнее насилие (во взаимосвязи с хэштегами #Dv, #Abuse, #nomore, #thatsnotlove);

- гендерное неравенство в исламских странах; программы, повышающие осведомленность женщин о своих правах и дискриминации; проблематика современной культуры и «общества изнасилований» («rapeculture») (во взаимосвязи с хэштегом #violenceagainstwomen).

Дискурс «EndVAW» находится на периферии дискуссионного ядра исследуемого политического контента и опосредовано (через дискурс «MeToo») связан с дискурсом «Women's March». Нахождение на периферии в первую очередь объясняется тем, что деятельность самой коалиции «EVAW» связана с работой именно в странах Британского содружества наций, в основном в Великобритании. Связь кластеров «EndVAW» и «MeToo» объясняется тем, что движение «#MeToo» создано в основном жертвами насилия и домогательств, а коалиция «EVAW» представляет собой инфраструктуру для пострадавших от насилия и домогательств и группу организаций, которые активно продвигают законы и требования о помощи жертвам насилия в органы власти и управления. В целом пользователи, создатели и потребители контента движения «Women's March» достаточно активно обсуждают опыт разных стран мира по разрешению своей социально-политической проблематики. Периферийный кластер также можно рассматривать как потенциальную точку роста и развития исследуемого политического контента.

8-й кластер «Job» (на рис. 1 обозначен номером 8). Тематика дискурса данного кластера связана с общими проблемами в сфере труда, занятости и рабочих мест, такими как:

- построение карьеры; объявления о размещении должности; образование и советы по продвижению (#job);
- лучшие возможности; увольнения по разным причинам; работа в дистанционном режиме; объявления о приеме на должность; советы и рекомендации по найму сотрудников (во взаимосвязи с хэштегом #hiring);
- предложения от рекрутинговых компаний; предложения работы от компаний; советы по интеграции на рабочем месте (во взаимосвязи с хэштегом #careerarc).

Дискурс «Job» находится на периферии дискуссионного ядра исследуемого политического контента и опосредовано (через дискурс «Time's Up») связан с дискурсом «Women's March». Нахождение на периферии в первую очередь объясняется тем, что тематика дискурса «Job» — это общая проблематика, связанная с трудоустройством и профессиональными возможностями. Связь дискурса «Job» и движения «Time's Up» осуществляется через дискурс и контент, создаваемые проектом ООН «#HeforShe». Как мы писали ранее, данный проект связан с online-артикуляцией мужчинами по всему миру своих единоличных и коллективных offline-действий в рамках политики гендерного равенства в приватном пространстве и в семье, среди друзей, на работе и в публичном пространстве. Проведенный нами трехступенчатый анализ показал, что общей точкой соприкосновения для дискурсов «Job» и «Time's Up» через дискурс «#HeforShe» стало гендерное равенство в сферах трудоустройства, занятости и профессионального роста. Также отметим, что периферийный кластер «Job» может стать новой точкой роста и развития исследуемого политического контента.

Общие выводы, полученные при исследовании социального движения «Women's March».

1. Социальное движение «Women's March» является устойчивой сетевой структурой по отношению к внешним воздействиям, так как ядро социального движения состоит из взаимодействующих кластеров. В случае недееспособности одного из кластеров, движение не перестанет быть функциональным с точки зрения способности формирования политического контента и осуществления социально-политической деятельности в offline-пространстве.

2. Сетевое сообщество движения «Women's March» является открытым, центральный хаб дискуссионного ядра движения находится в США и объединяет представительства в разных странах мира. При этом представительства функционируют как отдельные кластеры со своей собственной социально-политической повесткой дня.

3. Хабами-популяризаторами сетевого сообщества движения «Women's March» являются знаменитости мирового уровня и медийные персоны. Они объединены в отдельный кластер в дискуссионном ядре социального движения, который является связующим элементом для включения в сетевое сообщество ранее существовавших институциональных социально-политических групп в разных странах мира.

4. На сегодняшний момент одним из самых крупных кластеров сетевого сообщества движения «Women's March» является кластер, предназначенный для конвертации политического капитала сообщества из online-пространства в offline-пространство. Результатом конвертации стало увеличение числа женщин-кандидатов на выборах всех уровней в США.

5. Выявленные точки роста движения «Women's March» отражают социально-политическую повестку как в США, так и в других странах (например, странах Европы и Африки). Это означает, что в скором времени в сетевой структуре социального

движения могут появиться новые кластеры, способные продуцировать социально-политические действия в offline-пространстве: права мигрантов, права детей, запрет оружия.

Выводы и дальнейшие перспективы исследования политического контента, продуцируемого современными социальными движениями и сетевыми сообществами

Большое количество современных социальных движений (политические партии, общественные движения, городские активисты, экологические организации, женские организации и активисты, дискуссионные коллективы) возникает и развивается в online-пространстве. Накапливая социальный капитал в online-пространстве, они постепенно конвертируют его в offline для реализации своих целей в виде действий, акций и деятельности. В связи с сетевой архитектурой online-пространства, деятельность современных социальных движений фиксируется и отражается в большом количестве сетевых данных. С точки зрения политической науки мы называем эти данные политическим контентом, который по своей природе неоднороден, нелинеен, неструктурирован и динамичен. Классические исследования в online- и offline-пространствах как не дают визуальной картины дискуссионных кластеров социальных движений и сетевых сообществ, так и фактически не способны собрать и структурировать эмпирические данные в виде массивов метаданных.

Авторским коллективом была разработана методология исследования политического контента, продуцируемого социальными движениями в offline-пространстве. Данная методология включила три этапа анализа. Структурный сетевой анализ позволяет произвести количественное исследование сетевых структур и представить социальное движение в виде социального графа, в котором выделены основные акторы движения, ядро движения, подсообщества социального движения (включенные в ядро и находящиеся на периферии), масштаб сообщества /движения по отношению к другим движениям, взаимодействие акторов и подсообществ, доля влияния каждого подсообщества в социальном движении. Реляционный анализ позволяет произвести качественный анализ сетевых данных смоделированного социального графа: выделить смыслы, дискурсы, репертуары и нормы самого социального движения, его акторов, подсообществ, участников движения и потребителей политического контента, продуцируемого исследуемым движением. Лингводискурсивный анализ позволяет выявить смысловое содержание, закономерности и основные тенденции развития социального движения как информационного потока, состоящего из дискурсов. Таким образом, мы получаем визуализированную структуру движения, качественные характеристики, определяющие взаимосвязи как внутри самого сообщества /движения, так и его взаимодействие с внешней средой, а также возможные точки роста и векторы трансформации социального движения как в online-, так и в offline-пространствах.

Проведенное исследование продемонстрировало возможности использования трехступенчатой методологии анализа политического контента, создаваемого современными социальными движениями в online-пространстве. Дальнейшие исследования могут быть направлены на анализ динамичности политического контента (продуцируемого личностью, структурой, организацией, сообществом, движением) и анализ сетевых данных в online-пространстве как многослойных сетевых структур; выявление и исследование связей между online-дискурсом и динамикой социальных движений в offline-пространстве.

Библиографический список

- Бонцанини, М. (2018). *Анализ социальных медиа на Python*. Москва: ДМК Пресс.
- Галямкина, Ю. Е. (2014). Лингвистический анализ хештегов Твиттера. В Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина (ред.) *Современный русский язык в интернете* (с. 13–22). Москва: Языки славянской культуры.
- Гнедаш, А. А. (2015). Актеры семейной политики в информационно-новостном поле online-пространства современной России: анализ фолксономии. В *Социальный компьютеринг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты (Материалы четвертой международной научно-практической конференции)*, (с. 31–36). Москва: МПГУ.
- Гнедаш, А. А., Рябченко, Н. А. (2018). Сетевой анализ современных протестных движений (на примере социальной сети «Womensmarch»). В *Социолог 2.0: Трансформация профессии (Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции)* (с. 404–409). Москва: АО «ВЦИОМ».
- Кан, Е. В. (2017). Хэштеги как новое лингвистическое явление. *Филологический аспект*, 1 (21), 91–98.
- Катермина, В. В. (2017). Культурно-интерпретирующий потенциал массмедийных неологизмов в английском дискурсе. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 1, 84–90.
- Николаева, М. В., Романова, Ю. А. (2018). Президентская предвыборная кампания 2018 года: фолксономия и анализ комментариев электората в онлайн-пространстве. В *Социолог 2.0: Трансформация профессии (Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции)* (с. 367–371). Москва: АО «ВЦИОМ».
- Рябченко, Н. А., Малышева, О. П. (2018). Управление политическим контентом: семантический анализ тегов и хэштегов. В *Социолог 2.0: Трансформация профессии (Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции)* (с. 362–367). Москва: АО «ВЦИОМ».
- Сморгунов, Л. В. (ред.) (2015). *Управление публичной политикой*. Москва: Издательство «Аспект Пресс».
- Харари, Ф. (2006). *Теория графов*. Москва: URSS.
- Хэштеги: что это и зачем использовать? Режим доступа <http://wiki.rookee.ru/Xeshteg>
- Щурина, Ю. В. (2015). Коммуникативно-игровой потенциал хэштегов. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 8, 100–104.
- About the EVAW Coalition. (2018). Режим доступа <https://www.endviolenceagainstwomen.org.uk/about/>
- About Women's March. (2018). Режим доступа <https://www.womensmarch.com/mission/>
- Alter, C. A Year Ago, They Marched. Now a Record Number of Women Are Running for Office. (2018, January 29). *Time*. Режим доступа <http://time.com/5107499/record-number-of-women-are-running-for-office/>
- Barabasi, A.-L. (2009). Scale-Free Networks: A Decade and Beyond. *Science*, 325, 412–413.
- Cauterucci, C. Getting the Women's March on Washington on the Road. (2016, November 23). *Slate*. Режим доступа http://www.slate.com/articles/life/doublex/2016/11/the_women_s_march_on_washington_faces_uncertain_logistics_on_inauguration.html?via=gdpr-consent
- Emirbayer, M. (1997). Manifesto for a relational sociology. *American Journal of Sociology*, 2 (103), 281–317.
- Erikson, E. (2013). Formalist and relationalist theory in social network analysis. *Sociological Theory*, 3 (31), 219–242.
- European Development Days. (2018). Режим доступа <https://eudevdays.eu/>
- EVAW Campaigns. (2018). Режим доступа <https://www.endviolenceagainstwomen.org.uk/campaign/>
- Fairclough, N. (2003). *The Dialectics of Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge.

- Feldt, G. How Companies Must Adapt in the #MeToo Era. (2018, January 29). *Time*. Режим доступа <http://time.com/5120607/companies-leadership-metoo-era/>
- Gee, P. J. (2001). *An Introduction to Discourse Analysis. Theory and Method*. London, New York: Taylor & Francis e-Library.
- Heyboer, K. (2017). Women's March on Washington 2017: Who's going and when, how to get there and why it's happening. Режим доступа http://www.nj.com/news/index.ssf/2017/01/womens_march_washington_2017_dc_trump_when.html
- In 1 second, each and every second, there are... (2018). Режим доступа <http://www.internetlivestats.com/one-second>
- Knoke, D., & Yang, S. (2008). *Network analysis*. Indiana University: Sage.
- Malone, S., Gibson, G. (2017). *In challenge to Trump, women protesters swarm streets across U.S.* Режим доступа <https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-women/in-challenge-to-trump-women-protesters-swarm-streets-across-u-s-idUSKBN1550DW>
- Martin, A., & Wellman, B. (2011). Social Network Analysis: An Introduction. In P. Carrington, J. Scott (Eds.) *Handbook of Social Network Analysis* (pp. 11–25). Thousand Oaks, CA: Sage.
- More than 12M “MeToo” Facebook posts, comments, reactions in 24 hours. (2017, October 17). *CBS News*. Режим доступа <https://www.cbsnews.com/news/metoo-more-than-12-million-facebook-posts-comments-reactions-24-hours/>
- Nevada Senate Election Results. (2018). *Politico*. Режим доступа <https://www.politico.com/2016-election/results/map/senate/nevada/>
- Power to the Polls. (2018). Режим доступа <http://www.powertothepolls.com>
- Przybyla, H. M., & Schouten, F. (2017). At 2.5 million strong, Women's Marches crush expectations. *USA Today*. Режим доступа <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2017/01/21/womens-march-aims-start-movement-trump-inauguration/96864158/>
- Respers, L. (2017). #MeToo: Social media flooded with personal stories of assault. *CNN entertainment*. Режим доступа <https://edition.cnn.com/2017/10/15/entertainment/me-too-twitter-alyssa-milano/index.html>
- Rife, K. (2017). An incomplete, depressingly long list of celebrities' sexual assault and harassment stories. *A. V. Club*. Режим доступа <https://www.avclub.com/an-incomplete-depressingly-long-list-of-celebrities-se-1819628519>
- Senators say #MeToo: McCaskill, others share their stories of sexual harassment. (2017, October 21). *The Washington Post*. Режим доступа https://www.washingtonpost.com/news/powerpost/wp/2017/10/21/senators-say-metoo-mccaskill-others-share-their-stories-of-sexual-harassment/?noredirect=on&utm_term=.fc610ef7ecc4
- Shugerman, E. MeToo: Why are women sharing stories of sexual assault and how did it start? (2017). *Independent*. Режим доступа <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/me-too-facebook-hashtag-why-when-meaning-sexual-harassment-rape-stories-explained-a8005936.html>
- Solis, B. (2011). The Hashtag Economy. Режим доступа <http://www.briansolis.com/2011/06/hashtag-this-the-culture-of-social-media-is/>
- Szomszor, M., Alani, H., Cantador, I., O'Hara, K. & Shadbolt, N. (2018). Semantic Modelling of User Interests Based on Cross-Folksonomy Analysis. Режим доступа <https://pdfs.semanticscholar.org/5949/f09003129baec05cf7efb6a0a9539bd4c615.pdf>
- Tambuscio, M., Guffo, G., Flammini, A., & Menczer, F. (2015). Fact-checking effect on viral hoaxes: A model of misinformation spread in social networks. *Proceedings of the 24th International Conference on World Wide Web Companion*, 977–982. Режим доступа <https://dl.acm.org/citation.cfm?id=2740908>
- The Harvey Weinstein effect. (2018, February 1). *USA Today*. Режим доступа <https://www.usatoday.com/pages/interactives/life/the-harvey-weinstein-effect>

- Tiefenthäler, A. Women's March 2018: Thousands of Protesters Take to the Streets. (2018, January 20). *The New York Times*. Режим доступа <https://www.nytimes.com/2018/01/20/us/womens-march.html>
- Tolentino, J. The Somehow Controversial Women's March on Washington. (2017, January 18). *The New Yorker*. Режим доступа <https://www.newyorker.com/culture/jia-tolentino/the-somehow-controversial-womens-march-on-washington>
- UN Women Annual Report. (2018). Режим доступа <http://annualreport.unwomen.org/en/2018>
- Wasserman, S., & Faust, K. (1994). *Social network analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Women's March focuses on voter registration at Las Vegas event. (2017). Режим доступа <https://www.pbs.org/newshour/show/womens-march-focuses-on-voter-registration-at-las-vegas-event>

Статья поступила в редакцию 04.08.2018

Статья принята к публикации 03.09.2018

Для цитирования: Рябченко Н.А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Малышева О.П. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 3. С. 139-162.

POLITICAL CONTENT OF SOCIAL MOVEMENTS IN THE ONLINE SPACE OF MODERN STATES: METHODOLOGY OF THE ANALYSIS AND RESEARCH PRACTICES

N.A. Ryabchenko, V.V. Katermina, A.A. Gnedash, O.P. Malysheva

Natalia A. Ryabchenko

E-mail: rrnatali@mail.ru · <https://orcid.org/0000-0001-6980-2894>

Veronika V. Katermina

E-mail: veronika.katermina@yandex.ru · <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>

Anna A. Gnedash

E-mail: anna_gnedash@inbox.ru · <https://orcid.org/0000-0002-3516-107X>

Olga P. Malysheva

E-mail: malisheva_83@mail.ru · <https://orcid.org/0000-0001-8285-0508>

Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russia.

Acknowledgements. The study was carried out through the financial support of The Russian Foundation for Basic Research (Department of Humanitarian and Social Science), the research project № 18-011-00910 entitled "The models and practices of political content management in modern states' online space in The Post-Truth Era" (2018-2020, supervised by N. A. Ryabchenko).

Abstract. The online space, which is characterized by boundless opportunities of communication, as well as the ways to restrict information flows, nowadays is the basic ground for constructing and functioning of different social movements, including their function of producing political content. These movements due to their active (constructive and/ or deconstructive) online and offline activity cannot be studied with classical methods of analysis. Our study focuses on the development of the three-stage methodology of political content research, produced in the online space by current social movements. The developed original methodology includes the use of structural network analysis (quantitative research and modelling of a social movement in the form of a social graph), relational analysis (qualitative analysis of network data of the constructed social graph), linguistic and discourse analysis (implications, discourses, repertoires and norms of a social movement). An approbation of the three-stage methodology of the analysis is performed on the basis of the research of the one of the most massive (global, regional and local framework) and proactive social movements of the present time — the Women's March Movement. We used structural network analysis of network data in Twitter, a social microblogging service, sampled from January to June 2018 to construct a network

model of the Women's March Movement and visualize it as a social graph. We applied relational analysis to the constructed graph to identify and describe the discussion core «Women's March», which is the aggregate of clusters, determining the main directions of the discourse of the Women's March Movement. Linguistic and discourse analysis of the sampled clusters was applied as semantic and discourse analysis of tags and hashtags (folksonomy analysis) of the constructed discussion core of the political content, produced by the Women's March social movement. The applied methodology provides a range of research opportunities: to analyze any social movement as regards its stability as a network entity; to visualize the structure of the movement (actors, sub-communities, core, peripherals, participants, proponents, content consumers); to identify qualitative characteristics, which determine interactions inside the community/ movement as well as interactions with the outside environment; to determine potential points of growth and vectors of social movement transformation both in the online and offline space; to predict further development of the movements and the nature of its activities both in the online and offline space.

Key words: political content, social movements, network communities, structural network analysis, relational analysis, linguistic and discourse analysis, hashtags, the online space, social media.

DOI: 10.31429/26190567-19-3-139-162

References

- About the EAW Coalition. (2018). Retrieved from <http://www.endviolenceagainstwomen.org.uk/about/>
- About Women's March. (2018). Retrieved from <http://www.womensmarch.com/mission/>
- Alter, C. A Year Ago, They Marched. Now a Record Number of Women Are Running for Office. (2018, January 29). *Time*. Режим доступа <http://time.com/5107499/record-number-of-women-are-running-for-office/>
- Barabasi, A.-L. (2009). Scale-Free Networks: A Decade and Beyond. *Science*, 325, 412–413.
- Bonzanini, M. (2016). *Mastering Social Media Mining with Python*. Birmingham-Mumbai: PACKT Publishing.
- Cauterucci, C. Getting the Women's March on Washington on the Road. (2016, November 23). *Slate*. Retrieved from http://www.slate.com/articles/life/doublex/2016/11/the_women_s_march_on_washington_faces_uncertain_logistics_on_inauguration.html?via=gdpr-consent
- Emirbayer, M. (1997). Manifesto for a relational sociology. *American Journal of Sociology*, 2 (103), 281–317.
- Erikson, E. (2013). Formalist and relationalist theory in social network analysis. *Sociological Theory*, 3 (31), 219–242.
- European Development Days. (2018). Retrieved from <https://eudevdays.eu/>
- EAW Campaigns. (2018). Retrieved from <http://www.endviolenceagainstwomen.org.uk/campaign/>
- Fairclough, N. (2003). *The Dialectics of Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge.
- Feldt, G. How Companies Must Adapt in the #MeToo Era. (2018, January 29). *Time*. Режим доступа <http://time.com/5120607/companies-leadership-metoo-era/>
- Galyamina, Yu. E. (2014). Lingvisticheskij analiz heshtegov Twittera [Linguistic Analysis of Twitter Hashtags]. In Ya. E. Akhapkina & E. V. Rakhilina (Ed.) *Sovremennyy russkij jazyk v internete* [Modern Russian on the Internet] (pp. 13–22). Moscow: Jazyki slavyanskoy kul'tury.
- Gee, P. J. (2001). *An Introduction to Discourse Analysis. Theory and Method*. London, New York: Taylor & Francis e-Library.
- Gnedash, A. A., & Ryabchenko, N. A. (2018). Setevoy analiz sovremennykh protestnykh dvizhenij (na primere social'noj seti "Womensmarch") [Network Analysis of Modern Protest Movements (on the Example of the Social Network "Womensmarch")]. In *Sociolog 2.0: Transformacija professii (Materialy VIII mezhdunarodnoj sociologicheskoy Grushinskoj konferencii)* [Sociologist

- 2.0: Transformation of the Profession (Materials of the VIII International Sociological Grushin Conference) (pp. 404–409). Moscow: AO “VCIOM”.
- Gnedash, A. A. (2015). Aktory semejnoy politiki v informacionno-novostnom pole online-prostranstva sovremennoj Rossii: analiz folksonomii [Actors of Family Policy in the News and Information Field of the Online Space of Modern Russia: the Analysis of Folksonomy]. In *Social'nyj komp'juting: osnovy, tehnologii razvitiya, social'no-gumanitarnye efekty (Materialy Chetvertoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii)* [Social Computing: Fundamentals, Technologies of Development, Social and Humanitarian Effects (Materials of the Fourth International Scientific and Practical Conference)] (pp. 31–36). Moscow: MPGU.
- Harari, F. (2006). *Teoriya grafov* [Graph Theory]. Moscow: URSS.
- Heyboer, K. (2017). Women's March on Washington 2017: Who's going and when, how to get there and why it's happening. Retrieved from http://www.nj.com/news/index.ssf/2017/01/womens_march_washington_2017_dc_trump_when.html
- Hjeshtegi: chto jeto I zachem ispol'zovat'? [Hashtags: What is it and Why Use it?]. Retrieved from <http://wiki.rookee.ru/Xeshteg>
- In 1 second, each and every second, there are... (2018). Retrieved from <http://www.internetlivestats.com/one-second>
- Kahn, E. V. (2017). Hjeshtegi kak novoe lingvisticheskoe javlenie [Hashtags as a New Linguistic Phenomenon]. *Filologicheskij aspekt* [Philological Aspect], 1 (21), 91–98.
- Katermina, V. V. (2017). Kul'turno-interpretirujushchij potencial massmedijnyh neologizmov v anglijskom disкурсе [Cultural-Interpretive Potential of Mass Media Neologisms in English Discourse]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 1, 84–90.
- Knoke, D., & Yang, S. (2008). *Network analysis*. Indiana University: Sage.
- Malone, S., & Gibson, G. (2017). In challenge to Trump, women protesters swarm streets across U.S. Retrieved from <http://www.reuters.com/article/us-usa-trump-women/in-challenge-to-trump-women-protesters-swarm-streets-across-u-s-idUSKBN1550DW>
- Martin, A., & Wellman, B. (2011). Social Network Analysis: An Introduction. In P. Carrington, J. Scott (Eds.) *Handbook of Social Network Analysis* (pp. 11–25). Thousand Oaks, CA: Sage.
- More than 12M “MeToo” Facebook posts, comments, reactions in 24 hours. (2017, October 17). *CBS News*. Retrieved from <http://www.cbsnews.com/news/metoo-more-than-12-million-facebook-posts-comments-reactions-24-hours/>
- Nevada Senate Election Results. (2018). *Politico*. Retrieved from <http://www.politico.com/2016-election/results/map/senate/nevada/>
- Nikolaeva, M. V., & Romanova, Yu. A. (2018). Prezidentskaja predvybornaja kampanija 2018 goda: folksonomija i analiz kommentarijev elektorata v onlajn-prostranstve [Presidential Election Campaign of 2018: Folksonomy and Analysis of Comments of the Electorate in the Online Space]. In *Sociolog 2.0: Transformacija professii (Materialy VIII mezhdunarodnoj sociologicheskoy Grushinskoj konferencii)* [Sociologist 2.0: Transformation of the Profession (Materials of the VIII International Sociological Grushin Conference)] (pp. 367–371). Moscow: AO “VCIOM”.
- Power to the Polls. (2018). Retrieved from <http://www.powertothevotes.com>
- Przybyla, H. M., & Schouten, F. (2017). At 2.5 million strong, Women's Marches crush expectations. *USA Today*. Retrieved from <http://www.usatoday.com/story/news/politics/2017/01/21/womens-march-aims-start-movement-trump-inauguration/96864158/>
- Respers, L. (2017). #MeToo: Social media flooded with personal stories of assault. *CNN entertainment*. Retrieved from <https://edition.cnn.com/2017/10/15/entertainment/me-too-twitter-al-yssa-milano/index.html>
- Rife, K. (2017). An incomplete, depressingly long list of celebrities' sexual assault and harassment stories. *A. V. Club*. Retrieved from <http://www.avclub.com/an-incomplete-depressingly-long-list-of-celebrities-se-1819628519>

- Ryabchenko, N. A., & Malysheva, O. P. (2018). Upravljenje politicheskim kontentom: semanticheskij analiz tegov i hjeshtegov [Management of Political Content: Semantic Analysis of Tags and Hashtags]. In *Sociolog 2.0: Transformacija professii (Materialy VIII mezhdunarodnoj sociologicheskoy Grushinskoj konferencii)* [Sociologist 2.0: Transformation of the Profession (Materials of the VIII International Sociological Grushin Conference)] (pp. 362–367). Moscow: AO “VCIOM”.
- Senators say #MeToo: McCaskill, others share their stories of sexual harassment. (2017, October 21). *The Washington Post*. Retrieved from http://www.washingtonpost.com/news/powerpost/wp/2017/10/21/senators-say-metoo-mccaskill-others-share-their-stories-of-sexual-harassment/?noredirect=on&utm_term=.fc610ef7ecc4
- Shchurina, Yu. V. (2015). Komunikativno-igrovoj potencial hjeshtegov [The Communicative and Playful Potential of Hashtags]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 8, 100–104.
- Shugerman, E. MeToo: Why are women sharing stories of sexual assault and how did it start? (2017). *Independent*. Retrieved from <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/me-too-facebook-hashtag-why-when-meaning-sexual-harassment-rape-stories-explained-a8005936.html>
- Smorgunov, L. V. (Ed.) (2015). *Upravljenje publichnoj politikoj* [Public Policy Management]. Moscow: Izdatel'stvo “Aspekt Press”.
- Solis, B. (2011). The Hashtag Economy. Retrieved from <http://www.briansolis.com/2011/06/hashtag-this-the-culture-of-social-media-is/>
- Szomszor, M., Alani, H., Cantador, I., O'Hara, K. & Shadbolt, N. (2018). Semantic Modelling of User Interests Based on Cross-Folksonomy Analysis. Retrieved from <https://pdfs.semanticscholar.org/5949/f09003129baec05cf7efb6a0a9539bd4c615.pdf>
- Tambuscio, M., Guffo, G., Flammini, A. & Menczer, F. (2015). Fact-checking effect on viral hoaxes: A model of misinformation spread in social networks. In *Proceedings of the 24th International Conference on World Wide Web Companion*, 977–982. Retrieved from <https://dl.acm.org/citation.cfm?id=2740908>
- The Harvey Weinstein effect. (2018, February 1). *USA Today*. Retrieved from <http://www.usatoday.com/pages/interactives/life/the-harvey-weinstein-effect>
- Tiefenthäler, A. Women's March 2018: Thousands of Protesters Take to the Streets. (2018, January 20). *The New York Times*. Retrieved from <http://www.nytimes.com/2018/01/20/us/womens-march.html>
- Tolentino, J. The Somehow Controversial Women's March on Washington. (2017, January 18). *The New Yorker*. Режим доступа <http://www.newyorker.com/culture/jia-tolentino/the-somehow-controversial-womens-march-on-washington>
- UN Women Annual Report. (2018). Retrieved from <http://annualreport.unwomen.org/en/2018>
- Wasserman, S., & Faust, K. (1994). *Social network analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Women's March focuses on voter registration at Las Vegas event. (2017). Retrieved from <http://www.pbs.org/newshour/show/womens-march-focuses-on-voter-registration-at-las-vegas-event>

Received 04.08.2018. Accepted 03.09.2018

For citation: Ryabchenko N.A., Katermina V.V., Gnedash A.A., Malysheva O.P. Political content of social movements in the online space of modern states: methodology of the analysis and research practices. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 3. Pp. 139–162.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

РОСКОМНАДЗОР ПРОТИВ. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ (НА ОПЫТЕ БЛОКИРОВОК ОНЛАЙН-РЕСУРСОВ В РОССИИ)¹

А. С. Шерстобитов, К. А. Неверов, Е. А. Баринава

Шерстобитов Александр Сергеевич.

E-mail: sherstobitovas@mail.ru · ODCID <https://orcid.org/0000-0001-5951-5779>

Неверов Кирилл Алексеевич.

E-mail: kir.neverov@gmail.com · ODCID <https://orcid.org/0000-0002-1414-393X>

Баринава Екатерина Андреевна.

E-mail: katyabarinova21@mail.ru · ODCID <https://orcid.org/0000-0001-9917-8914>

Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, д. 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия.

Аннотация. В статье анализируются силы и факторы, потенциально влияющие на выработку и реализацию публичной политики в России. Авторы формулируют два основных типа стратегий акторов, которые участвуют в процессе принятия политических решений. Первый — стратегии публичной политики (policy strategies), заключающиеся в достижении экономических целей и показателей для объекта управления, росте качества и количества публичных благ. Второй тип — политические стратегии (political strategies), направленные на перераспределение ресурсов, представительство интересов, внутри-элитную борьбу. Публичная политика на выходе является равновесной для всех типов стратегий, которые есть на входе, но значительно зависит от результатов согласования интересов между акторами, а также институциональных особенностей политико-управленческой среды. Для объяснения факторов, которые имеют значение в данном контексте, авторы обращаются к концепции качественного управления (good governance) и её противоположности — некачественного управления (bad governance). Ориентация на консенсус и верховенство права рассматриваются как критерии качества управления в контексте процессной составляющей выработки публичной политики. В статье предлагается оригинальная модель соотношения политических стратегий и стратегий публичной политики, рассматриваемая сквозь призму дихотомии верховенства права (rule of law) и управления посредством права (rule by law), что, в свою очередь, определяет характер принятия решений. Авторы с помощью модели предполагают объяснить результаты сетевого взаимодействия множества акторов, участвующих в процессе согласования и выработки публичной политики. Возможность апробации модели рассматривается на двух случаях блокировки Интернет-ресурсов Роскомнадзором (LinkedIn и Telegram). Для проверки гипотез предполагается построение сетевых карт, включающих акторов выработки политических решений. В качестве стратегии дальнейшего исследования и объяснения того, какие решения формируются на выходе, авторы предлагают синтез сетевого анализа с моделью отбора стратегий публичной политики.

Ключевые слова: сети публичной политики, политические стратегии, стратегии публичной политики, качественное управление, некачественное управление, верховенство права, управление посредством права, Роскомнадзор.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-011-00705 «Объяснительный потенциал сетевой теории в политических исследованиях: методологический синтез как аналитическая стратегия».

Политические стратегии, стратегии публичной политики и качество управления

В современном российском обществе всё чаще возникают проблемные ситуации, которые касаются онлайн-пространства. С одной стороны, органами власти и политическими акторами декларируется стратегия цифровизации общества и экономики: приняты государственные программы «Информационное общество» и «Цифровая экономика Российской Федерации», развиваются проекты в области внедрения современных интеллектуальных технологий в государственное управление, стимулируются инвестиции в высокотехнологичные отрасли и информационно-коммуникационные технологии. С другой стороны, ряд принятых в последнее время законов используется для судебного преследования за активность индивидов в онлайн, создает дополнительную финансовую нагрузку для компаний, осуществляющих деятельность в области информационно-коммуникационных и цифровых технологий, усиливает контроль за деятельностью высокотехнологичного бизнеса. Какие силы и факторы влияют на выработку и реализацию публичной политики в области информационно-коммуникационных технологий в России? В данной статье мы делаем попытку дать ответ через рассмотрение стратегических и институциональных особенностей, которые оказывают существенное влияние на механизмы ее выработки и имплементации.

В политологии и смежных общественных науках, ориентированных на изучение публичной политики, одной из центральных категорий является качество управления, оценка которого складывается из двух базовых аспектов. Традиционно исследователи и аналитики изучают результативность и эффективность реализуемой политики, т.е. то, как принимаемые решения влияют на объект управления. Однако постепенно в экспертных и научных кругах пришли к консенсусу, и признали, что другой неотъемлемой составляющей оценки является и качество процессов выработки и реализации политики. Для анализа отдельных аспектов публичной политики широко используется методология ООН по оценке качественного управления (What is good governance, 2009). Несмотря на то что само содержание концепции довольно размыто и нередко имеет разные коннотации в политических исследованиях, данный подход дает достаточно универсальный набор критериев, анализ которых позволяет всесторонне изучать качество публичной политики в том или ином государстве или отрасли:

- участие граждан в процессе принятия политических решений;
- ориентация на консенсус и использование механизмов посредничества и согласования интересов;
- верховенство права, заключающееся в справедливых нормах и отсутствии дискриминации при их использовании;
- результативность и эффективность политического управления;
- прозрачность процедур выработки и реализации политики;
- подотчетность органов управления и лиц, принимающих решения и осуществляющих государственные функции.

В противовес концепции качественного управления в политической науке развивается и понятие «некачественного управления» (bad governance), основными характеристиками которого являются невыполнение или слабое следование упомянутым в методологии ООН ориентирам. По мнению некоторых авторов, некачественное управление подразумевает «плохое правительство» (Weiss, 2000), к особенностям которого отно-

сят своеволие в выработке политики, неподотчетную бюрократию, несправедливую правовую систему, злоупотребления со стороны исполнительной власти, отстранение гражданского общества от публичной сферы (Brinkerhoff, Goldsmith, 2005). С точки зрения политической науки такие черты характеризуют авторитарные или гибридные режимы, поэтому, на наш взгляд, подобный подход размывает методологические основания анализа самой публичной политики, так как объясняет низкое качество управления через несовершенство демократических институтов и злоупотребления политическими элитами. Значит ли это, что некачественное управление возможно только в условиях авторитарной или гибридной институциональной матрицы, а качественное управление присуще только консолидированным демократиям?

В. Гельман (2016) ввел в отечественный научный оборот понятие «недостойное правление», которое по своей сути является интерпретацией концепции «bad governance». Он вводит «минималистское» определение, которое включает в себя отсутствие и/или извращение верховенства права, коррупцию, низкое качество регулирования и неэффективность правительства. Также в работе приводятся следующие характеристики «недостойного правления»: 1) отсутствие верховенства права и/или извращение его принципов (unrule of law); 2) высокий уровень коррупции; 3) низкое качество регулирования; 4) неэффективность правительства; 5) отсутствие выборности и подотчетности властей; 6) политическая нестабильность и насилие. Однако он признает, что в этом списке к понятию «governance» в узком смысле, т.е. к политико-экономическому управлению государством как таковому, относятся лишь пункты 1–4, тогда как пункты 5 и отчасти 6 скорее выступают характеристиками политических режимов. Эти черты хотя и влияют на качество государственного управления, но не напрямую, а опосредованно и не всегда однозначно. Стоит согласиться с таким подходом, но необходимо признать, что сам эпитет «недостойное» сразу придает негативную коннотацию источнику публичного управления — политической элите, в то время как детерминантами некачественного управления могут быть и объективные силы или ситуативные факторы. В этой связи мы предлагаем обратить внимание на два критерия качества управления — ориентацию на консенсус и верховенство права. Подчеркнем, что эти параметры в данном случае имеют значение для рассмотрения процессной составляющей выработки публичной политики.

Как мы знаем, современная публичная политика является результатом сложного многоступенчатого процесса согласования множества интересов, и ее источником в этом смысле являются не только органы государственной власти, но и ряд негосударственных акторов: бизнес, экспертное сообщество, некоммерческий сектор. Рассматривая публичное управление как стратегическую деятельность, следует обращать особое внимание на интересы указанных субъектов, их видение целей и задач развития. Следовательно, можно говорить о том, что стратегии публичной политики стремятся к равновесию с совокупностью стратегий государственных институтов, политических акторов, бизнеса, общественных организаций, гражданских инициатив. Безусловно, достижимость этого стратегического равновесия зависит и от институциональных факторов, таких как, особенности политико-административного режима, механизмов согласования интересов в политике, особенностей объекта публичного управления (если речь идет о конкретной отрасли или области) и т.д. В современном мире акторов, чьи интересы затрагиваются публичной политикой, всё больше, а стратегии их нередко разнонаправлены, поэтому достижение этого равновесия является сложной

задачей. Однако, на наш взгляд, стремление к нему является залогом эффективности принимаемых и имплементируемых решений и в конечном счете качественного управления. О каких типах стратегий идет речь в контексте публичной политики? Выделим два основных типа таких стратегий. Первый — стратегии публичной политики (policy strategies), заключающиеся в достижении экономических целей и показателей для объекта управления (государства, региона, отдельной отрасли и т.д.), росте качества и количества публичных благ. Второй тип — политические стратегии (political strategies), направленные на перераспределение ресурсов, представительство интересов, внутриэлитную борьбу и т.д. В большинстве случаев мы предполагаем, что политические стратегии могут быть конкурентными, а стратегии публичной политики скорее таковыми не будут. Но иногда и стратегии публичной политики могут вступать в конфликт, если речь идет, например, о разных объектах управления, но при этом имеющих пересекающиеся компоненты. Например, с одной стороны, государство защищает право на конфиденциальность частной переписки, а с другой — использует механизмы раскрытия этой информации в целях национальной безопасности. В целом же согласование разных типов стратегий и достижение равновесия в принципе не обязательно является противоречивым, но зависит от свойств институциональной среды и политического режима. Например, в российской практике публичной политики, где роль государства как экономического актора довольно высока, а институциональная основа политического режима многими исследователями объясняется с точки зрения корпоративистского подхода (Павроз, 2009; Перегудов, 2010), вероятность того, что политические стратегии и стратегии публичной политики будут вступать в конфликт, очень высока. Это объясняется тем, что политики и бюрократы, принимающие и исполняющие политические решения, могут реализовывать оба типа стратегий одновременно, так как в некоторых случаях преследуют не только государственные интересы (цели публичной политики), но и корпоративные (политические цели). Безусловно, в данном случае мы также обнаруживаем тесную связь между особенностями политического режима и качеством публичного управления, но не отождествляем их и не утверждаем, что авторитарный политический режим обязательно будет негативно влиять на качество. В этом отношении мы соглашаемся не с формой, но с содержанием подхода В. Гельмана, который утверждает, что хотя низкое качество институтов действительно сопутствует «недостойному правлению», оно является следствием, а никак не причиной низкого качества регулирования и отсутствия верховенства права (Гельман, 2016).

Институциональные факторы отбора стратегий: верховенство права VS управление посредством права

Ориентируясь на процессную составляющую концепции качественного управления в части ориентации на консенсус, мы фокусируемся на анализе стратегий акторов публичной политики. Что происходит в тех случаях, когда политические интересы и цели публичной политики находятся в противоречии? Каким образом расставляются приоритеты для достижения консенсуса? Для изучения механизмов согласования интересов в публичной политике, как отмечает ряд отечественных авторов, широкие возможности дает сетевая методология (Сморгунов 2014; Мирошниченко, Морозова 2017). Однако в контексте современной российской политики речь идет о внутриэлитных сетях, основанных скорее на системе межличностных отношений, нежели институциональных связей. Это подтверждают

многие исследователи политических сетей, которые подчеркивают методологический разрыв в использовании сетевой теории в изучении консолидированных демократий и, например, транзитных или авторитарных режимов (Сморгунов, Шерстобитов, 2014; Соловьев, 2015). Ключевая теоретическая проблема, которая возникает в результате этой неопределенности, — выявление алгоритмов выбора тех или иных альтернатив политических решений (policy outcomes). Тем самым снижается объяснительный и прогностический потенциал теории политических сетей. Мы предполагаем, что эту проблему можно решить методически, перенося исследовательский фокус со связей между акторами на их интересы.

Следуя данной логике, предположим, что для изучения механизмов выработки публичной политики и оценки качества процессов публичного управления можно сформулировать теоретическую сетевую модель, включающую стратегии акторов и институциональные режимные характеристики, которые влияют на процедуры согласования стратегий. Таким образом, сетевые отношения мы заменяем интересами акторов, на основе которых и формируются коалиции.

Здесь нужно сделать важное замечание. Обычно стратегии публичной политики широко обсуждаются и декларируются в нормативных и программных документах, в то время как политические стратегии чаще всего скрыты и не носят публичный характер. В этом контексте ключевую роль играет второй взятый нами критерий — верховенство права (rule of law). Если этот принцип реализуется в полной мере, то публичная политика проводится исходя из целей, заявленных в программах и нормативно-правовых актах и, следовательно, политические стратегии реализуются лишь настолько, насколько это возможно в контексте стратегий публичной политики. Подобную ситуацию, например, мы можем наблюдать в Сингапуре, где в условиях авторитарного политического режима вполне успешно реализуется политика развития, в основе которой лежит доминирование стратегии публичной политики над политическими стратегиями. Политические стратегии оказывают воздействие на стратегии публичной политики (или осуществление публичной политики), влияя на популярность стратегии публичной политики через убеждение общественности в ее правильности и эффективности, либо непосредственно указывая на лиц, ответственных за осуществление публичной политики (König, 2014, p. 419). Также, неотъемлемой частью политической стратегии является поиск арены публичной политики, в рамках которой они могут иметь преимущество перед оппонентами в силу присущих данной арене институциональных правил, норм или процедур (Pralle, 2003, p. 255). Однако чаще в авторитарных государствах встречается обратный принцип, который заключается в управлении с помощью закона (rule by law). Похожая категория (unrule of law) также встречается в работах В. Гельмана (Gel'man, 2004), посвященных трансформациям современного политического режима в России. Согласно его позиции, именно засилие неформальных институтов подорвало спрос на закон среди потребителей общественных благ в России. В данной ситуации неформальные институты позволили снизить транзакционные издержки. Когда государство не в силах наделять властью формальные институты, преобладание неформальных институтов как является большим подспорьем для выживания акторов, так и выступает в качестве возможного источника развития. Ситуация, обратная принципу верховенства права, диктует ситуативное и избирательное применение правовых норм, что дает значительные преимущества акторам, имеющим влияние на исполнительную и судебную ветви власти.

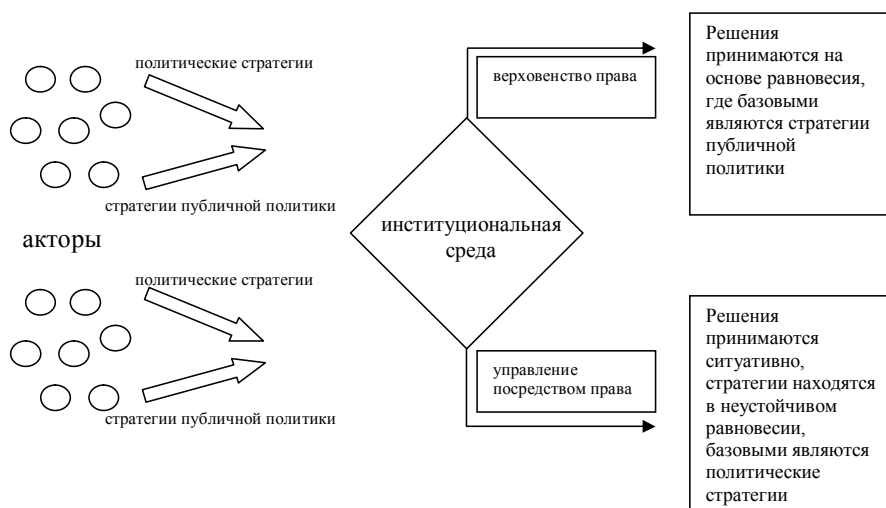

Рис. 1. Модель отбора стратегий публичной политики в зависимости от особенностей институциональной среды

Fig.1. The selection model of public policy strategies, influenced by specific institutional environment

Следовательно, в условиях, когда реализуется принцип управления посредством права, политические стратегии обладающих значительным властным ресурсом акторов будут иметь больший вес, а решения приниматься исходя из сложившейся ситуации. Можно предположить, что стратегии не будут находиться в устойчивом равновесии. Наоборот, это, скорее, будет искусственно поддерживаемое равновесие в рамках определенного коридора возможностей балансировки в зависимости от сложившихся в конкретный момент интересов. Подобное положение не только порождает высокий уровень неопределенности, но и негативно влияет на качество управления и публичной политики в отношении декларируемых стратегических целей. Схематически предложенная нами модель представлена на рис. 1.

Мы считаем, что выявление ситуативных и избирательных политических решений может свидетельствовать о реализации принципа управления посредством права и, следовательно, доминировании политических стратегий над стратегиями публичной политики. На наш взгляд, хорошей иллюстрацией для такой разбалансировки политических стратегий и стратегий публичной политики является деятельность Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). В рамках данной статьи мы описательно рассмотрим два случая. Безусловно, изучение каждой ситуации — материал для отдельной статьи. Задачей же данной работы мы видим выявление «маркеров», которые свидетельствовали бы о потенциальном дисбалансе политических стратегий и стратегий публичной политики.

Роскомнадзор против LinkedIn

Таганский районный суд города Москвы 04.08.2016 вынес решение по делу номер 02–3491/2016, согласно которому деятельность интернет-ресурса *LinkedIn* (<http://www.linkedin.com>) по сбору, использованию и хранению персональных

данных граждан Российской Федерации признается «нарушающей требования Закона “О персональных данных” и права граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну». Также Решение обязывает Роскомнадзор внести указанные доменные имена, указатели страниц сайтов в Реестр нарушителей прав субъектов персональных данных, и LinkedIn Corporation выплатить государственную пошлину в доход бюджета.

Один из пунктов обвинения в адрес LinkedIn Corporation заключался в несоблюдении ч. 5 ст. 18 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017) “О персональных данных”, обязывающих операторов (п. 2 ст. 3 настоящего закона) обрабатывать персональные данные граждан Российской Федерации с использованием баз данных на территории Российской Федерации. Данная поправка была принята Федеральным законом от 21.07.2014 № 242-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях» в ст. 2. Согласно этому закону изменения вступают в силу с 1 сентября 2015 г.

Таганский суд города Москвы 26.06.2016 зарегистрировал дело против LinkedIn Corporation, истцом в котором выступал Роскомнадзор. В судебном разбирательстве представители со стороны ответчика не участвовали, хотя извещение о дате судебных слушаний было направлено по известному адресу. Таким образом, судебное разбирательство проходило в отсутствие ответчика.

Роскомнадзор объяснил свои претензии к LinkedIn. «История предельно проста. Мы просто реагируем на сообщения в СМИ, которые касаются проблем с безопасностью персональных данных российских граждан. С 2010 года у сети LinkedIn происходили крупные скандалы, связанные с утечкой пользовательских данных. Поэтому этим летом мы направили им в досудебном порядке два письма с просьбой предоставить сведения об исполнении ими закона о локализации персональных данных на территории России», — сказал пресс-секретарь Роскомнадзора Вадим Амперольский (Роскомнадзор объяснил... Ведомости, 2016).

Решение суда вступило в силу только 10.11.2016 г., так как представители LinkedIn Corporation обжаловали решение в вышестоящем Московском городском суде, но получили отказ (Мосгорсуд признал... Ведомости, 2016). Роскомнадзор начал блокировку ресурсов 17.11.2016. Сразу после этого начались обсуждения личной встречи представителей LinkedIn и Роскомнадзора. По результатам встречи, которая состоялась 8.12.2016, стороны не пришли к консенсусу (RNS: LinkedIn... Официальный сайт Роскомнадзора, 2016).

В дальнейшем представители LinkedIn прокомментировали ситуацию тем, что создание баз данных на территории России затруднено технически, из-за «централизованной архитектуры» сервиса (LinkedIn взвесит... Ведомости, 2016). В то же время LinkedIn Corporation — первая компания, которая была заблокирована по новому российскому законодательству о персональных данных. Интересно, что другие глобальные сервисы, такие, например, как Twitter и Facebook, которые на тот момент так же не выполнили требований закона, продолжали и продолжают работать. В этой связи гипотеза об избирательном применении права в данном случае имеет под собой основания, и, следовательно, данный кейс можно изучать через призму предложенной нами теоретической модели. На наш взгляд, в случае с LinkedIn политические стратегии превалируют над стратегиями публичной

политики, причем в публичной сфере создается убеждение о пользе для общественности предпринимаемых правительством шагов по ограничению доступа к ресурсу LinkedIn, которые обосновываются заботой о персональных данных пользователей. При этом стратегия публичной политики находится в заведомо подчиненной к политической стратегии позиции, позволяя правительству подстраивать институциональные нормы и правила под проводимую политическую стратегию.

Роскомнадзор против Telegram

Публичное противостояние между Роскомнадзором и компанией *Telegram Messenger LLP* в 2018 г. вызвало бурную дискуссию в российском обществе. Политики, бюрократы, гражданские активисты, журналисты и эксперты в течение долгого времени активно формировали дискурс, затрагивающий ряд проблем: от государственной безопасности до прав на тайну переписки и свободу слова. Конфликт стал результатом попыток Федеральной службы безопасности и Роскомнадзора получить доступ к ключам шифрования мессенджера Telegram после того, как стало известно, что именно этот сервис обмена сообщениями использовался злоумышленниками, организовавшими теракт в Петербургском метрополитене 3.04.2017. Эта ситуация многими была воспринята как попытка российских органов власти продолжить наступление на онлайн-пространство, а также на бизнес, который развивает цифровые технологии. Таганский районный суд города Москвы 13.04.2018 г. удовлетворил иск Роскомнадзора по делу номер 02–1779/2018 и постановил ограничить доступ к «информационным системам и (или) программам для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети «Интернет» и функционирование которых обеспечивается Telegram Messenger Limited Liability Partnership» до исполнения ответчиком обязательств в качестве организатора распространения информации.

Реестр организаторов распространения информации создан после изменения Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и дополнения его ст. 10.1. Организатор распространения информации в сети «Интернет» (ОРИ) — «лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети «Интернет» (Федеральный Закон «Об информации...»). Роскомнадзор 28.06.2017 внес в реестр ОРИ запись № 90-PP о Telegram Messenger Limited Liability Partnership (Реестр организаторов... Роскомнадзор).

Данный статус включает в себя определенный перечень обязательств по отношению к Российской Федерации, который с 20.07.2016 был расширен требованием «предоставлять в федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности [Федеральная служба безопасности (ФСБ)] информацию, необходимую для декодирования принимаемых, передаваемых, доставляемых и (или) обрабатываемых электронных сообщений» (Федеральный Закон «Об информации...»). Данная поправка была введена Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты

Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 № 374-ФЗ.

Еще при внесении Telegram в реестр ОРИ у Роскомнадзора возникли вопросы к компании. Руководитель Роскомнадзора Александр Жаров 23.06.2017 опубликовал открытое письмо к компании Telegram и лично Павлу Дурову с требованием предоставить необходимые данные о компании для внесения в реестр ОРИ. «В случае фактического отказа от исполнения обязанностей организатора распространения информации, Telegram в России должен быть заблокирован. До тех пор, пока мы не получим требуемые сведения.» (Администрации... Роскомнадзор, 2017).

После расширения обязанностей к ОРИ Telegram не один раз судился с представителями ФСБ. Мещанский районный суд Москвы 16.10.2017 вынес решение о штрафе в 800 000 р. Telegram Messenger Limited Liability Partnership за отказ предоставить ключи дешифрования ФСБ (Суд оштрафовал... Интерфакс, 2017). Решение вступило в силу 12.12.2017 после решения по жалобе на предыдущее постановление. Адвокат Дмитрий Динзе объяснил причины отказа предоставлять ключи дешифрования. Одна из них заключается в технической невозможности (Telegram назвал... Ведомости, 2017).

Судебное разбирательство с ФСБ все еще идет, но уже в Верховном суде. Telegram Messenger Limited Liability Partnership оспаривает приказ Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 19.07.2016 № 432 «Об утверждении Порядка представления организациями распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в Федеральную службу безопасности Российской Федерации информации, необходимой для декодирования принимаемых, передаваемых, доставляемых и (или) обрабатываемых электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» с 27 декабря 2017 года» (Карточка производства. Верховный суд Российской Федерации). Верховный суд 20.03.2018 отказал в удовлетворении иска Telegram к ФСБ (Решение... Верховный суд Российской Федерации). В дальнейшем представители Telegram Messenger Limited Liability Partnership обжаловали решение в Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации. Ближайшее слушание было назначено на 09.08.2018.

После решения Верховного суда первой инстанции Роскомнадзор подал иск о блокировке Telegram в Таганский районный суд Москвы. Заседание суда 13.04.2018 проходило без представителей Telegram. С 16.04.2018 Роскомнадзор приступил к блокировке мессенджера на территории России.

Своеобразным «маркером» ситуативного применения права стало то, что практически одновременно со стартом блокировки Telegram, компания Mail.ru Group выпустила и стала активно продвигать свой мессенджер ТамТам, имеющий даже схожий дизайн с Telegram. Этот факт стал отправной точкой для суждений о скоординированной стратегии по переделу рынка. Кроме того, в данном случае речь идет о передаче ключей шифрования для обеспечения доступа к переписке всех пользователей, а не только террористов, которые по версии следствия организовали террористический акт в Санкт-Петербурге.

Итак, мы считаем, что предложенные кейсы подходят для дальнейшего изучения через призму разработанной в данной статье теоретической модели. Для проверки гипотез предполагается построение сетевых карт, включающих акторов выработки политических решений. Сетевой анализ позволит выявить ключевых

субъектов, которые могли влиять на политические процедуры. На втором этапе планируется обоснование политических стратегий и стратегий публичной политики для каждого из акторов. Для объяснения того, какие решения формируются на выходе, мы синтезируем сетевой анализ с моделью отбора стратегий публичной политики в зависимости от особенностей институциональной среды. Таким образом, будут проверены гипотезы о механизмах согласования интересов и достижения стратегического равновесия в условиях институциональных ограничений.

Библиографический список

- Гельман, В. Я. (2016). Политические основания «недостойного правления» в постсоветской Евразии: переосмысливая исследовательскую повестку дня. *Полития*, 3 (82), 90–15.
- Мирошниченко, И. В., Морозова, Е. В. (2017). Сетевая публичная политика: контуры предметного поля. *Полис. Политические исследования*. 2, 82–102.
- Мосгорсуд признал законной блокировку в России соцсети LinkedIn (2016, Ноябрь 10). *Ведомости*. Режим доступа <http://www.vedomosti.ru/technology/news/2016/11/10/664391-mosgorsud-priznal-zakonnoi-blokirovku>
- Официальный портал Судов общей юрисдикции города Москвы. Информация по делу 02-1779/2018. Режим доступа <http://www.mos-gorsud.ru/rs/taganskij/services/cases/civil/details/2cc72aea-39e7-4f8e-adc9-37d170966efa>
- Официальный портал Судов общей юрисдикции города Москвы. Информация по делу 02-3491/2016. Режим доступа <https://www.mos-gorsud.ru/rs/taganskij/services/cases/civil/details/2ffe6d6d-69cd-423a-8ed7-cf3b3bb2d536?formType=shortForm&caseNumber=&participants=linkedin&year=&caseRangeDateFrom=&caseRangeDateTo=&caseFinalRangeDateFrom=&caseFinalRangeDateTo=&legalForceDateFrom=&legalForceDateTo=&caseCategory=&caseJudge=&publishingState=&sessionRangeDateFrom=&sessionRangeDateTo=&sessionRoom=&sessionRangeTimeFrom=&sessionRangeTimeTo=&sessionType=&docsRangeDateFrom=&docsRangeDateTo=&actDocStatus=&actDocType>
- Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации Карточка производства. Дело № АКПИ17-1181. Режим доступа <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/10001013>
- Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. Решение по делу № АКПИ17-1181. Режим доступа http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1636792
- Официальный сайт Роскомнадзора. (2017, Июнь 23). Администрации и пользователям мессенджера Telegram. Режим доступа <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news46796.htm>
- Официальный сайт Роскомнадзора. (2016, Декабрь 8). RNS: LinkedIn встала на путь разблокировки. Режим доступа <https://rkn.gov.ru/press/publications/news41963.htm>
- Павроз, А. В. (2009). Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние. *Вестник Московского университета. Серия 18: социология и политология*, 4, 50–61.
- Перегудов, С. П. (2010) Плюрализм и корпоративизм в СССР и России (общее и особенное). *Полис. Политические исследования*, 5, 111–128.
- Официальный сайт Роскомнадзора. Реестр организаторов распространения информации в сети «Интернет». Режим доступа <https://97-fz.rkn.gov.ru/organizer-dissemination/viewregistry/#searchform>
- Роскомнадзор объяснил суть претензий в LinkedIn. (2016, Октябрь 26). *Ведомости*, Режим доступа <http://www.vedomosti.ru/technology/news/2016/10/26/662450-roskomnadzor-linkedin>
- Сморгунов, Л. В. (2014). Управляемость и сетевое политическое управление. *Власть*, 6, 5–14.
- Сморгунов, Л. В., Шерстобитов, А. С. (2014). *Политические сети. Теория и методы анализа*. М: Аспект Пресс.

- Соловьев, А. И. (2015). Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации. *Полис. Политические исследования*, 3, 127–146.
- Суд оштрафовал Telegram на 800 тыс. рублей за отказ сотрудничать с ФСБ. (2017, Октябрь 16). *Интерфакс*. Режим доступа <http://www.interfax.ru/russia/583337>
- Федеральный закон от 06.07.2016 N374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности».
- Федеральный закон от 21.07.2014 N242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях».
- Федеральный закон от 27.07.2006 N152-ФЗ «О персональных данных».
- LinkedIn взвесит Россию. (2016, Декабрь 13). *Ведомости*. Режим доступа <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2016/12/13/669302-linked-in-rossiya>
- Telegram назвал причину отказа ФСБ в расшифровке переписки обвиняемых в теракте. (2017, декабрь 12). *Ведомости*. Режим доступа <http://www.vedomosti.ru/technology/news/2017/12/12/745000-telegram-fsb>
- Brinkerhoff, D. W., & Goldsmith, A. A. (2005). Institutional dualism and international development a revisionist interpretation of good governance. *Administration and Society*, 37 (2), 199–224.
- Gel'man V. (2004, November). The Unrule of Law in the Making: the Politics of Informal Institution Building in Russia. *Europe-Asia Studies*, 56 (7), 1021–1040.
- König P.D., & Wenzelburger, G. Toward a Theory of Political Strategy in Policy Analysis. *Politics & Policy*, 42 (3), 400–430.
- Pralle, S. B. (2003). Venue Shopping, Political Strategy, and Policy Change: The Internationalization of Canadian Forest Advocacy. *Journal of Public Policy*, 23 (3), 233–260.
- Weiss, T. G. (2000). Governance, good governance and global governance: Conceptual and actual challenges. *Third World Quarterly*, 21 (5), 795–814.
- What is Good Governance. (2009). UNESCAP. Режим доступа <http://www.unescap.org/pdd/prs/ProjectActivities/Ongoing/gg/governance.asp>

Статья поступила в редакцию 25.07.2018

Статья принята к публикации 03.09.2018

Для цитирования: Шерстобитов А. С., Неверов К. А., Барина Е. А. Роскомнадзор против. Стратегические и институциональные ограничения качества публичного управления (на опыте блокировок онлайн-ресурсов в России). — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 3. С. 163–176.

ROSKOMNADZOR VS. STRATEGIC AND INSTITUTIONAL LIMITS OF GOOD PUBLIC GOVERNANCE (CASE OF BLOCKAGE OF ONLINE-RESOURCES IN RUSSIA)

A. S. Sherstobitov, K. A. Neverov, E. A. Barinova

Alexander S. Sherstobitov, Ph. D.

E-mail: sherstobitovas@mail.ru · <https://orcid.org/0000-0001-5951-5779>

Kirill A. Neverov, Ph. D.

E-mail: kir.neverov@gmail.com · <https://orcid.org/0000-0002-1414-393X>

Ekaterina A. Barinova

E-mail: katyabarinova21@mail.ru · <https://orcid.org/000-0001-9917-8914>

St. Petersburg State University, Universitetskaja naberezhnaja, 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of RFBR within the framework of the scientific project № 18–011–00705 “Explanatory potential of network theory in political research: methodological synthesis as an analytical strategy”.

Abstract. The paper analyzes the factors that may potentially influence the elaboration and implementation of public policy in Russia. The authors put forward two basic types of strategies of actors that participate in decision-making. The authors offer two basic types of actors' strategies that participate in decision-making. The first factor covers policy strategies which aim at reaching economic and social goals, as well as improving indicators for public values management. The second factor embraces political strategies that are implemented by actors in order to redistribute resources, represent interests, and shape (inner-elite) competition inside and among the elites. The resulting public policy is balanced for all strategies input by actors. The outcome of agreements that actors come to also depends on their access to power and institutional factors of political and policymaking environment. The authors focus on “good governance” concept to explain the factors that may be of key importance within the framework of policymaking procedures. The antithesis, which is “bad governance”, is also discussed in this context. Orientation to consensus and rule of law principle are seen as the key criteria of the quality of governance in terms of procedural component of public policy. The authors offer an original theoretical model of the balance between and correspondence of political strategies and policy strategies analyzed as the dichotomy of ‘rule of law’ and ‘rule by law’ principles. The model can be applied to account for the results of the interaction between the multitude of actors who participate in coordinating and shaping public policy. The workability of the model was tested in the analysis of two cases of LinkedIn and Telegram Internet resources' blockage by Roskomnadzor. To verify their preliminary propositions, the authors plan to construct network cards with decision-making actors and establish the research design that implies policy network analysis combined with strategies' equilibrium modeling.

Keywords: policy networks, political strategies, policy strategies, good governance, bad governance, rule of law, rule by law, Roskomnadzor.

DOI: 10.31429/26190567-19-3-163-176

References

- Oficial'nyj portal Sudov obshchej yurisdikcii goroda Moskvy [Official Portal of Courts of General Jurisdiction of the city Moscow]. Informaciya po delu 02–1779/2018 [Information on the Case 02–1779/2018]. Retrieved from <http://www.mos-gorsud.ru/rs/taganskij/services/cases/civil/details/2cc72aea-39e7-4f8e-adc9-37d170966efa>
- Oficial'nyj portal Sudov obshchej yurisdikcii goroda Moskvy [Official Portal of Courts of General Jurisdiction of the city Moscow]. Informaciya po delu 02–3491/2016 [Information on the Case 02–1779/2018]. Retrieved from <http://www.mos-gorsud.ru/rs/taganskij/services/cases/civil/details/2ffe6d6d-69cd-423a-8ed7-cf3b3bb2d536?formType=shortForm&caseNumber=&participants=linkedin&year=&caseRangeDateFrom=&caseRangeDateTo=&caseFinalRangeDateFrom=&caseFinalRangeDateTo=&legalForceDateFrom=&legalForceDateTo=&caseCategory=&caseJudge=&publishingState=&sessionRangeDateFrom=&sessionRangeDateTo=&sessionRoom=&sessionRangeTimeFrom=&sessionRangeTimeTo=&sessionType=&docsRangeDateFrom=&docsRangeDateTo=&actDocStatus=&actDocType>
- Oficial'nyj sajt Roskomnadzora [Official Site of Roskomnadzor] (2017, June 23). Administracii i pol'zovateljam messendzhera Telegram [To the Administration and Users of Telegram Messenger]. Retrieved from <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news46796.htm>
- Gel'man, V. Ja. (2016). Politicheskie osnovanija “nedostojnogo pravljenja” v postsovetsoj Evrazii: pereosmyslivaja issledovatel'skuju povestku dnja [The Political Foundations of “Unworthy Governance” in Post-Soviet Eurasia: Rethinking the Research Agenda]. *Politija* [Politeia], 3 (82), 90–115.
- Oficial'nyj sajt Verkhovnogo suda Rossijskoj Federacii [The Official Website of the Supreme Court of the Russian Federation]. Kartochka proizvodstva. Delo № AKPI17-1181. [Production Card. Case № AKPI17–1181]. Retrieved from <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/10001013>

- Miroshnichenko, I. V., & Morozova, E. V. (2017). Setevaja publichnaja politika: kontury predmetnogo polja [Network Public Policy: Outlines of Subject Field]. *Polis. Politicheskije issledovanija* [Polis. Political Studies], 2, 82–102.
- Mosgorsud priznal zakonnoj blokirovku v Rossii socseti LinkedIn [Moscow City Court has Acknowledged the Legality of Blocking the Social Network LinkedIn in Russia]. (2016, November 10). *Vedomosti* [The Record]. Retrieved from <http://www.vedomosti.ru/technology/news/2016/11/10/664391-mosgorsud-priznal-zakonnoi-blokirovku>
- Pavroz, A. V. (2009). Korporativizm: istoki, jevoljucija, sovremennoje sostojanije [Corporatism: Origins, Evolution, Current State]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18: sociologija i politologija* [Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science], 4, 50–61.
- Peregudov, S. P. (2010). Pljuralizm i korporativizm v SSSR i Rossii (obshhee i osobennoe) [Pluralism and Corporatism in the USSR and Russia (General and Special Particular)]. *Polis. Politicheskije issledovanija* [Polis. Political Studies], 5, 111–128.
- Oficial'nyj sajt Roskomnadzora [Official Site of Roskomnadzor] Reestr organizatorov rasprostraneniya informacii v seti "Internet" [A List of Coordinators Disseminating Information in the Internet]. Retrieved from <https://97-fz.rkn.gov.ru/organizer-dissemination/viewregistry/#searchform>
- Roskomnadzor objasn timer' pretenzij v LinkedIn [Roskomnadzor has Explained the Essence of its Claims to LinkedIn]. (2016, October 26). *Vedomosti* [The Record]. Retrieved from <http://www.vedomosti.ru/technology/news/2016/10/26/662450-roskomnadzor-linkedin>
- Oficial'nyj sajt Verkhovnogo suda Rossijskoj Federacii [The Official Website of the Supreme Court of the Russian Federation]. Reshenije po delu № AKPI17–1181 [Decision on Case № AKPI17–1181]. Retrieved from http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1636792
- Smorgunov, L. V. (2014). Upravljaemost' i setevoe politicheskoe upravlenie [Manageability and Network Political Management]. *Vlast'* [Power], 6, 5–14.
- Smorgunov, L. V., Sherstobitov, A. S. (2014). *Politicheskije seti. Teorija i metody analiza: Uchebnik dlja studentov vuzov* [Political Networks. Theory and Methods of Analysis: Textbook for University Students.] M: Aspekt Press.
- Solov'ev, A. I. (2015). Gosudarstvennye reshenija: kontseptual'nyj prostor i tupiki teoretizacii [State Solutions: Conceptual Scope and Deadlocks of Theorization]. *Polis. Politicheskije issledovanija* [Polis. Political Studies], 3, 127–146.
- Sud oshtrafoval Telegram na 800 tys. rublej za otkaz sotrudnicat' s FSB [The Court Fined Telegram 800 Thousand Rubles for the Refusal to Cooperate with the FSB]. (2017, October 16). *Interfaks* [Interfax]. Retrieved from <https://www.interfax.ru/russia/583337>
- Federal'nyj zakon ot 06.07.2016 N374-FZ "O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon 'O protivodejstvii terrorizmu i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti ustanovlenija dopolnitel'nykh mer protivodejstvija terrorizmu i obespechenija obshchestvennoj bezopasnosti". [Federal Law N374-FZ of 06.07.2016 "On modification of the Federal Law 'On Counteraction to Terrorism and Separate Legal Acts of the Russian Federation in so far as Relevant to Establishing Security Supplement in Counteracting Terrorism and Ensuring Public Security'"].
- Federal'nyj zakon ot 21.07.2014 N242-FZ (red. ot 31.12.2014) "O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti utochnenija porjadka obrabotki personal'nyh dannyh v informacionno-telekommunikacionnykh setjakh". [Federal Law N242-FZ of 21.07.2014 "On Modification of Separate Legal Acts of the Russian Federation in so far as Relevant to Updating the Procedure of Processing Personal Data in Information and Telecommunication Networks"].
- Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 N152-FZ (red. ot 31.12.2017) "O personal'nyh dannyh" [Federal Law N152-FZ of 27.07.2006 "On Personal Data"].
- LinkedIn vzvesit Rossiju [LinkedIn will Test Russia]. (2016, December 13). *Vedomosti* [The Record]. Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2016/12/13/669302-linkedin-rossiyu>

- Official'nyj sajt Roskomnadzora [Official Site of Roskomnadzor]. (2016, December 8). RNS: LinkedIn vstala na put' razbloirovki [RNS: LinkedIn has Embarked on the Path of Unlocking]. Retrieved from <https://rkn.gov.ru/press/publications/news41963.htm>
- Telegram nazval prichinu otказа FSB v rasshifrovke perepiski obvinjaemykh v terakte [Telegram has Disclosed the Reason why FSB Refused to Decode the Correspondence of Those Accused of a Terrorist Act]. (2017, December 12). *Vedomosti* [The Record]. Retrieved from <http://www.vedomosti.ru/technology/news/2017/12/12/745000-telegram-fsb>
- Brinkerhoff, D. W., & Goldsmith, A. A. (2005). Institutional dualism and international development: a revisionist interpretation of good governance. *Administration and Society*, 37 (2), 199–224.
- Gel'man, V. (2004, November). The Unrule of Law in the Making: the Politics of Informal Institution Building in Russia. *Europe-Asia Studies*, 56 (7), 1021–1040.
- König P.D., & Wenzelburger, G. Toward a Theory of Political Strategy in Policy Analysis. *Politics & Policy*, 42 (3), 400–430.
- Pralle, S. B. (2003). Venue Shopping, Political Strategy, and Policy Change: The Internationalization of Canadian Forest Advocacy. *Journal of Public Policy*, 23 (3), 233–260.
- Weiss, T. G. (2000). Governance, good governance and global governance: Conceptual and actual challenges. *Third World Quarterly*, 21 (5), 795–814.
- What is Good Governance. UNESCAP, 2009. Retrieved from <http://www.unescap.org/pdd/prs/ProjectActivities/Ongoing/gg/governance.asp>

Received 25.07.2018. Accepted 03.09.2018

For citation: Sherstobitov A.S., Neverov K.A., Barinova E.A. Roskomnadzor vs. Strategic and institutional limits of good public governance (case of blockage of online-resources in Russia).— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 3. Pp. 163–176.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ НА ПОСЕЛЕНЧЕСКОМ УРОВНЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

А. С. Трудюлюбов, М. А. Экба

Трудюлюбов Александр Сергеевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000, Россия.

Эл. почта: caiiiatr@mail.ru · <https://orcid.org/0000-0002-7845-3371>

Экба Марина Аслановна, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия.

Эл. почта: marinaekba@gmail.com · <https://orcid.org/0000-0001-9322-8706>

Аннотация. В статье исследуется динамика изменения субрегионального административно-территориального (в период с 1987 по 2006 г.), а затем муниципального территориального (после вступления в силу 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации») деления в России с особым вниманием к поселенческому уровню местного самоуправления. Авторы выявляют общие тенденции в реформировании внутренней территориальной организации субъектов федерации, кластеризуют регионы по направлениям изменения АД, соотносят тренды с примерами других стран. Основным методом исследования выступает кластерный анализ динамики изменений сперва административно-территориального, а затем муниципального территориального деления в субъектах РФ. После распада СССР России досталась бывшая территориальная система Советов, соответствовавшая стремительно утрачивавшим актуальность советским моделям расселения и территориальной организации экономики. Субъекты РФ столкнулись с задачей приведения своей территориальной структуры в соответствие с социально-экономическими реалиями. На основании изученной статистики делается вывод о бессистемности реформ территориальной организации местного самоуправления в отдельных субъектах РФ либо об отсутствии значимой динамики в исследуемом вопросе. Разные регионы в разные периоды принимали решение об упразднении малых сельских административно-территориальных единиц, лишении населенных пунктов городского статуса. Общефедеральной тенденцией, характерной для всего обозреваемого периода, можно назвать лишь ликвидацию бывших поселков городского типа.

Ключевые слова: местное самоуправление, административно-территориальное деление, территориальные реформы, поселенческий уровень, Россия.

Введение

Данное исследование выполнено в рамках проекта, посвященного политической субъектности поселений в российской системе. По этому направлению предполагается изучить территориальную организацию и историческую эволюцию местного самоуправления на поселенческом уровне (с учетом советской и дореволюционной предыстории, но в первую очередь — в связи с постсоветскими реформами), затронуть такие аспекты, как численность поселений, делимитация их границ, функционирование двухуровневого местного самоуправления («район — поселение») и проблема политического статуса поселений (лишение поселений статуса с концентрацией полномочий в районе или создание / воссоздание поселений как субъектов местного самоуправления). Интерес представляют проблемы функционирования

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №17-03-00566 «Поселенческий уровень местного самоуправления в России: политическое положение и проблемы развития».

поселенческого уровня, прямо влияющие на его субъектность, такие как финансирование, кадровое обеспечение, отношения между поселением и районом.

Последние годы в России идет дискуссия относительно реформирования административно-территориального деления на локальном уровне. Она обострилась после того, как весной 2017 г. Государственная Дума приняла так называемые «поправки Терентьева», которые уже успели окрестить «стартом упразднения поселенческого уровня в России». В данной статье авторы ставят перед собой задачу изучить предшествующий текущим событиям опыт реформирования территориальной организации поселенческого уровня, чтобы выделить основные тенденции изменений, произошедших с момента распада СССР.

В литературе местное самоуправление принято рассматривать с двух позиций. С одной стороны, местное самоуправление — это нижний уровень государства как территориально-политической системы, способ агрегирования интересов локальных политических сообществ (Туrowsкий, 2006). С другой стороны, местное самоуправление — это способ предоставления населению базового набора услуг.

Соответственно вопрос о том, каким образом должно быть структурировано местное самоуправление в географическом разрезе, имеет два важнейших аспекта. Первый — как учесть исторически сложившиеся локальные сообщества со своими идентичностями, дать им возможность самим принимать важные для них решения? Второй — как обеспечить максимальную эффективность предоставляемых населению услуг, повысить профессионализм муниципальных служащих и т.д.? Эта сторона вопроса напрямую связана с социальными обязательствами, которые несет государство, здесь МСУ превращается в часть государственного аппарата, не юридически, но по факту. Возникает задача — как рационализировать привязку МСУ к территории и повысить его «КПД». Местное самоуправление становится одним из уровней АТД и требует оптимизации так же, как и другие территориальные сетки: полиция, судебная система, армия и т.д. Мы также будем далее рассматривать единицы МСУ как административно-территориальные единицы (АТЕ).

В Западных странах ко второй половине XX в. сложилась нерациональная сетка АТД на локальном уровне, что повлекло за собой процесс ее реформирования (Транин, 1984). Исследователи выделяют три модели: североευропейскую (скандинавскую), южноевропейскую и смешанную (например, ФРГ). Первая склонна к укрупнению муниципалитетов, вторая — нет, а третья сочетает в себе элементы обеих. Бывают и исключения (например, Греция, запустившая в 2011 г. программу радикального укрупнения «Калликратис»). Все это обусловлено объемом полномочий, отведенных МСУ: в странах, где муниципалитеты обладают значительным функционалом, встает вопрос об их бюджетной обеспеченности и качестве реализации полномочий. Страны, не склонные к передаче МСУ большого объема полномочий (по причинам ресурсной необеспеченности, информационной асимметрии, несоответствия административных границ МСУ экономическим регионам и т.д. (Charbit, Michalun, 2009)), с такой проблемой не сталкиваются, хотя процесс децентрализации постепенно становится общим трендом.

После экономического кризиса 2008–2009 гг. процесс реформирования МСУ ускорился, и дискуссия активизировалась. Сторонники укрупнения муниципалитетов выступают обычно со следующими аргументами:

- приведение границ муниципалитетов в соответствие с социально-экономическими изменениями (в первую очередь демографическими);

- оптимизация бюджетных расходов;
- повышение профессионализма местного самоуправления, наращивание количества и качества услуг (Маркварт, Францке, 2017).

Очевидно, что эти аргументы похожи на приводимые противниками децентрализации. Впрочем, вышедший в 2017 г. обзорный доклад по реформам АТД в странах ОЭСР отмечает, что эмпирика показала неоднозначность этих аргументов, а также «подводные камни». Стоит отметить, что соотношение эффективности муниципальных расходов и населения муниципальных образований напоминает U-график с вершиной примерно в 100 тыс. чел. жителей, что говорит, как минимум, о том, что маленькие муниципалитеты укрупнять все же стоит. И страны скандинавской моделью МСУ в целом демонстрируют тренд к ликвидации малых муниципалитетов: даже в небольшой Эстонии муниципалитеты имеют население в несколько тысяч человек.

Теперь следует перейти к собственно поселенческому уровню. Под поселениями (коммунами) стоит понимать базовые АТЕ, включающие один или несколько компактно расположенных населенных пунктов, на территории которых образованы органы МСУ (в большинстве случаев) или государственной власти. В некоторых странах муниципалитеты не формируются на сельской территории, но это редкие исключения, поэтому широко распространенным является принцип создания / признания муниципалитета при наличии определенной численности населения на заданной территории (Чиркин, 2014).

Коммуны не всегда являются нижним уровнем АТД и нечасто включают в себя только один населенный пункт. Так, Рим с населением более 2 млн. чел. является коммуной (одновременно в Италии есть коммуны с менее чем 100 жителями), а Шервуд-парк в Канаде с 60 тыс. чел. не имеет статуса муниципального образования. В Греции и Скандинавии коммуны сильно дифференцированы по населению, что объясняется островной структурой территории или труднодоступностью малозаселенных территорий. В Германии, а ранее и в Дании была распространена практика объединения малых общин с единым управлением. В Великобритании после реформы 1997 г. допустимо создание новых общин на внеобщинной территории, что приводит к еще большему дроблению сетки АТД нижнего уровня (на 2016 г. в Англии и Уэльсе их более 11 тыс.), предусмотрена практика общинного схода в случае численности населения ниже 150 чел. (Дроботенко, 2010). В США АТЕ нижнего уровня называются либо муниципалитетами (города), либо тауншипами (сельские территории и объединения небольших поселков; есть не во всех штатах). Численность населения, необходимая для муниципального образования, определяется каждым штатом самостоятельно, допустимо неполное покрытие территории штата муниципальными образованиями.

История развития местного самоуправления в России

Формирование административно-территориального деления на локальном уровне в России имеет достаточно долгую историю. Говорить о нем как элементе демократии можно было в период существования института вече, а затем — земств. Все это очень условно можно назвать «самоуправлением», поэтому авторы делают оговорку, что далее речь пойдет о формировании локального уровня АТД. Начинается оно с разрушения старой удельной системы, когда на смену раздробленности приходит централизованная модель уездов и волостей. Ее ликвидация

приходится на период правления Ивана IV с введением «земской» системы АТД, которая, впрочем, не была завершена. Однако и эта схема вскоре трансформировалась в военно-административную модель Романовых. Далее при Петре I АТД было преобразовано и стабилизировалось. Последующий этап включает эксперименты с дистриктами. В дальнейшем идеи Петра I были развиты Екатериной II, которая разукрупнила губернии. Эта реформа предполагала формирование АТД на основе демографических показателей (300–400 тыс. чел. на губернию и 20–30 тыс. чел. на уезд) (Клейменов, 2012). Дальнейшее развитие идет без радикальных преобразований. Выстраивается многоуровневая модель управления «губерния — уезд (округ, отдел) — волость» (после отмены крепостного права) (Тархов 2005). Ближе к концу империи насчитывалось порядка 800 уездов и 18 тыс. волостей.

После революции 1917 г. большевики начали радикальный пересмотр модели АТД. В рамках НКВД был создан наркомат по местному самоуправлению. Система «губернии — уезды — волости» постепенно ликвидировалась до 1929 г., на смену ей пришли АТЕ первого, второго (округа) и третьего (районы, города областного подчинения) уровней, но позже округа были упразднены. Одновременно формировалась сеть сельсоветов как АТЕ низового уровня. В 1922 г. было принято положение, согласно которому они формировались в населенных пунктах с более чем 400 жителями. После старта коллективизации сельсоветы были «прикреплены» к колхозам. Далее формирование поселенческой структуры ориентируется на экономику, так как сельсоветы укрупнялись вместе с колхозами (Клейменов, 2012). Индустриальное развитие, породившее множество малых промышленных предприятий в сельской местности, послужило причиной появления большого количества рабочих поселков / поселков городского типа.

В 1990 г. был принят закон «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства СССР», который предполагал, что «первичным территориальным уровнем местного самоуправления могут быть сельсовет, поселок (район), город (район в городе)», а также то, что «местное самоуправление осуществляется в границах административно-территориальных единиц». Таким образом, первый закон Советского Союза о местном самоуправлении учитывал существовавшую систему местных советов и их территорий.

В 1991 г. была предпринята попытка реформирования местного самоуправления. 24 мая 1991 г. был принят закон «Об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР в связи с реформой местного самоуправления», а следом — закон РСФСР 1991 г. «О местном самоуправлении в РСФСР», явившийся закономерным следствием предшествующего советского закона. Закон признавал органами МСУ только органы, формировавшиеся в районах, городах, районах в городах, поселках и сельсоветах, а региональные администрации от МСУ были отделены (для республик закон носил рекомендательный характер). На тот момент принятые законы не оказали большого влияния на реальное положение дел. Причиной являлось сосуществование различных, зачастую противоречащих друг другу, нормативно-правовых актов (а также распад СССР и переход к вертикали исполнительной власти раннего ельцинского периода). Но нельзя недооценивать их значимость в качестве первоосновы для дальнейшего законодательства в области МСУ, формирования категориального аппарата.

Трансформации начала 1990-х гг. не могли не коснуться МСУ. В 1993–1994 гг. ряд указов президента по сути заново выстроил систему местного самоуправ-

ления. Были установлены компетенции органов власти, порядок формирования бюджетов, проведения выборов. Окончательно статус МСУ как одной из форм непосредственного осуществления власти народом был закреплен Конституцией 1993 г.

Очевидной была необходимость разработки специального закона, осуществлявшего нормативно-правовое регулирование сферы МСУ. Знаковым можно считать федеральный закон 1995 г. № 154-ФЗ, который установил общие принципы и организационно-правовые формы МСУ, регламентировал ключевые экономические основания и закрепил разграничение полномочий по решению вопросов местного значения.

Изначально в Госдуме конкурировали два законопроекта: разработанный министерством по делам национальностей и внесенный президентом и так называемый «муравьевский», по имени одного из депутатов. Важное для нас различие состоит в том, что президентский закон предполагал поселенческий принцип формирования МСУ, а «муравьевский» — еще и районный. Также законопроект вводил термин «муниципальное образование» (МО), уравнивавший все типы МО. В конце концов был принят «муравьевский» вариант, но со значительными поправками в рамках компромисса. Наличие двух уровней МСУ, впрочем, удалось сохранить не в императивном варианте.

Важным для нас моментом является то, что закон отдавал вопрос формирования субрегионального АТД и выбор количества его уровней субъектам Федерации, что привело к появлению многообразия моделей МСУ на тот период. При этом закон четко не регламентировал типологию муниципальных образований, предполагая существование «городских и сельских поселений, а также нескольких поселений, объединенных общей территорией, частей поселений, иной населенной территории, предусмотренной настоящим Федеральным законом, в пределах которых осуществляется местное самоуправление, имеются муниципальная собственность, местный бюджет и выборные органы местного самоуправления».

Процесс трансформации нормативно-правового определения местного самоуправления продолжился с муниципальной реформой 2003–2009 гг. и принятием № 131-ФЗ от 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ».

Главная задача, которую был призван решить данный НПА, — установление новой территориальной организации местного самоуправления. Им были закреплены типы АТЕ — городские и сельские поселения, городские округа, муниципальные районы, внутригородские территории городов федерального значения (в 2014 г. к этому списку присоединились городской округ с внутригородским делением и внутригородские районы). Был закреплен принцип двухуровневого субрегионального АТД («районы — поселения», за исключением территорий городских округов).

Во многих вопросах вновь принятый закон не отменяет норм, закрепленных своим предшественником, но вносит ряд дополнений. Так, субъекты Федерации по-прежнему устанавливают границы муниципальных образований, но теперь для этого сформулированы четкие критерии — численность населения² и удаленность от центра.

---

² Прим. авт. Сельские поселения могли состоять либо из одного населенного пункта численностью населения выше 1000 чел., либо из нескольких населенных пунктов с населением менее 1000

Новый виток трансформации наметился в 2006–2007 гг. Ход муниципальной реформы обнаруживал необходимость новых НПА. Были внесены поправки в Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и в соответствующие статьи законов, осуществляющих регулирование деятельности органов местного самоуправления. Изменения нашли свое отражение в девяти федеральных законах. Ряд уточнений был произведен в сфере территориальной организации самоуправления на местах. В контексте темы данной статьи особый интерес представляют новые правила, установленные в отношении изменения границ городских округов. Законодательно были закреплены процедуры упразднения муниципальных образований с низкой плотностью населения (в случае, если население составляет менее 100 чел., и только по решению схода граждан) и возможность включения в городские округа одновременно и городских, и сельских поселений. Последствия перечисленных мер будут рассмотрены более подробно далее.

Итак, в России муниципалитеты, кроме поселений, обладают существенным объемом полномочий, среди которых основными являются образование, поддержка части транспортной инфраструктуры, на момент старта реформы еще и здравоохранение и т.д. По данному критерию Россия близка к северо европейской модели МСУ. Это является объективным стимулом к оптимизации АТД на муниципальном уровне.

Общедоуперальные тенденции изменения АТД на субрегиональном уровне

Сделаем общий обзор тенденций текущего этапа муниципальной реформы. В табл. 1 представлены данные по численности муниципальных образований с момента вступления в силу 131-ФЗ, где очевидным является факт медленного сокращения числа поселений в целом: на 9% в ходе реформы, сельских — на 8%, городских — на 11%, незначительное снижение числа районов — на 0,5%, и значительный рост числа городских округов. Отчетливо видны основные тенденции — укрупнение поселений (особенно сельских) и преобразование районов в городские округа.

Статистика демонстрирует, что никакого единообразного процесса в стране не происходит, данные по 79 регионам за период с 2006 по 2016 г. показывают, что медиана, а также верхний и нижний квартили близки к нулю, как и средние значения. Минимальные и максимальные показатели довольно сильно разбросаны (рис. 1), причем наиболее радикальные примеры сокращения или же, наоборот, создания МО приходятся на период 2009–2011 г. Заметна общая тенденция отрицательной динамики среднего показателя с 2014 г. По факту за этот временной отрезок в целом по муниципальным образованиям наблюдается лишь 8 статистических выбросов (Псковская, Тульская, Костромская, Нижегородская, Вологодская и Новгородская области, а также Чукотский АО и Карелия), все остальные субъекты РФ находятся в рамках общего процесса в сторону незначительного постепенного сокращения от 1 до 7 муниципальных образований в год в среднем.

Схожая ситуация складывается с сельскими поселениями, а вот городские поселения начали интенсивно сокращаться после 2011 г., и ускорился этот процесс

чел., в случае с территориями с высокой плотностью населения — 3 тыс. чел.

Таблица 1. Динамика изменения численности разных типов МО с момента вступления в силу 131-ФЗ

Table 1. Number of different municipality types in dynamics after 06.10.2003(FZ- № 131)

Год	Всего муниципалитетов	Муниципальные работы	Городские округа	Всего поселений	Городские поселения	Сельские поселения
2006	24 196	1793	520	21 647	1799	19 848
2007	24 207	1793	520	21 651	1732	19 919
2008	24 151	1799	521	21 595	1734	19 861
2009	24 161	1810	507	21 608	1745	19 863
2010	23 907	1829	512	21 330	1739	19 591
2011	23 304	1824	515	20 729	1733	18 996
2012	23 118	1821	517	20 544	1711	18 833
2013	23 001	1817	518	20 409	1687	18 722
2014	22 777	1815	520	20 185	1660	18 525
2015	22 923	1823	535	20 298	1644	18 654
2016	22 406	1788	563	19 769	1592	18 177
2017	22 327	1784	567	19 690	1589	18 101

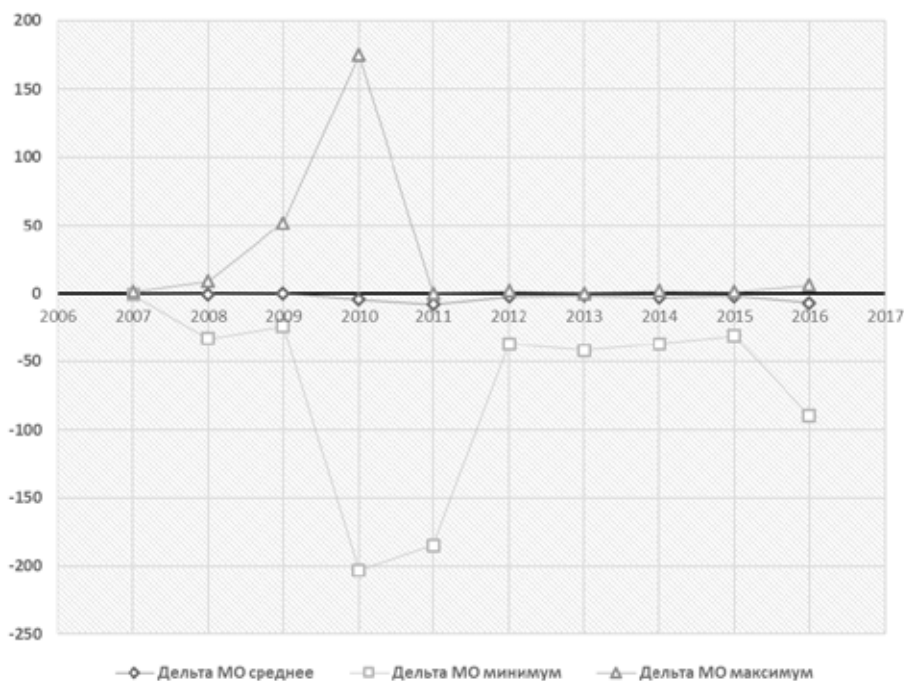

Рис. 1. Динамика изменения общего числа муниципальных образований

Fig. 1. Municipalities' number in dynamics

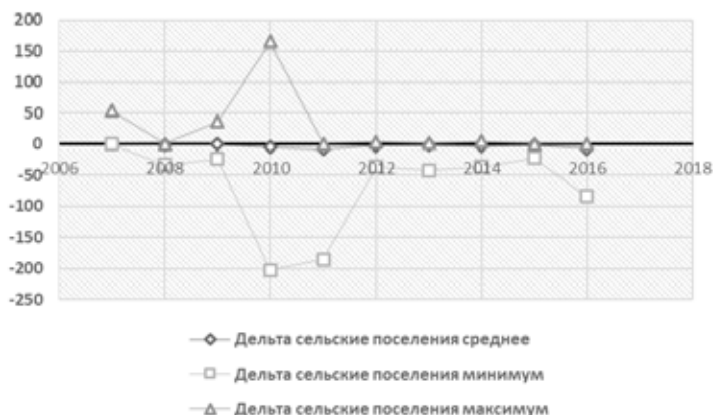

Рис. 2. Динамика изменения числа сельских поселений

Fig. 2. Rural localities' number in dynamics

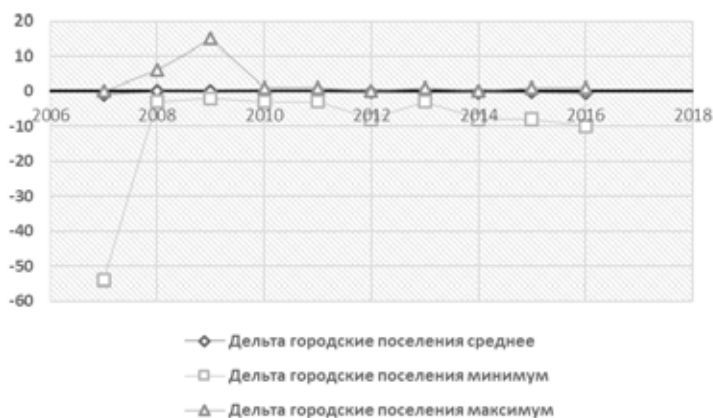

Рис. 3. Динамика изменения числа городских поселений

Fig. 3. Urban localities' number in dynamics

после 2014 г. (рис. 2). Это связано с процессом преобразования районов с административными центрами в городских поселениях в городские округа, который активизировался после 2014 г. (рис. 3). В целом по сельским поселениям наблюдаются 7 выбросов (аналогичны предыдущим за исключением Вологодской и Новгородской областей, а также Чукотского АО, но с Сахалинской и Владимирской областями). Остальные субъекты РФ находятся в рамках общего процесса по сокращению в среднем по 1–7 поселений в год.

Схожую динамику нам показывает демографическая статистика (рис. 4 и 5): сокращение численности районов и поселений, прирост в доле малых сельских поселений — население сельской местности и малых городов сокращается либо естественным путем, либо путем преобразования муниципальных районов в городские округа, о чем нам говорит рост доли малых городских округов. В то же время растет доля крупных сельских поселений (рост на 0,6%). Новые исследова-

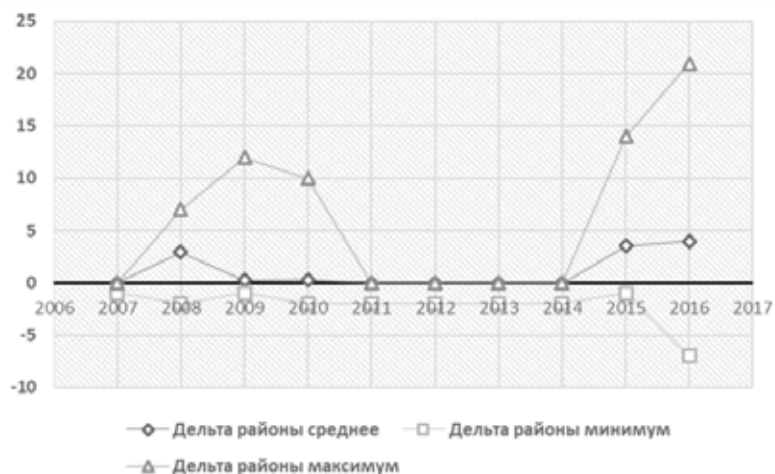

Рис. 4. Динамика изменения числа муниципальных районов и городских округов
Fig. 4. Municipal districts' number in dynamics

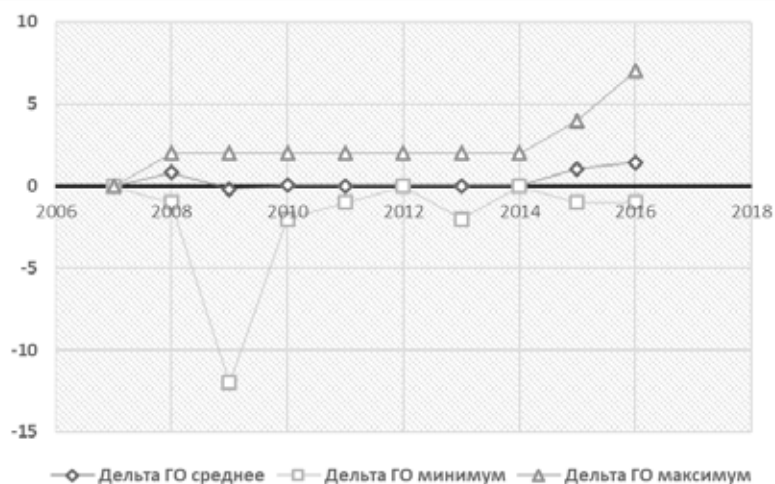

Рис. 5. Динамика изменения числа муниципальных районов и городских округов
Fig. 5. City districts' number in dynamics

ния соотносят этот тренд с укрупнением сельских поселений. Данная статистика не демонстрирует нам полной картины, так как Росстат начал публиковать эти данные только с 2012 г., однако общие тенденции последних лет (которые, как минимум, связаны с текущими законодательными инициативами по «упразднению поселенческого уровня») вполне заметны.

Таким образом, статистика демонстрирует нам общие тенденции текущего преобразования субрегионального АД, которое в течение большей части актуальной муниципальной реформы шло довольно плавно — с некоторыми исключениями в период 2009–2011 гг. и современным этапом. Мы не можем говорить о какой-либо единообразной политике регионов по изменению числа муници-

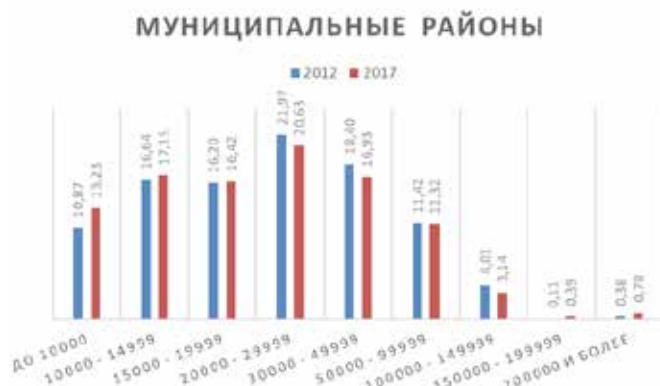

Рис. 6. Динамика соотношения разных групп муниципальных районов по численности населения

Fig. 6. Ratio of different groups in municipal districts to population in dynamics

Рис. 7. Динамика соотношения разных групп городских округов по численности населения

Fig. 7. Ratio of different groups in city districts to population in dynamics

пальных образований. Радикальные преобразования 2009–2011 гг. отмечались только в отдельных субъектах Федерации. Некоторый общий тренд наметился после 2014 г. — преобразование муниципальных районов в городские округа, но он не носит повсеместного характера.

Очевидная бессистемность наблюдаемого процесса вынуждает нас обратить внимание на отдельные кейсы, а также рассмотреть более ранние периоды.

Результаты статистического анализа

Авторы провели кластерный анализ по методу Варда. Изучалась динамика относительных изменений числа разных типов АТЕ субрегионального уровня. Рассматривались четыре периода: 1987–1995, 1995–2002, 2002–2005 и 2006–2016 гг.

Рис. 8. Динамика соотношения разных групп сельских поселений по численности населения

Fig. 8. Ratio of different groups in rural localities to population in dynamics

Рис. 9. Динамика соотношения разных групп городских поселений по численности населения

Fig. 9. Ratio of urban localities' groups to population dynamics

Изучались показатели по разным типам АТЕ в регионах за «стартовый» и «финишный» годы и рассчитывалась доля дельты в показателе «стартового» года, чтобы измерить, на сколько процентов изменилось число разных типов АТЕ. Представленные визуализации кластерного анализа разных этапов демонстрируют общую картину группирования регионов по трем осям, которые обозначают динамику по определенному типу АТЕ (конкретные оси далее прописаны отдельно для каждого кейса). Таблицы показывают средние значения по каждому типу АТЕ в разрезе отдельных кластеров, а также число регионов в них.

В качестве источников данных использовались справочник по административно-территориальному делению СССР 1987 г., классификатор кодов ОКАТО 1995 г.,

данные Росстата об административно-территориальном делении и муниципальной территориальной организации субъектов РФ. На данный момент в РФ невозможно точно соотнести понятия «административно-территориальное деление» и «муниципальная территориальная организация», по этой причине авторы не проводят анализа переходного периода после принятия 131-ФЗ. Однако, так как в период действия 154-ФЗ на базе АТЕ существовали местные администрации, при наличии поселенческого уровня они имели статус муниципалитетов, в случае его отсутствия они являлись территориальными структурами районных органов местного самоуправления. При формировании системы муниципальной территориальной организации в соответствии с 131-ФЗ именно на их базе в большинстве случаев создавался поселенческий уровень МСУ (сокращения были не столь значительны, например, число сельских администраций, согласно переписи населения 2002 г., в стране составляло 24464, а сельских поселений в 2006 г. — 20109, т.е. при сокращении). Таким образом, данные по административно-территориальному делению за предшествующие текущему периоды позволяют с достаточно высокой точностью определить тенденции изменения субрегионального АТД, которые впоследствии обусловили актуальные тренды.

За период 1987–1995 гг. была использована выборка из 77 регионов России и данные по городам районного значения, сельсоветам и поселкам городского типа (т.е. тем АТЕ, которые впоследствии станут поселенческим уровнем МСУ). Было получено 9 кластеров (рис. 10, ось X — сельсоветы, ось Y — поселки городского типа, ось Z — города районного значения).

Общей тенденцией (с несколькими исключениями) этого периода является увеличение числа сельсоветов, поэтому кластеры в основном группировались по динамике изменения числа ПГТ и городов районного значения (табл. 2). Стабильное большинство (кластер 3 — незначительное упразднение всех типов АТЕ) не столь очевидно, оно составляет менее половины выборки. Другие крупные кластеры отличаются небольшим ростом числа сельсоветов (кластер 8) и небольшим ростом числа сельсоветов при значительном сокращении числа ПГТ (кластер 6). Уникален случай Северной Осетии (кластер 5), в которой более чем в два раза нарастили число сельсоветов. Существуют кластеры, в которых проводилась оптимизация всех указанных типов МСУ (кластер 1 — Карелия, Ставрополье, Тюменская область), отмечается значительное увеличение числа ПГТ (кластер 7 — Тверская область, Хабаровский край, ЯНАО), значительное уменьшение их числа (кластер 4 — Республика Алтай и Калмыкия, Томская область), значительное уменьшение числа городов регионального значения (кластер 2 — республики Башкортостан и Коми, Алтайский край), значительное увеличение числа городов регионального значения (кластер 0 — Архангельская, Липецкая, Омская, Самарская области и ХМАО). Таким образом, существуют прямо противоположные кейсы. Единообразие отсутствует, что довольно ожидаемо для периода политической нестабильности.

За период с 1995 по 2002 г. была использована выборка из 76 регионов России и данные по городам в целом (ввиду упразднения к 2002 г. типа АТЕ «Город районного / регионального значения»), сельским администрациям и поселкам городского типа. Было получено 8 кластеров (рис. 11, ось X — сельские администрации, ось Y — ПГТ, ось Z — города).

Общего тренда как такового в этот период не наблюдается, под ним можно понимать разве что стабильность числа сельских администраций в большинстве

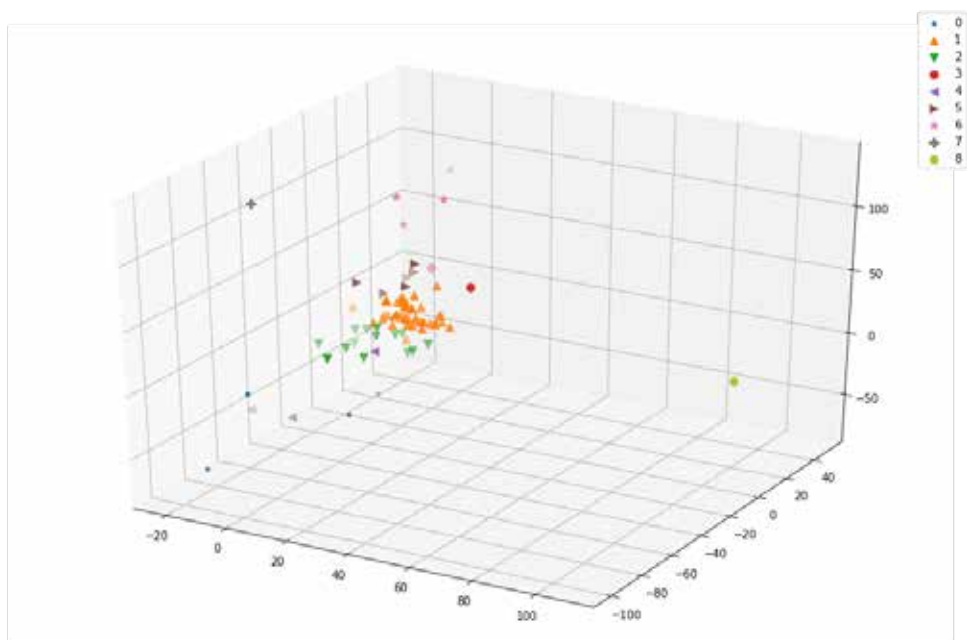

Рис. 10. Визуализация кластеров регионов за период 1987–1995 гг.

Fig. 10. Visualization of regional clusters: 1987–1995

Таблица 2. Кластеры регионов за период 1987–1995 гг.

Table 2. Regional clusters: 1987–1995

№ кластера	ГРЗ (%)	ПГТ (%)	Сельсоветы (%)	Число объектов в кластере
2	–66,66	–26,7	5,63	3
8	–2,4	–2,24	8,68	18
0	80	–9,98	6,64	5
6	5	–30,64	10,25	10
3	–1,67	–2,86	–0,92	32
4	0	–95,23	19,35	3
1	–53,33	–75,88	–14,51	3
5	0	0	108,79	1
7	–16,66	39,09	–2,97	3

регионов (табл. 3). Также наметилось гораздо более объемное, чем в предыдущий период, стабильное большинство (кластер 0), второй по размерам кластер (кластер 3) характеризуется умеренным сокращением числа ПГТ. Присутствуют кластеры с трендом на сокращение сельских администраций (кластер 1 – Мурманская и Томская области, Северная Осетия) и их ликвидацию (кластер 7 – Чукотка), увеличение числа ПГТ (кластер 4 – Адыгея и Дагестан, Ставрополье), радикальное сокращение числа ПГТ (кластер 6 – Оренбургская и Липецкая области), значимое

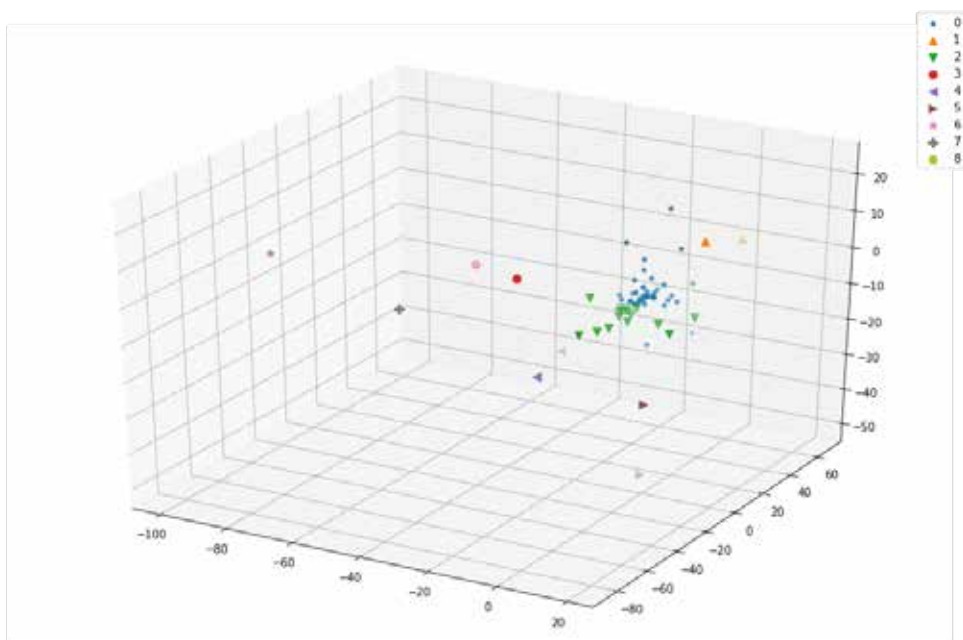

Рис. 11. Визуализация кластеров регионов за период 1995–2002 гг.

Fig. 11. Visualization of regional clusters: 1995–2002

Таблица 3. Кластеры регионов за период 1995–2002 гг.

Table 3. Regional clusters: 1995–2002

№ кластера	ПГТ (%)	Города (%)	Сельские администрации (%)	Количество объектов в кластере
0	–2,29	0,37	1,21	44
3	–21,7	0,3	3,86	18
5	–4,14	16,66	4,01	4
6	–72,3	0	4,08	2
1	–18,62	0	–44,38	3
2	0	–40	–0,27	2
4	41,8	1,85	1,8	3
7	–23,52	0	–100	1

уменьшение количества городов (кластер 2 — Омская область и ЯНАО). Единообразие опять же не наблюдается.

За период 2002–2005 гг. была использована выборка из 83 регионов России и данные по городам в целом (ввиду упразднения к тому моменту АТЕ «Город районного / регионального значения»), сельским администрациям и поселкам городского типа. Было получено 8 кластеров (рис. 12, ось X — сельские администрации, ось Y — ПГТ, ось Z — города).

Общим трендом является сокращение числа ПГТ (табл. 4). Стабильное большинство увеличилось до 57 регионов (кластер 0). В отдельный кластер (кластер 7) попала

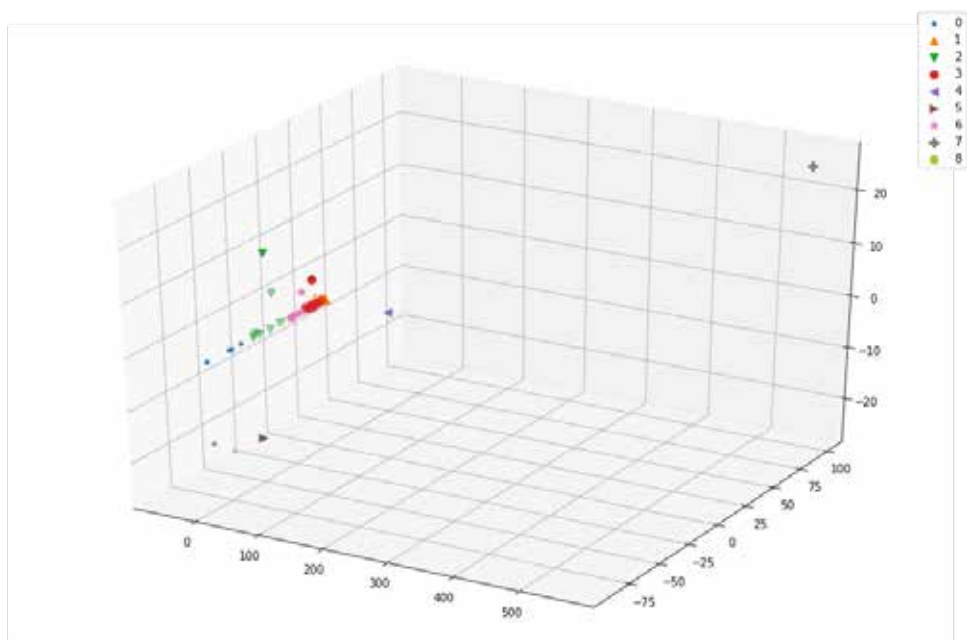

Рис. 12. Визуализация кластеров регионов за период 2002–2005 гг.

Fig. 12. Visualization of regional clusters: 2002–2005

Таблица 4. Кластеры регионов за период 2002–2005 гг.

Table 4. Regional clusters: 2002–2005

№ кластера	ПГТ (%)	Города (%)	Сельские администрации (%)	Количество объектов в кластере
0	–2,98	0	0,9	57
4	–74,87	0	0,78	4
1	–21,7	1,15	–0,44	12
3	–44,11	0	–1,05	6
2	–73,66	–18,85	–13,25	2
6	–25	–25	–54,71	1
7	100	25	565,62	1
5	–44,44	14,28	–2,38	1

Чеченская Республика, на территории которой в этот период был восстановлен конституционный порядок и началось создание системы МСУ. Также в отдельный кластер выпадает Камчатка (кластер 6), более чем в два раза сократившая число сельских администраций. Существуют кластеры с трендами на сокращение числа ПГТ разной степени интенсивности (кластеры 1, 3 и 4), на оптимизацию всех рассматриваемых типов АТЕ с упором на ПГТ (кластер 2 — Волгоградская и Сахалинская области) или сельские администрации (кластер 6 — Камчатская область). Итак, в этом периоде развития АДТ увеличивается «стабильное большинство», в то время как остальные кластеры в целом следуют общему тренду на сокращение числа ПГТ.

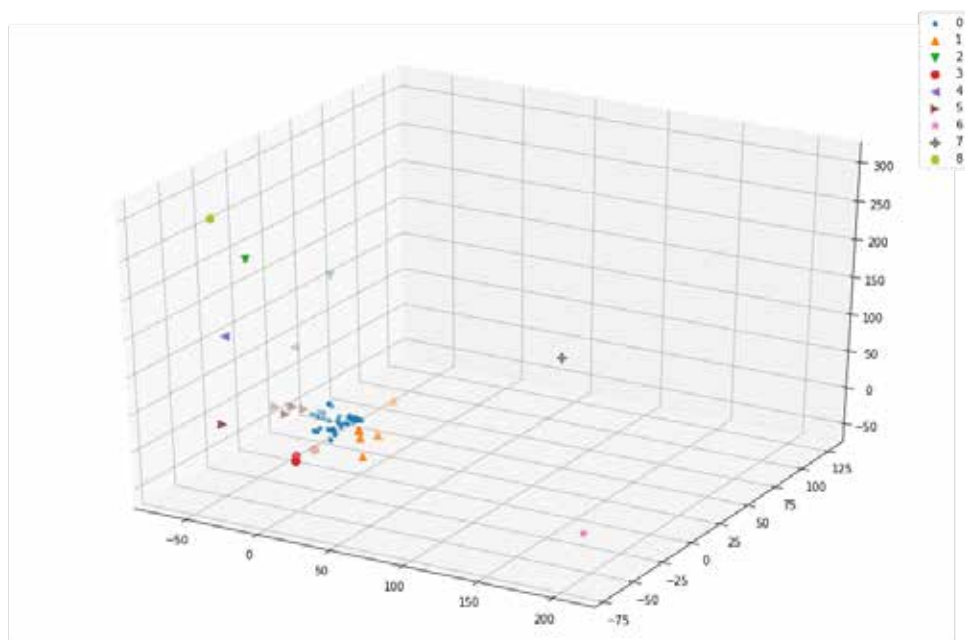

Рис. 13. Визуализация кластеров регионов за период 2006–2016 гг.

Fig. 13. Visualization of regional clusters: 2006–2016

Таблица 5. Кластеры регионов за период 2006–2016 гг.

Table 5. Regional clusters: 2006–2016

№ кластера	Городские округа (%)	Городские поселения (%)	Сельские поселения (%)	Количество объектов в кластере
1	–26,1	9,23	–1,07	6
0	1,1	–5,08	–6,44	57
2	212,5	–21,18	–27,18	2
6	0	–67,5	207,69	1
5	0	–7,78	–49,67	6
7	15,79	125	40	1
4	116,66	–29,09	–41,11	2
3	0	–48,52	3,24	3
9	0	0	100	1
8	300	–57,14	–45,95	1

За период 2006–2016 гг. использовалась выборка из 79 регионов России и данные по городским округам, сельским администрациям и поселкам городского типа. Было получено 10 кластеров (рис. 13, ось X — сельские поселения, ось Y — городские поселения, ось Z — городские округа).

Опять же мы наблюдаем стабильное большинство, в котором идет небольшое сокращение поселений, а также небольшой рост числа городских округов (табл. 5).

Все остальные кластеры уникальны. Чукотка, Магаданская, Тульская, Белгородская и Новгородская области (кластеры 8 / 4 / 2) увеличивают число городских округов за счет районов, Карелия (кластер 9) создает сельские поселения, Калининградская область (кластер 7) упраздняет городские округа в пользу районов (т.е. они там сперва создавались, а потом упразднялись), Владимирская область (кластер 6) преобразовала большое количество ПГТ, изначально внесенных в реестр муниципальных образований в качестве городских поселений, в сельские поселения. Вологодская, Костромская, Курская, Новгородская, Псковская и Сахалинская области (кластер 5) укрупняют поселения. Адыгея, Хакасия и Удмуртия (кластер 3) преобразуют городские поселения в сельские. Алтайский и Краснодарский края, Брянская, Мурманская и Ульяновская области, Чеченская Республика (кластер 1) упраздняют городские округа. По факту ситуация интересна тем, что субъекты РФ в период текущей муниципальной реформы по сути не занимались активной оптимизацией АТД на поселенческом уровне, что реформа, закрепившая типологию АТЕ и двухуровневую модель МСУ, теоретически предполагала.

Подведем итоги исследования:

Реформы АТД на поселенческом уровне в России не имели общих трендов на протяжении всей истории современной России, они происходили в разных регионах в разное время.

По факту суть реформ заключалась в перекройке той сетки АТД, которая досталась субъектам Федерации от советского периода, но некоторые регионы провели ее сразу после распада СССР, а другие приступили к этому только в рамках текущей муниципальной реформы.

В то время как демографические и экономические факторы требуют укрупнения муниципальных образований, серьезных общефедеральных сдвигов в этом направлении не наблюдается, за исключением тренда последних лет в ряде регионов на возвращение к одноуровневой модели территориальной организации МСУ.

Библиографический список

- Дергачев, В., Макутина, М. Госдума в ускоренном режиме рассмотрит поправки о ликвидации поселений. (2017, Март 10). *РБК*. Режим доступа <http://www.rbc.ru/politics/10/03/2017/58c29f429a7947596181c66d>
- Дроботенко, И. И. (2010). Зарубежные модели местного самоуправления: опыт для России. *Власть*, 1, 119–122.
- Закон Российской Федерации «О местном самоуправлении в Российской Федерации» от 06.07.1991 г. № 1550–1. (1991). Режим доступа http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105/
- Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» от 09.04.1990 № N1418–1. (1990). Режим доступа <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1687>
- Закон Российской Федерации «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28.08.1995 № 154-ФЗ. (1995). Режим доступа http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7642/
- Закон Российской Федерации «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ. (2003). Режим доступа http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

- Клейменов, С. П. (2012). Административный и экономический факторы пространственного развития Псковской области: история и современность. *Псковский регионологический журнал*, 14, 187–200.
- Маркварт, Э. Э., Йохен, Ф. (2017). Территориальное реформирование местного самоуправления в Германии и России на современном этапе. *Пространственная экономика*, 3, 40–61. DOI: 10.14530/se.2017.3.040–061.
- Постановление ЦК ВКП (б) о ликвидации округов от 15 июля 1930 г. Режим доступа <http://istmat.info/node/48987>
- Тархов, С. А. (2005). *Изменение административно-территориального деления России в XIII–XX вв. Пространственная организация хозяйства: ТПК, или кластеры*. Москва: ИГ РАН.
- Транин, А. А. (1984). О понятии административно-территориальной организации капиталистического государства. В Г. В. Барабашев (ред.) *Административно-территориальная организация капиталистического государства* (с. 8–14). Москва: Наука.
- Туровский, Р. Ф. (2006). *Центр и регионы: проблемы политических отношений*. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Чиркин, В. Е. (2014). Публичное управление «на местах»: некоторые вопросы российского и зарубежного опыта. *Журнал российского права*, 10, 39–48. DOI: 10.12737/5773
- Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. Федеральная служба государственной статистики. (2018). Режим доступа http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce
- Эксперты КГИ сравнили практику муниципальных территориальных преобразований в России и Европе. Режим доступа <https://komitetgi.ru/news/news/3452/>
- Charbit, C., Michalun, M. (2009). Mind the gaps: Managing Mutual Dependence in Relations among Levels of Government. *OECD Working Papers on Public Governance*, 14, OECD Publishing. DOI:10.1787/221253707200
- Multi-level Governance: overview of OECD Country experience. (2017). OECD Multi-level Governance Studies. Режим доступа <https://doi.org/10.1787/9789264272866-en>
- Parishes Names and Codes in England and Wales (2016). *Office for National Statistics*. Режим доступа <http://geoportal.statistics.gov.uk/datasets/parishes-december-2016-names-and-codes-in-england-and-wales>
- Population by the 2017 administrative reform (2017). *Statistics Estonia*. Режим доступа http://www.stat.ee/sdb-update?db_update_id=20303

Статья поступила в редакцию 9.08.2018

Статья принята к публикации 3.09.2018

Для цитирования: Трудюлюбов А. С., Экба М. А. Опыт реформирования административно-территориального деления на поселенческом уровне в современной России. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 3. С. 177–196.

THE EXPERIENCE OF REFORMING THE ADMINISTRATIVE DIVISION AT THE LOCALITIES' LEVEL IN MODERN RUSSIA

A. S. Trudolyubov, M. A. Ekba

Alexander S. Trudolyubov, Higher School of Economics, Myasnitskaya Str., 20, Moscow, 101000, Russia.

E-mail: caiiiatr@mail.ru · <https://orcid.org/0000-0002-7845-3371>

Marina A. Ekba, Moscow State University, the Lenin Hills, 1, Moscow, 119991, Russia.

E-mail: marinaekba@gmail.com · <https://orcid.org/0000-0001-9322-8706>

Acknowledgements. The research was carried out through the financial support of The Russian Foundation for Basic Research: research project № 17-03-00566 “Settlement-level municipalities in Russia: political position and problems of development”.

Abstract. The article examines the dynamics of the sub-regional administrative and territorial divisions (since 1987 to 1995) and municipal and territorial divisions in Russia (after Federal Law № 131 came into force), with special attention to the localities' level of local selfgovernment. The authors detect common trends in the reform of the regional territorial organizations, to group regions in accordance with the changes in the AD, and to correlate the trends with those of other countries. The key method of research is cluster analysis of the dynamics of changes, first in the administrative and later in the municipal divisions of the Russian Federation regions. After the collapse of the Soviet Union, Russia has inherited the former territorial system of the «soviets», coherent in conformity with the Soviet models of population distribution and territorial economic structure which were no longer actual. The Russian Federation regions faced the necessity to bring their administrative division into line with socioeconomic reality. On the basis of statistical data, the authors assert that the reforms of the territorial structure of local selfgovernment in some regions of the Russian Federation are unsystematic, or that there is no significant development. Different regions in the different periods made decisions to annul small rural localities settlements or to deprive some settlements of their city status. The only viable federal trend that can be traced over the period under research has been the elimination of urban-type settlements.

Key words: local selfgovernment, administrative division, territorial reforms, localities.

DOI: 10.31429/26190567-19-3-177-196

References

- Charbit, C., & Michalun, M. (2009). Mind the gaps: Managing Mutual Dependence in Relations among Levels of Government. *OECD Working Papers on Public Governance*, 14, OECD Publishing. DOI:10.1787/221253707200
- Chirkin, V. E. (2014). Publichnoe upravlenie “na mestakh”: nekotorye voprosy rossijskogo i zarubezhnogo opyta [Local Public Governance: Some Aspects of the Russian and Foreign Experience]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 10, 39–48. DOI: 10.12737/5773.
- Chislennost' naseleniya Rossijskoj Federacii po municipal'nyh obrazovaniyam. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. (2018). [Population numbers of the Russian Federation in Municipal Localities. Government Statistics Office]. Retrieved from http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce
- Dergachev V., & Makutina, M. Gosduma v uskorennom rezhime rassmotrit popravki o likvidacii poselenij [The State Duma will Expediently Review the Amendments on the Liquidation of Localities]. (2017, March 10). *RBK*. Retrieved from <http://www.rbc.ru/politics/10/03/2017/58c-29f429a7947596181c66d>
- Drobotenko, I. I. (2010). Zarubezhnye modeli mestnogo samoupravleniya: opyt dlya Rossii [Foreign models of Local Selfgovernment: Experience for Russia]. *Vlast'* [Power], 1, 119–122.
- Eksperty KGI sravnili praktiku municipal'nyh territorial'nyh preobrazovanij v Rossii i Evrope [Committee of Civil Initiatives experts' Report on Comparative Experiences of Territorial Reforms in Russia and Europe]. Retrieved from <https://komitetgi.ru/news/news/3452/>
- Klejmenov, S. P. (2012). Administrativnyj i ehkonomicheskij faktory prostranstvennogo razvitiya Pskovskoj oblasti: istoriya i sovremennost' [Administrative and Economic Factors of Pskov Region Spatial Development: The Past and The Present]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regional Studies Magazine], 14, 187–200.
- Markvart, Eh., & Johen, F. (2017). Territorialnoe reformirovanie mestnogo samoupravleniya v Germanii i Rossii na sovremennom etape [Present-day territorial reforms of local selfgovernment in Germany and Russia]. *Prostranstvennaya ehkonomika* [Territorial economy], 3, 40–61. DOI: 10.14530/se.2017.3.040–061.

- Multi-level Governance: overview of OECD Country experience. (2017). *OECD Multi-level Governance Studies*. Retrieved from <https://doi.org/10.1787/9789264272866-en>
- Parishes Names and Codes in England and Wales (2016). *Office for National Statistics*. Retrieved from <http://geoportal.statistics.gov.uk/datasets/parishes-december-2016-names-and-codes-in-england-and-wales>
- Population by the 2017 administrative reform (2017). *Statistics Estonia*. Retrieved from http://www.stat.ee/sdb-update?db_update_id=20303
- Postanovlenie CK VKP (b) o likvidacii okrugov ot 15 iyulya 1930 g. (1930). [Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the Annulment of Districts as of July 15, 1930]. Retrieved from <http://istmat.info/node/48987>
- Tarkhov, S. A. (2005). *Izmenenie administrativno-territorial'nogo deleniya Rossii v XIII–XX vv. Prostranstvennaya organizaciya hozyajstva: TPK ili klastery?* [Russian Administrative Division Development in the XII–XX c. Structure of Territorial Economy: Commercial and Industrial Complex or Clusters]. Moscow: IG RAN.
- Tranin, A. A. (1984). O ponyatii administrativno-territorial'noj organizacii kapitalisticheskogo gosudarstva [About the Definition of the Administrative Division of a Capitalist State]. In G. V. Barabashev (Ed.) *Administrativno-territorialnaya organizaciya kapitalisticheskogo gosudarstva* [Administrative Division in a Capitalist State]. (pp. 8–14). Moscow: Nauka.
- Turovskij, R. F. (2006). *Centr i regiony: problemy politicheskikh otnoshenij* [Center and the Regions: Problems of Political Relations]. Moscow: HSE Publishing House.
- Zakon Rossijskoj Federacii “Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii” ot 28.08.1995 № 154-FZ. (1995). [Law of the Russian Federation “On Common Principles of the Structure of Local Government in the Russian Federation from 28.08.1995 № 154-FZ”]. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7642/
- Zakon Rossijskoj Federacii “Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii” ot 06.10.2003 № 131-FZ. (2003). [Law of the Russian Federation “On Common Principles of the Structure of Local Government in the Russian Federation” from 06.10.2003 № 131-FZ]. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/
- Zakon Rossijskoj Federacii “Zakon o mestnom samoupravlenii v Rossijskoj federacii” ot 06.07.1991 № 1550-1. (1991). [Law of the Russian Federation “Law on Local Government in the Russian Federation” from 06.07.1991 № 1550–1]. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105/
- Zakon SSSR “Ob obshchikh nachalakh mestnogo samoupravleniya i mestnogo hozyajstva v SSSR” ot 09.04.1990 № N1418-1. (1990). [USSR Law “On Common Principles of Local Government and Local Economy in the USSR” from 09.04.1990 № N1418–1]. Retrieved from <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1687>

Received 9.08.2018. Accepted 3.09.2018

For citation: Trudolyubov A. S., Ekba M. A. The experience of reforming the administrative division at the localities' level in modern Russia. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 3. Pp. 177–196.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 42 тыс. знаков с пробелами (до 1,0 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows. Статьи принимаются через систему электронной редакции на сайте журнала journalsr.kubsu.ru. В связи с переходным периодом просим статьи в номера журнала 2018 года дублировать на электронную почту chsu1999@yandex.ru.

Автор предоставляет Редколлегии (издателю) журнала право на использование статьи в научном журнале, а также на включение полнотекстовых вариантов статьи в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и иные международные базы данных. Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит Издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами. Авторские права регулируются на основе лицензии Creative Commons 4.0 BY. В качестве согласия автора на публикацию рассматривается загрузка статьи в систему электронной редакции на сайте журнала или отправка статьи на официальный адрес редакции с сопроводительным письмом.

Редакция размещает фамилию, имя, отчество, аффилиацию автора, электронный адрес автора, название, аннотацию, ключевые слова статьи в журнале и на сайте издания. Гонорар за публикации не выплачивается. Полученные статьи не возвращаются.

Авторская справка должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы (полное название организации и ее почтовый адрес), занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес автора. Сведения предоставляются на русском и английском языках.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 200-250 слов, содержащее описание сути научного сообщения (цель, методология, основные выводы исследования, интерпретация его результатов, значение исследования для решения затрагиваемых научных проблем) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). Не допускается наличие в аннотации ссылок, прямых цитат из текста статьи. К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список, а также переведенные на английский язык названия статей и рисунков.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных.

При оформлении рукописей следует руководствоваться Правилами оформления библиографических ссылок.

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствии с настоящим стандартом.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

В тексте

Используйте метод цитирования «дата — автор» (фамилия автора, год публикации). Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камил, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) показывают, что...
- In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
- Walker (2000) compared reaction times...
- Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... — первое цит., затем: (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... — первое цит., затем: (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждений группы) цитируйте только в тексте:

- (Р.А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R.A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

Библиографический список

Ссылки должны включать: автора, редактора (если он есть), год издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите название на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите редактора на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовок, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; **для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи** перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «pp.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабашов, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа*, 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyeblink conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience*, 123, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. *Спортивный психолог*, 2 (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyy psiholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia? *Psychology Today*, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. *Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга*, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobytiy na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration of St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), сс. 1-2.

- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five — second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

КНИГИ

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies*. (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarennyi rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора(ов) (печатная копия)

- Люсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). *Handbook of consumer psychology*. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Sotsialniy i emocionalniy intellekt: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A.N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U.D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O.K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О.К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы журнала или книгоиздателя.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгуев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Rastorguyev, S. V. (2013). Opyt biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, 4 (2): 43-50. Retrieved from <http://ojs.lib.swin.edu.au/index.php/ejap/article/view/8/157>

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. *Эксперт Сибирь*, 25 (422). Режим доступа <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir* [Expert Siberia], Retrieved from <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology*, 40 (8). Retrieved from <http://www.apa.org/monitor/>

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). *Los Angeles Times*, Retrieved from <http://www.latimes.com>
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). *Газета.ру*, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml
- Koryagin, V. Net nasiliyu [«No» to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). Rossyiskiy gendernyi poryadok. Sotsiologicheskiy podkhod [Russian gender order. A sociological approach]. doi: 10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

- Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R. P. Carlisle et al. (Eds.), *Encyclopedia of play in today's society*. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

- Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from <http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/>

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

- U.S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009). Autism Fact Sheet (NIH Publication No. 09-1877). Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/disorders/autism/detail_autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

- Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years). [Monograph]. Retrieved from <http://eric.ed.gov>

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

- Helsel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity*. (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 406-н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

INFORMATION FOR CONTRIBUTORS

Dear Authors, the Journal welcomes your manuscripts (scientific articles, reviews of publications and critical reviews up to 32,000 symbols, i.e. up to 0, 8 of the printer's shift). Manuscripts should be submitted in MS Word for Windows format. Manuscripts are accepted via Open Journal at the Journal's site (journalsr.kubsu.ru). Because of the transition period, please send the copy of your materials for 2018 issues of the Journal to chsu1999@yandex.ru.

The Author grants the Editorial Board (the Publisher) the right to publish their article in the Journal and to use the article's full texts in the "Russian Science Citation Index" (РИИЛ), and other international databases. The right to use the materials of the Journal as a whole, in accordance with paragraph 7 of article 1260 of the Civic Code of the Russian Federation, belongs to the Publisher. The copyright is regulated by Creative Commons 4.0 BY license.

The author's consent to publish their article is considered realized as soon as the article is downloaded in the Open Journal System on the Journal's website. The Open Journal System registers the author's initials and surname, as well as their affiliation, the electronic address, the title of the article, the annotation, and key words, both in the Journal and on its site. No royalties are paid. The submitted articles are not returned.

The manuscript should enclose the title of the article in English, the author's transliterated surname, and the References transliterated and translated into English. The author's information should include the following about the author / authors: their initials and surname (in full), their academic rank, the name of the organization where they work and its postal address, their position, telephone numbers, electronic and postal addresses (including postcode), and the information about the financial support of the research and the grants' titles. The information is provided in Russian and in English.

The manuscript should enclose an informative summary of the article (the volume of the summary is between 200-250 words), containing the description of the essence of the research (its aims/goals, methodology, basic conclusions of the research, interpretation of its results, its importance in solving the problems raised in the research), as well as the key words (not more than ten). Footnotes and/or direct citations from the article are not permissible. The resume and the key words are provided in Russian and in English.

The author / authors should refer to the sources from which they borrow citations, statistical data and other information. At the end of the article there is Bibliography (References) in which the cited (or otherwise mentioned) sources are arranged in the alphabetical order and are given a numerical number. It is necessary to mention the place of publication, the publishing house (with the exception of periodicals), and the year of publication. First come Russian sources, then foreign sources.

In preparing the manuscript for publication the author (s) should follow Rules for Preparing a Manuscript for Publication.

The Editorial Board reserves the right to return the manuscript to its author to bring it into line with the existing standard.

Editor's board address: Kuban State University, room 412H, 149, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (4th floor of the university new building, room 414H, open Mon – Fri, 10 am – 5 pm).

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

PROCEDURE FOR RECEIVING AND REVIEWING MANUSCRIPTS

The Journal accepts articles not published earlier either in English or in Russian. The manuscripts are reviewed by the members of the editorial board and editorial council, or by the invited reviewers who are acknowledged specialists in the field of science researched in the article. In case of serious contradictions between the reviewer(s) and well-based doubts of the editorial board on the publication, the manuscript can be submitted for further review.

The reviewers provide recommendations on whether to publish the paper or not. During 30 days the applicant is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to be published, (2) the article is recommended to be published after revision, (3) the article is not recommended to be published.